

С.А.Зелинский

**НЕОПУБЛИКОВАННЫЙ
ДНЕВНИК.**

ТОМ 1. НАКАЗАНИЕ

2015

Оглавление

Предисловие	6
Часть 1.....	9
1 сентября 1983 год.....	9
23 сентября 1983.....	10
30 сентября 1983.....	10
4 октября 1983.....	11
1 ноября 1983.....	11
4 ноября 1983.....	11
07.11.83.....	12
15.11.83.....	13
27.11.83.....	14
28.11.83.....	15
02.12.83.....	16
04.12.83.....	17
07.12.83.....	19
Часть 2.....	20
10.12.83.....	20
Часть 3.....	28
25.12.83.....	28
05.01.84.....	29
06.01.84.....	29
15.01.84.....	30
17.01.84.....	31
24.01.84.....	32
25.01.84.....	33
27.01.84.....	34
Часть 4.....	35
02.02.84.....	35
07.02.84.....	36
11.02.84.....	40
12.02.84.....	40
13.02.84.....	42
19.02.84.....	42
01.03.84.....	44
03.03.84.....	44
07.03.84.....	47
11.03.84.....	48
01.04.84.....	49
Часть 5.....	51
04.05.84.....	51
07.05.84.....	52
18.05.84.....	54
19.05.84.....	56
21.05.84.....	56
29.05.84.....	57
02.06.84.....	58

07.06.84.....	59
21.06.84.....	60
Часть 6.....	61
01.08.84.....	61
02.08.84.....	65
15.08.84.....	67
02.09.84.....	69
11.09.85.....	70
20.09.84.....	72
01.10.84.....	74
02.10.84.....	75
04.10.84.....	79
Часть 7.....	80
01.11.84.....	80
14.11.84.....	81
12.11.84.....	82
14.11.84.....	83
15.11.84.....	83
21.11.84.....	84
01.12.84.....	86
03.12.84.....	87
15.12.84.....	88
23.12.84.....	88
Часть 8.....	89
01.01.85.....	89
07.01.85.....	90
13.01.85.....	94
21.01.85.....	95
27.01.85.....	95
02.02.85.....	96
Часть 9.....	96
22.02.85.....	96
23.02.85.....	99
03.03.85.....	103
04.03.85.....	107
07.03.85.....	109
01.04.85.....	110
07.04.85.....	111
15.04.85.....	112
01.05.85.....	113
03.05.85.....	113
04.05.85.....	114
17.05.85.....	116
01.06.85.....	117
07.06.85.....	119
10.06.85.....	119
11.06.85.....	120
12.06.85.....	121
13.06.85.....	121
20.06.85.....	122
01.07.85.....	127

07.07.85.....	130
08.07.85.....	130
09.07.85.....	131
10.07.85.....	132
Часть 10.....	134
03.08.85.....	134
01.09.85.....	135
02.09.85.....	136
02.09.85.....	137
04.09.85.....	138
05.09.85.....	139
07.09.85.....	140
11.10.85.....	140
01.11.85.....	143
01.12.85.....	144
02.12.85.....	145
03.12.85.....	146
15.02.85.....	146
22.12.85.....	148
23.12.85.....	150
24.12.85.....	151
27.12.85.....	152
05.01.86.....	155
01.02.86.....	156
02.02.86.....	156
03.02.86.....	156
05.02.86.....	158
Часть 11.....	161
01.03.86.....	161
02.03.86.....	163
11.03.86.....	164
21.03.86.....	165
01.04.86.....	166
02.04.86.....	168
03.04.86.....	170
04.04.86.....	173
06.04.86.....	174
10.04.86.....	175
15.04.86.....	176
Часть 12.....	177
01.05.86.....	177
02.05.86.....	178
04.05.86.....	180
07.05.86.....	181
10.05.86.....	181
11.05.86.....	182
12.05.86.....	185
13.05.86.....	187
14.05.86.....	190
15.05.86.....	191

С. А. Зелинский

Неопубликованный дневник. Том 1. Наказание. Роман

© Зелинский С. А., 2015

Текст печатается в авторской редакции.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

СЕРГЕЙ ЗЕЛИНСКИЙ
«НЕОПУБЛИКОВАННЫЙ ДНЕВНИК». РОМАН.
ТОМ 1. НАКАЗАНИЕ.

роман

Неопубликованный дневник. Том 1. Наказание.

Предисловие

Я нашел эти записи, когда быть может и не должен был их найти.

Разбирая архив отца, я совершенно случайно наткнулся на пожелтевшую от времени тетрадь, которую поначалу бессознательно отодвинул в сторону. Искал я совсем другое.

Прошло уже полгода после его смерти, и неожиданный звонок из издательства меня здорово смутил. Оказывается, незадолго до смерти, отец отнес им рукопись своего последнего романа и они тотчас же отдали ее в набор. Выдав по прошествии минимально возможных в таких случаях (иной раз, как известно, дело невероятно затягивается) гранки для его последней корректуры перед набором. И вот каким-то образом эта рукопись теперь затерялась.

Сославшись на невозможность ее найти, я уже было и сам опечалился, выдавая результаты поиска редактору, как отчего-то согласился поискать уж в который раз.

Нисколько не теша себя надеждой, я, тем не менее, дал слово «проверить еще раз». Что сейчас и делал.

Но все было напрасно.

Прошло еще несколько дней, прежде чем я вспомнил об отложенной мной тетради. Почему я раньше (еще тогда, в первый раз) не обратил на нее внимание?

В последнее время я боялся задавать себе подобные вопросы. Их и так было слишком много. Достаточно для того, чтобы сойти с ума. Или пустить себе пулю в висок.

Вероятно, я действительно стал замечать, что подобное состояние уже не отпускает меня. И даже, признаюсь, перевез с дачи в свою городскую квартиру именной пистолет деда. Тот самый пистолет, о пропаже которого я «честно» заявил еще пять лет назад следователю, который вел дело

о краже в загородном доме генерал-майора в отставке Петра Владимировича Быстрицкого. Тогда много чего украли, так что исчезновению оружия как бы никто и не удивился. Посчитали, что преступники его унесли вместе с остальным похищенным. И только я знал истинное положение дел. (Дед тогда лежал в больнице. Никто в семье не говорил, но я видел его состояние. И знал, что он умрет. А пистолет... Уже не помню сейчас, что же меня на самом деле к тому подтолкнуло. Быть может и не было какой оправданной причины. Но только я перепрятал пистолет из тайника – о существовании которого знал каждый в доме – в другое место. На всякий случай. А через день случилась кража.)

Мне не давала покоя та тетрадь. Убеждая себя, что ранее я уже пролистывал все бумаги и знаю их содержание чуть ли не наизусть, я тем не менее не удержался и поехал на дачу. Там теперь никто не жил. (Вслед за дедом - умерла бабушка. Еще через год – под колесами выскочившего на перекресток из-за поворота автомобиля погибла моя мать. Она тогда только-только начала ходить после инсульта. И решила сама дойти до аптеки. Не могла найти таблетки, которые принимала «по часам», подумала закончились. Позже оказалось, что те попросту упали между тумбочкой и стенкой.

И вот недавно умер от аневризмы легкого отец.)

Дальше история была до прозаичности проста и обыденна. Я приехал на дачу. Почему-то с трудом (в связи с этим напрашивалась, было, странная да неожиданная мысль – но я как-то достаточно быстро ее от себя отогнал), так вот,-- я нашел эту тетрадь, и...

А вот тут передо мной предстал тот мир, в котором я как-то и не подозревал, что мог жить отец.

Да даже и сейчас еще берут некоторые сомнения – описывал ли он свое состояние или это все сначала до конца выдуманное?.. Но уже как бы то ни было – это был дневник. Или своего рода дневник. Причем, сама форма содержания, конечно же, не давала повода в чем-то сомневаться. Смущало лишь то, что временной период этих записей рассматривал лишь... Ну, если не юность, то начало зрелости. Того кто писал. Или того, о ком писали (если не отбрасывать предположение, что автором был отец, и описывал он состояние не свое, а выдуманное).

Как оно было на самом деле? Записи начинались с 37-летнего возраста и обрывались, когда описываемому человеку исполнилось 42. Почему-то 42. Хотя отец умер в 56. Вернее – всего за несколько дней до 57-летия.

То есть, описывали не иначе как пятилетний срок жизни.

И ничего до. И ничего после.

Что происходило в другой временной период? Что думал этот человек? Означало ли то, что после 42-х летнего возраста (если допустить, что отец описывал именно свое состояние) наступило улучшение? Или он (отец?) разобрался с самим собой? Или что еще хуже – он уже потерял веру на избавление и посчитал, что нет смысла фиксировать и дальше события внутренней жизни. Психики.

Но тогда это было действительно страшно. Ибо нет ничего страшней и мучительней для человека, когда он теряет веру. Веру в себя. Веру в освобождение. Освобождение от тех самых гнетущих мыслей, попытку разобраться в которых и предпринимал он на страницах дневника.

И еще раз замечу, что дневник – или дневниковую форму, которую он использовал – действительно весьма и весьма загадочен.

Что все это означало? О ком шла речь? О нем самом? Причем, что было удивительным, в найденном мною дневнике (или все же романе?) описывалось душевное состояние человека. И только. Как без какой-то конкретики в адрес писавшего, так и исключая описательные мотивы случавшихся встреч, знакомств, то есть, как будто напрочь исключалось то, что этот человек (а в вымышленной природе которого быть может и не надо было сомневаться) более ни с кем не встречался, как с самим собой.

И даже в какой-то момент у меня промелькнула крамольная мысль считать это именно так, если бы... если бы я внезапно не понял, что все то, что лежит сейчас передо мною (и то, что я решил представить для опубликования) – есть некий дневник моего отца. В который он записывал фиксацию своего состояния психики, скажем так, на определенном этапе жизни.

Или все же это был роман. Роман, начатый им, и по каким-то причинам от публикации которого он решил отказаться.

Но тогда по каким причинам? С чем тогда это было связано?

Быть может отец не хотел, чтобы кто читал эту вещь еще (кроме него)? Или, начав писать ее в молодости, решил каким-то образом вернуться в более поздние годы? А быть может и вовсе не хотел возвращаться?

Вопрос оставался открытым. Но то, что этот дневник для него много значил, мне даже не приходилось сомневаться. Причем, о сем факте говорит хотя бы то, что тетрадь до сих пор хранилась в его архиве. И, по всей видимости, он даже не делал попыток ее оттуда изъять.

Или я ошибаюсь?

Но уже как бы то ни было – я решил предоставить эти записи для опубликования. Может даже в какой-то мере исполнить волю отца. Ведь до сего момента они почему-то не только не были опубликованы, но я даже ничего и не знал о существовании их.

Что из этого получится?

Не знаю. Но то, что это неоценимый опыт человека, пытавшегося не только противостоять все более и более окутавшему его неврозу (а может и более серьезной симптоматики) – бесспорно. И тогда уже это становится действительно интересно. Хотя бы потому, что ни о чем таком (о существовании схожих описываемым симптомах) по отношению к отцу никто не догадывался.

Хотя то, что представало порой передо мной на страницах дневника, готово было убеждать в обратном.

Так ли это было на самом деле? Наверное, и да и нет. Хотя - кто его знает?

Часть 1.

1 сентября 1983 год.

Сегодня мне – 37. Неужели именно столько должно было пройти, чтобы я наконец-то мог себе признаться, что по видимому с моей психикой что-то происходит. И если это так (а уже то, что я решил в этом себе признаться – косвенным образом как раз и свидетельствует о том), то быть может следует бить настоящую тревогу. Хотя... полноте... неужели я буду это делать?... неужели я и впрямь способен на что-то похожее?... Нет. Конечно же, нет. Ну тогда к чему весь этот, чудовищный по сути, хоровод мыслей... А есть ли он?!.. Разве существует (вопрос-то, на самом деле, вполне можно поставить и иным образом) что-то такое за рамки вон выходящее, в справедливости которого я мог бы усомниться? Да еще так, чтобы попытаться если и не выявить причину (как бы то ни было – не сделать это кажется мне невероятно сложным; быть может даже и вовсе неосуществимым), то хотя бы... констатировать ее существование.

Однако, не преувеличиваю ли я своих возможностей? Ведь что-то еще осталось во мне? Что-то, желающее, быть может, попытаться взглянуть на проблему (а есть ли она вообще? Но тогда если допустить что она на самом деле существует, или по крайней мере имеет право на существование, и если так, то что-то же, вероятно, должно мне мешать подойти к наличию этой проблемы уже в самом во мне) таким образом, чтобы все это способствовало хотя бы зарождению самой подозрительности... подозрительности наличия вопроса... Точно также как и способа к его разрешению.

И тогда, если кто спросит меня – на самом ли деле я столь сильно жажду найти ответ на задаваемые самому себе вопросы... я сразу и не найду что ответить...

Но мне – 37. И уже сам этот возраст вполне уполномочен начать требовать получение результатов... Хоть каких-то...

А потому я и сам себе задаю вопрос – и сам же на него отвечаю.

(Но вот такой ответ вряд ли способен кого удовлетворить. В том числе и меня. Но разве у меня есть иной выбор?..).

23 сентября 1983.

Я запутался вконец. Я не думал, что на самом деле это так бывает. Так больно. И боль-то эта другая. Совсем иная, чем, быть может (когда-нибудь, ведь может же кто это предположить) и вообще бывает.

Нет. Сейчас все было совсем иначе.

30 сентября 1983.

В какой-то момент я подумал: а не запутываю ли я таким образом себя?

Нет, я почти ничего не имел против (и даже в какой-то мере мог согласиться) с тем, что это так. Но все-таки?

Моментально вычеркнув (в уме) множество никак не относящихся к делу моментов, и еще какое-то время «порассуждав» (как всегда сам с собой), я пришел к одному, быть может не очень хорошему заключению. А именно – я действительно поймал себя на мысли, что порой мое восприятие проблемы выглядит почти не так (как более «мягкий» вариант – не совсем так), так вот, все вполне могло выглядеть не так, как это оказывалось на самом деле. И тогда уже почти вслед за этим – могло наступить то самое раскаяние, что в иных других вариантах было ничем иным, как признанием в чем-то, что помогало избежать этого самого признания. То есть, именно того признания, что в конечном итоге заставляло в несколько ином плане (как синонимичность понятия – словосочетание «другой ракурс»); итак – это «признание» вынуждало меня по иному взглянуть на проблему. А следом – и относится к ней.

Что же это тогда было? Могло это быть тем самым настоящим чувством (событием, понятием), которое как раз и следовало вкладывать в значение проблемы.

Ну, еще тогда вслед за этим – была ли на самом деле данная проблема столь актуальной (в контексте будущности собственного восприятия), что ей следовало уделять первостепенно важное значение. Или быть может вообще ее необходимо было рассматривать с позиции иллюзорности восприятия бытия.

4 октября 1983.

А быть может попытаться совсем по-иному взглянуть на все, что сейчас меня окружает. Вернее – из чего состоит мой внутренний мир?

Но тогда выходит, что я чего-то боюсь?! (А ведь я и на самом деле этого боюсь!.. Но вот только чего?..).

1 ноября 1983.

Я боюсь того, что происходит внутри меня.

Можно называть это как угодно. Боязнь сойти с ума. Боязнь потерять рассудок. Боязнь в какой-то момент перестать различать ту грань, которая отделяет правду от вымысла. Реальность и действительность – от иллюзорного восприятия этого.

Быть может даже вполне можно это назвать страхом.

Страх... Поистине в той интерпретации, в которую я погружаю ощущение от понимания значения этого слова – в какой-то мере и уникально. Уникально по несравнимости подобных (наступающих) ощущений от других. Но тогда что же это на самом деле?

(Вопрос, на который быть может и не существует ответа. По крайней мере, я его вряд ли найду.)

4 ноября 1983.

Пожалуй, самое страшное, что меня сейчас мучает – это чувство вины. Вины не за какой-то конкретный поступок (от этого было бы еще больнее), а почти что просто вины – как она есть. Вины – как она вообще существует.

Хотя, вероятно, если внимательно покопаться в собственной памяти (что я, признаться, сейчас и делаю), то можно там отыскать немало жизненных событий, за что я мог бы попросить прощения. Особенно у тех, кого сейчас нет рядом. И которые меня, вероятно, никогда не простят. Или уже давно простили. Как бы то ни было – я об этом никогда не узнаю.

На мой взгляд, вина – это самое страшное, что может быть, если рассматривать подобное чувство как некую характеристику душевного уклада психики. От нее практически невозможно избавиться. Для нее практически невозможно найти оправдания. И тогда действительно на каком-то этапе понимаешь, что это так. И нет тебе прощения. Как нет, не существует, и избавления от подобного состояния. Ибо если случилось это только раз-- уже значит что психика дала крен, «вина» нашла лазейку и уже поглощает она тебя полностью и без остатка.

Спасение?

Полноте. Спасения не существует. Душа навсегда обречена на страдания. Страдания, которые и вытерпеть-то не в силах... Но почему-то терпит...

Вероятно, имеет место быть некое особое состояние, в существовании которого заинтересована сама природа человеческого «Я»... природа сознания. Или подсознания. Ведь если принять за основу нахождение подобного чувства исключительно в бессознательном, то уже почти изначально готов склонять копыя перед величию подобной силы. Почти совсем не ожидая какого-нибудь сопротивления. Да и о каком может идти речь сопротивлении, когда, вероятно, я сам способствую проникновению подобного чувства. А иной раз (уж если признаваться – то признаваться до конца) и сам, почти что собственноручно и сознательно, вызываю его. Это чувство. Чувство вины. Причем на каком-то этапе действительно становится настолько больно, что я начинаю терять границы реальности. Они попросту расползаются передо мной, наслаиваясь друг на друга и представляя собой тот конгломерат непонятно-неизведанно-бессознательного, что, по всей видимости, совсем и не требует какого бы то ни было логического понимания. Просто потому, что иного не дано. Или все же: «как бы не дано»?

...Но неужели я на что-то еще надеюсь? В моем положении это было бы не иначе как глупо, и свидетельствовало бы только об одном. О том, что я, вероятно, и впрямь несколько не контролирую ситуацию. Запутываюсь в ней. Все больше и больше начинаю запутываться в ней, и уже почти не жду возвращения. Быть может потому, что не верю, что оно возможно. Быть может потому, что даже не допускаю мысли, что когда-нибудь оно произойдет. Мое возвращение. Ибо все больше и больше я начинаю погружаться в пучину всеохватывающего (мои еще доселе «ровные» мысли) безумия.

Но что скрывается за ощущением подобного единения?..

(А ведь я уже и не верю, что когда-нибудь смогу дать ответ...).

07.11.83

Прошло время – а я все живу. Я до сих пор живу в этом своем корреляте психического познания, от которого за это время и сам невероятнейшим образом устал. И что удивительно – я быть может даже уже и начинаю привыкать к этой стершейся грани между действительностью и тем таинственным иллюзорным миром, во власти которого я неким загадочным образом очутился.

Почему?.. За что?.. Я уже почти не задаю подобные вопросы. Вопросы, ответ на которые может быть настолько болезнен и непредсказуем, что я как бы и не жажду его. И быть может даже не нахожу (для самого себя) необходимости подобного разрешения конфликта. Словно опасаясь признать, собственно, его за конфликт.

Да и какой на самом деле это может быть конфликт, если я почти что сам вызвался признать в себе подобное состояние. А ведь признание в этом случае – ничто иное, как констатация факта его существования. Тогда как еще недавно (почему-то хочется хоть чем-то себя тешить) я не мог согласиться ни на что подобное, потому как понимал (тогда я еще действительно думал, что это так), да-да, я действительно понимал, что все это временно и не на долго.

Но вероятно тогда, когда я согласился играть в эту навязанную подсознанием игру – и началось то, что случилось позже. То есть почти наверняка, что в то время еще можно было что-то предотвратить... Но я того не хотел... А ведь я действительно этого не хотел, вероятно считая, что всегда смогу прекратить подобную экзекуцию сознания.

...Не смог. На каком-то этапе просто-напросто заигрался. Допустил ошибку. Посчитал себя достаточно сильным, чтобы попросту вернуться тогда, когда захочу. Или того пожелаю. А вот потом вроде и желал, и хотел, но уже ничего не получилось.

А должно ли?..

15.11.83.

Невероятно, но события самого раннего детства все чаще и настойчивее воскресали в памяти, рождая... боль. И почти ничего кроме боли. Ибо стоило мне только что-то вспомнить, как картинка из прошлого высвечивалась почти исключительно только негативизмом былой ситуации. Негативизм – почти никогда не замеченный в те времена. Но вот в том-то и дело, что сейчас я видел события прошлого лишь только в самом, что ни на есть, отрицательном ракурсе. Почти всегда я оказывался виноват. И даже, сколько ни пытался восстановить оправданность моего тогдашнего поведения – ничего мне не удавалось. Я оказывался исключительно виноват. Виноват во всем. Да и, вероятно, так оно и было. Тем более что занимательно – иногда я даже припоминал то, что думал на тот момент. Хотя произошедшие случаи могли быть и в десять, и в пять, и даже в три года. Парадокс? Но ведь так и было на самом деле. То есть уже тогда на первое место выходили мои самые отрицательные качества. Которые, вероятно, все это время с тех пор находились исключительно в бессознательном. И которые, также вероятно – заметно усилились с тех лет.

Можно даже сказать, что я помнил как сейчас (причем сами воспоминания иной раз вспыхивали ярким свечением отражений былой безысходности и от них нельзя было избавиться, как только «проговорив» их мысленно в своем подсознании) иные ситуации раннего детства. Ситуации, в которых более чем явно проявилось мое предательство. Предательство перед доверявшими мне людьми. Но хоть и был я негодяй, это почему-то вполне легко мне удавалось скрывать. Так что почти никто никогда и не догадывался, что я из себя представляю на самом деле. Быть может, их всех что-то подкупало во мне? Но что? Ведь, если честно, до сих пор я почти не

задавался подобными вопросами. Нет, конечно, подразумевал, что, по большому счету, это неспроста. И люди должны были чем-то оправдывать свою доверчивость (излишнюю, конечно же, излишнюю) ко мне. Но сейчас вот подумалось: быть может, вся эта подкупающая любовь происходила на бессознательном уровне? И люди, почему-то беззаветно доверявшие мне, и сами не задумывались: как все это происходило?.. Как, каким образом они оказывались в моей власти?..

Хотя, по большому счету, и самой-то подобной власти я никогда не желал... И не то, что она была мне не нужна... Скорее всего я даже не задумывался серьезно по этому поводу.

И тогда все выходило действительно как бы само собой. Хотя и не сказать, что без моего ведома. Вероятно, в моих словах или жестах все равно что-то такое проскальзывало. Что, на мою тогдашнюю беду, излишне располагало людей. Доверившихся мне. И преданных мною же.

И вот с этой самой мукой совести мне теперь приходилось жить. Приходилось смириться с этим. Смириться, потому как я никак не мог противостоять искушению вести себя и дальше точно также. Но даже если бы и не хотел... Это уже не зависело от меня, происходил почему-то совсем без моей воли... без моего желания... И конечно же – без моего участия. Без моего сознательного участия. Ибо с недавних пор я всецело (полностью и исключительно) доверял бессознательному. И лишь молча взирал – куда оно меня уносит.

И что?.. Разве не негодяй после этого?.. Ведь, пожалуй, и самый редкостный мерзавец, в сравнении со мной – самый чистый ангел! К тому же и грехи мои настолько суровы, что я даже более чем боюсь приводить реальные сюжеты происходящего... И тогда уж события из прошлого нескончаемым потоком (один другого хуже) проносятся перед моим сознанием. И я даже не хочу, не пытаюсь выхватить, удержать хоть один факт из прошлого... Ибо больно, невероятно больно вспомнить что-то подобное...

27.11.83.

Я почти впервые так запутался в себе. То, что раньше принимал за некий луч истины – теперь в одно мгновение становится безвозвратно утеряно и не нужно вовсе. И мне почти абсолютно безразлично, к чему это все приведет. Вернее – вопрос: приведет ли оно вообще к чему?.. Не есть ли это самый настоящий путь в никуда?.. И если это так (если это на самом деле окажется так), то не означает ли, что и дороги вернуться обратно не существует больше, а само томление подобным окажется вдруг страшным до неузнаваемости своей безысходной правдой?.. И тогда уже окажется, что то, к чему стремился – безвозвратно потерянным... Ненужным... Лишним... (Наступит ли на самом деле – осознание этого факта?.. Или вместе со всем этим пропадет и способность какой бы то ни было оценки?..).

А вот ведь удивительно – состояние, то внутреннее состояние (и, главным образом, ощущение этого) в котором я нахожусь, что если оно уже кажется странным не только мне?.. Что если еще кто-то начинает замечать происходящие во мне пертурбации, вызывающие... вызывающие появление доселе неизведанных ощущений... Таких, быть может, которые и было бы невероятно страшно описать, поведав о них (вдруг и сразу) всему миру?!.. Или я только один способен различать подобное?.. Но не будет ли это игра с ветряными мельницами?.. Быть может и не следует так уж замыкаться на собственных впечатлениях, посчитав, например, что если это происходит только со мной, то почти что значит и касается только меня... А другие здесь вроде как не при чем...

Но, должно быть, это не совсем правильно... Ибо то, что замечается таким вот образом мною – уже почти что есть ни что иное как подтверждение наличия (существования) совести... Свести, как нечто того, что скорее всего как раз и не дает мне права молчать...

Но что это?.. Неужели я и впрямь вдруг стал таким честным?.. А может я и был таким? И доселе все это существовало почти исключительно в моем подсознании, не выходя наружу, и лишь подспудно влияя и определяя характер моих действий... Да совершаемых поступков...

28.11.83.

Когда-нибудь... Когда-нибудь, вероятно, я должен был задуматься над этой простой (и даже простейшей, более чем простейшей и даже напрашивающейся само собой) истиной... Незачем усмирять в себе два разных человека... Надо дать им впрямь выговориться обоим... Нет, надо даже им дать право насладиться полемикой (хотя будет ли когда-нибудь что-то подобное между ними) друг с другом... Насладиться самыми настоящими откровениями их откровений... И тогда... тогда мне останется всего лишь слушать, представив им, быть может, поле для игры... Игры на одни ворота, игры, в которой (как изначально уже известно мне) просто и не может быть победителя... Это как право первой ночи – двое сливаются еще как будто вместе,-- но уже через мгновение из них получается лишь одно... одно целое...

Я давно таил в себе это желание. Еще как-то, помнится, противился, притворствовал столь, как кажется сейчас, элементарному началу пути, и как будто бы усмирять и одергивая в чем-то самого себя понимал, что быть может как раз в этом и должна заключаться правда,.. Или истина... Ну, или что-нибудь вроде того... Нет... В какое-то мгновение я начал уже разубеждать себя в столь непонятном (неужели и впрямь представлявшимся мне таким?) откровении...и в следующую минуту понимал, что ничего больше не надо...

Что это за два человека?.. Что они на самом деле из себя представляют... Знают ли о существовании друг друга?.. Догадываются ли?.. А если узнают – как смириться с этим?.. Не будет ли легальное появление одного – означать гибель другого... Но какова тогда очередность выхода?..

...Кто должен быть первым?.. Я?.. Он?.. Он... только он... сначала один – а после уже и другой... Второй просто-непросто вытянет первого из самого себя, и тогда уже совсем даже не важна будет эта «первоочередность»...

02.12.83.

Кто был тот... другой?.. Какой он из себя?.. Впрочем, о внешности говорить – значит рисовать автопортрет...

Хотя, вероятно, в чем-то они, эти двое, все же и отличались...

Ну может походка у первого была более уверенней... И осанка прямее... И тогда уже и плечи порасправленнее, и голова – приподнятее, да и... действительно, уверенности в нем было побольше... Иной раз – хоть отбавляй.

Порой мне казалось, что изменялся даже голос... Нет, скорей – сама манера говорить... Означало ли это, что он мне был ближе?.. Пожалуй, что нет. Как раз ближе (иной раз - намного ближе) был именно другой... Он ведь казался как бы погруженным вглубь себя... И за этой интровертированностью обманчиво казалось, что никто был не нужен...

Хотя наверняка это только казалось. Ибо за казавшимися какими-то опущенными чертами лица, за приглушенным голосом, который он боялся повышать (мне почему-то именно так это виделось), за всей этой внешностью погруженного в свои внутренние проблемы человека – как будто не было ничего, что могло как-то обратить на себя внимание... мое... мое внимание... И тем не менее, я чувствовал, что в этом человеке я – еще мгновение – смогу раствориться, слиться, быть может даже идентифицироваться... Но как же я боялся этого...

Они, бывало, даже дружили... И тогда из двух (вроде как и отличных до боли противоположности) личностей рождался какой-то странный (и до боли знакомый) симбиоз, о существовании которого я не то что не догадывался, а как-то наоборот – тотчас же и неотвратимо гнал от себя... Словно чего-то боялся...

А ведь я, пожалуй, и на самом деле боялся подобных перерождений... Вероятно где-то в глубине подсознания все должно быть непременно чем-то единым, а иначе нарушалась первооснова бытия... А что за этим... Что может последовать за этим дальше?..

Еще большая затуманенность того, что уже как будто начинало различаться в тумане ежедневной заретушированности... То, что словно и не должно было проявляться, высвечиваясь каким-то совсем непонятным образом... И за этим вот появлением почти всегда сквозила неизбежность... жуткая, и до боли манящая своей не открытостью... А быть может и наоборот, эта самая неизбежность, казалось, уже не предвещала, не должна была предвещать чего-то такого уж страшного... И тогда мне казалось – как будто не было ее... Но что тогда было?.. Был ли я сам?.. В такие мгновения мне наверное казалось, что и меня самого как будто не существовало... И тогда – словно проваливаясь в пустоту первооткрывшегося бытия, я как будто понимал, начинал понимать, что вроде как ничего не происходит... И уже не было их... ни того, ни другого... Но так как я твердо знал что они были (и есть) всегда – то ничего не изменилось... Да уже наверное и не должно было измениться...

Но зачем тогда было все это?..

04.12.83.

Те два человека, которые во мне жили, какие они были?.. В последнее время я зачастую слишком часто задавался этим вопросом. Но еще больше меня, наверное, мучило осознание необходимости смириться с их существованием. Глупо, конечно, было возражать. Да и, быть может, я не смог бы в полной мере (даже если бы сильно того пожелал) им что-либо противопоставить. Ну, тогда и вправду следовало просто смириться...

И все же иной раз мое подсознание необычайно активно восставало против осознания наличия сего факта. И тогда я в самом деле как-то странно изменялся; во мне рождалось что-то, быть может неведомое и для меня самого. Но вот, спроси меня тогда (да и сейчас), что было больше в моем «протесте»?.. И я вряд ли бы смог ответить...

И тогда, если бы кто посторонний смотрел на меня в тот момент, то он видимо обратил внимание на уж слишком потусторонний взгляд (начинавшийся еще, вероятно, с какого-нибудь «отвлеченного», но потом непременно уже переходивший в следующую свою стадию, на своего рода какой-то новый уровень), и тогда должно быть было действительно меня совсем бесполезным о чем-то спрашивать, ибо что я на самом деле думал в тот момент – вряд ли в полной мере осознавал и я сам...

Но уже то, что я знаю почти что наверняка – не было в моих тогдашних размышлениях чего-то и вовсе непреднамеренного, странного, загадочного, непредсказуемого... Да и сам окружающий мир как будто мне хоть и не виделся таким уж ясным да осознанно понятным, но и все равно он мог (при желании) показаться таким. Но вот было ли подобное желание?..

А ведь если разобраться, я, пожалуй, и должен был тогда уже начинать разбираться сам с собой. Но почти что верно наверняка, что я не знал в полной мере когда *это* со мной началось в первый раз... И тогда я уже мог только догадываться, что это вероятно начиналось как-то медленно (да почти что неосознанно), и я скорей всего почти наверняка упустил тот первый момент, когда это *только началось* – и теперь уже ощутил все как бы сразу, и мне пришлось как-то нелепо (и хочется сказать – почти что последовательно, но скорей всего это было все как-то резко, неожиданно, и сразу) констатировать уже наличие в себе чего-то такого, что вполне легко, пожалуй, можно принять и за наступавшее на пятки «раздвоение личности», но... но как бы мне не хотелось так уж быстро «смириться»...

Но что же это тогда за состояние такое неосознаваемое внутри меня?.. Во что это превратилось мое еще некогда контролируемое сознание?.. Когда сейчас уже действительно, сам черт не разберет, в какую такую игру иной раз играет сознание с подсознанием?.. И кто там одерживает вверх?.. Потому как и сам мир (что окружающий мир – нелепая проекция бессознательного?) кажется не способен служить более-менее исправным индикатором, потому как быть может видится мне все в каком своем (могу сказать – индивидуальном?) ключе восприятия (ощущений?). И тогда уже кроме наступившей (или пока – почти наступившей) путаницы, я как вроде и не могу ничего разобрать в полной мере ответственно да точно.

А за условностью... за условностью может быть лишь только условность. И не больше.

А что на самом деле я мог из себя представлять в каком-то своем детстве? (если все же допустить, что истоки того, что сейчас со мной происходит, следует искать именно там). Неужели тогда еще, за и ничем как вроде бы не примечательной внешностью уже скрывались потаенно-бурлящие – и до конца неосознаваемые, ни тогда ни сейчас – силы, приводящие к самому настоящему хаосу мыслей да сквозящего за ними порока бытия.

Сейчас кажется что вроде бы вся сущность моя восстала против подобного желания откровения, но тогда уже быть может именно за этим скрывается то нечто ценное, что я быть может и всегда с такой настойчивостью стремился отдалиться от себя? А за самой возможностью архисложных в таких случаях «рождений идей» (то что и есть, быть может, самыми что ни на есть откровениями) скрывается самое что ни на есть ценное и запретное?

Но вот чем больше я начинал радоваться от нащупывания какой-то отправной точки (ну или той, которая должна была послужить таковой), тем больше как-то внезапно замечал, что все ее доселе осязаемая видимость как-то нелепо начинает расплываться передо мной. И ничего кроме того как необходимости вернуться на изначальные позиции – я вроде бы уже и не ощущал.

И тогда уже проходило еще какое-то время – и я уже и вовсе не переставал что-либо понимать (как, казалось, должно быть – четко и с осязаемой видимостью), и уже почти вслед за

этим хотелось закричать или расплакаться, но я не желал ни того ни другого, так как почему-то невероятно боялся кому показаться излишне эмоциональным.

Так было, по всей видимости, от того, что за всякой эмоциональностью таилась доступность разгадки вас. А уже этого я боялся более чем очень.

Почему?.. Это чуть ли не единственный вопрос, который по праву заслуживает лидерства в моем желании разобраться: что же на самом деле со мной происходит?..

07.12.83.

Не знаю, почему я так хочу уцепиться за какие-то детско-юношеские воспоминания? Скорей всего это действительно попытка увязать посредством их все что случилось в дальнейшем и уже почти наверняка – что происходит сейчас.

Но тогда уже получается это не иначе как от безысходности? Ну а почему бы и нет?.. Разве не скрывается за какой-то нынешней попыткой действительно стремление хоть как-то попытаться оправдать – уже это нынешнее существование – быть может, попытавшись привязать ее к образу прошлого. Но уже и почти тогда же – за всем этим новым для себя и где-то таится подсознательная попытка спрятаться от реальности уже нынешней действительности. Ну а ежели так – то уместно ли уже тогда и дальше противиться подобному?..

Что скрывалось за моим прошлым? Прошлым, в воспоминании о котором я быть может все чаще и чаще начинаю ощущать какую-то внутреннюю одухотворенность... Одухотворенность, быть может сравнимую с ощущением (но еще не осознанием) чего-то поистине великого. Того что только при каких-то неведомых для меня «раскладов» способно и на самом деле стать таким... Ну а пока оно еще скрывается в не совсем охваченной желанием действительности правды бытия. Да и о чем на самом деле можно так свободно да беспрепятственно вести речь, ежели за затуманенным разгадыванием каких-то новых жизненных кроссвордов, я к сожалению все больше замечаю как начинаю уходить в какую-то бестелесную даль; из-за которой если и возвращаюсь – то только на миг, да и то, словно и не я это вовсе...

И вот что удивительно. Мне почему-то всегда хотелось затаиться, спрятаться в этой бездне навалившейся на меня «необратимости бытия», словно я мог как-то и действительно спрятаться в ней, и уже как будто бы и не надо было возвращаться обратно.

Что скрывалось под этим вот покровом такой непонятной для меня тайны. Что было, что казалось мне больше нелепым – мое подобное желание или осознание на самом деле осознание всей той загадочной будничности событий. Абсурд... И это при том что действительно мной двигал тогда исключительный абсурд всего что происходило и вероятно только еще могло произойти.

..Но я по всей видимости действительно слегка заигрался. И тогда уже мне просто наверняка следует вернуться как минимум на пару десятилетий назад, чтобы попытаться восстановить всю ту очередность событий, которые, собственно, и привели меня к себе – уже сегодняшнему.

Часть 2

10.12.83.

Это было, пожалуй, лет двадцать, двадцать пять назад. Я рос тогда вполне обычным номенклатурным ребенком, которому совсем не нужно было задумываться о том, что и как происходило вокруг, потому как у него (или точнее – у его родителей) «все было».

Сейчас, пожалуй, излишне – а в контексте задач подобных воспоминаний совсем даже излишне – вдаваться в какие бы то ни было вопросы быта. И тогда лишь стоило сказать, что жил я в семье вполне типичных номенклатурных работников – отец, Петр Владимирович Быстрицкий, ученый-химик, был (как это я уже позже узнал – в семье в ту пору подобные разговоры были табу) связан с какой-то военной секретной отраслью разработок (новейшего оружия?), и в свои 48 – уже носил погоны генерал-майора и имел медаль Героя Соц.труда. Мать – Ираида Матвеевна, преподавала в каком-то военном училище иностранные языки. Я как-то и не вдавался особо в вопросы – какие из пяти языков, которые она знала в совершенстве – на самом деле были «задействованы» постоянно. А быть может, это опять же было связано с тем, что на все, что касалось темы работы родителей – в доме налагался (непонятный для меня и тогда и сейчас – запрет).

Тем более, что и выболтать кому – вроде как (мне почему-то всегда так казалось) я на самом деле не мог. Родители вели какую-то до странности закрытую жизнь, гостей в доме почти никогда не было, экономка – тетя Глаша, да моя нянька и воспитательница – Элеонора Сергеевна, как-то изначально находились под тенью славы моего отца (хотя слава-то, большей частью, была исключительно в узких кругах), но уже как бы то ни было, и приходили и делали они свою работу как-то... невидимо, что ли; так что, вероятно, никто никогда бы и не мог сказать, что они способны были (вернее – имели на то желание) услышать «что-то лишнее». Да и когда возвращались с работы родители (которые почему-то уходили невероятно рано – по крайней мере я еще всегда спал – а возвращались поздно – когда я почти что спал) – и экономка и гувернантка (это слово почему-то не любили, и так быть может Элеонору Сергеевну звал только я, да и то – после того как лет в 12 прочитал Толстовскую. «Войну и мир») тотчас же покидали нашу большую квартиру на Петроградской стороне города Ленинграда.

Мне тогда было лет 14. Невероятно худой и не по годам рослый – я представлял собой этакий ходячий скелет, и, несмотря на то, что питание всегда у нас было достаточно разнообразное (помню как дядя Боря – один из помощников отца – поднимаясь с ним в квартиру и обязательно держа в руках коробку с – как я уже знал – с «вкусностями» - передавал ее мне как-то всегда хитро улыбаясь, казалось, всем окружающим, что мол, вот, специально достал Максус (то есть мне), и выказывая уже исключительную надежду (и обращаясь теперь уже действительно только ко мне), что если я съем все – то буду под стать дяде Васе.

А дядя Вася – бывший охранником отца и всегда стоявший рядом с ним – уже улыбался во весь свой добродушный рот (похожий больше на клоуна, чем на грозного стража) и по видимому только еле уловимый намек на взгляд отца не давал этому двухметровому детине (в прошлом, как я знал, бывшему каким-то известным борцом) затрястись в громоподобном смехе.

Впрочем, отец не очень любил все эти внешние (и как он считал – совсем излишние) эффекты, а потому все эти воспоминания, быть может, и дошли в моей памяти до сего дня потому как были хоть и редки – но каким-то невероятным образом смешивались с тем фантазийным образом, который вероятно как в те годы и стал появляться около меня, а потому проходило какое-то время, и уже на самом деле для меня становилось достаточно «ответственным» вспомнить, где же была истинная правда, а где тоже правда, но уже передернутая легким взмахом накрывающего ее вымысла. Который был, в сущности, достаточно безобиден.

И так вполне могло быть еще и потому, что на самом деле мало кто мог истинно поручиться, что правда, которая в действительности и наяву была более реальна, чем та, которая скрывалась где-то в подсознании, и была, вероятно, тем же самым проявлением мыслей человека, но вот большим знаком вопроса могло быть – где были по настоящему искренние мысли, а где скрывалась лишь видимая необходимость их.

Но быть может, на то уже не было такой уж большой необходимости, потому как уже в то время (несмотря на возраст) я начинал догадываться о том, что вполне можно жить и в действительном, реальном мире – а истинно находиться в своем, воображаемом, и необходимо лишь было вовремя расставить акценты, да сыграть «видимость присутствия».

И вот что удивительно: осознание сего факта, в принципе, по всей видимости, действительно наметилось именно в те дни моего более чем отрочества, когда, казалось, ни о чем подобном среднестатистический ребенок моего возраста и не должен был размышлять.

Ну а если даже допустить, что подобные мысли все же у кого и проскальзывали, то уже вряд ли они могли привести к каким-то структурированным выводам. Так просто быть не могло.

Да и, вероятно, в те дни и у меня мог только наметиться какой-то единый (общий) контур чего-то глобального и масштабного; того, что в последующем стало вырисовываться во все более и

более узнаваемую картину некой модели поведения, которой (замечу) еще только следовало «беззаговорочно принять».

В те дни я уже нисколько не сомневался в своей исключительности. Хотя, положа руку на сердце, эта самая «исключительность» скорее напоминала для меня неразрешимую загадку бытия, за которой, быть может, скрывалось нечто таинственное и, вероятно, действительно непонятное. Непонятное еще, в первую очередь, для самого меня. Ибо я даже больше боялся своей подобной «исключительности», чем способен был по-настоящему восторгаться ей.

Да и чем на самом деле было мне восторгаться? Эта моя исключительность для меня тогда больше таила в себе опасностей, чем ожидания каких-то действительно дивидендов в будущем. Причем (вот уж, что было истинной правдой) само будущее – казалось почти исключительно окрашенным в какие-то мрачные тона. И, по всей видимости, провидение при этом красок не жалело.

Не знаю, что мне мешало тому, чтобы хоть как-то более-менее сносно оформить полученные сейчас выводы еще тогда? Скорей всего молодость. Ибо молодость почти всегда, к сожалению, таит в себе и недостаток знаний, да и, бесспорно, жизненного опыта (в иных случаях некоторым людям заменяющее первое). Ну уже как бы то ни было, а скорей всего и как следствие – мне просто было суждено в последующем совершать еще достаточное количество тех ошибок, которые некоторым удавалось просто обходить стороной. Но разве мог я на что-то быть в обиде? Уже просто по принципу – большинство из выпадавших на мою долю (тех, детских) неприятностей в своей основной массе были попросту необходимы, так как, во-первых, помогали избежать неприятностей (уже в будущем) еще больших, а во-вторых, послужили достаточным материалом для размышлений, так или иначе, способствуя моему духовному росту.

Хотя тогда и было для этого еще далеко.

Я рос, как уже говорил, ребенком из достаточно обеспеченной семьи, и, в принципе, не выявись уже тогда моей страсти к литературе (да и вообще – к книгам), скорей всего (почему-то сейчас я в этом даже уверен) мог бы просто-напросто избежать тех нелепых по сути, но так необходимых мыслей, результат которых в конечном итоге был все же больше печален, чем действительно необходим. Хотя нет. Как я уже заметил, в моей тогдашней ситуации подобный результат был все же необходим. Необычайно необходим. А потому, вероятно, и закономерен.

Но знать бы это мне тогда! Сколько бы удалось избежать излишних расстройств и как более чем печальный итог – даже (хорошо, что только мысленных) суицидных попыток закончить свое, казавшееся тогда ненужным, существование.

Но вот удивительное дело. Я только сейчас могу подвести под все эти попытки необходимую психологическую (а значит оправданно легализующую все мои тогдашние помыслы)

базу: ибо, как уже заметил – было подобное не иначе как всего лишь одним из этапов духовного перерождения личности; своего рода становлением моего внутреннего сознания. И тогда уже помимо всей подобной «нужности да оправданности», ничего плохого да отрицательного как будто эти казавшиеся мне отклонения от нормы в себе не несли.

Но вот в том-то и дело, что я никак не мог разобраться в своем будущем. В том, каким оно должно было быть. Нет, опять же, не тем, что, по большому счету, мне и так в какой-то мере было предначертано. Но тогда уже, по всей видимости, и родители в какой-то мере вносили дополнительную сумятицу в характер моих гнетущих мыслей (еще более усиливая их и без того негативный характер), ибо подспудно я улавливал уже мысли их по моему поводу (а может где и случайно слышал обрывки фраз, которые при моих проявлявшихся уже тогда способностях к анализу – без труда выстраивались в цепочки даже более чем законченных вызовов-предложений), и тогда уже действительно еще больше переполнялся от какого-то осознания собственного величия, ибо понимал, что родители более чем в меня верят (предрекая мне почти что невероятное будущее), но быть может как раз это меня в итоге еще больше и запутывало, ибо (умом все больше понимая) я начинал мучиться, безрезультатно бившись над неразрешимыми загадками своего бытия. И в минуты, когда все более и более запутывавшееся сознание начинало требовать «правды»... Это было, наверное, самое тяжелое для меня... Ибо я с ужасом осознавал, что неспособен разрешить «загадку сфинкса».

Но как уже, пожалуй, я, верно, заметил, все подобные размышления (гнетущие в своем роде) были для меня действительно необходимы.

И тогда уже был в какой-то мере даже благодарен тому, что все мои пертурбации сознания вызвали в подсознании своего рода особое чувство, которое не иначе как свидетельствовало и о поиске какого-то совершенства, и о уже неких (достижимых и достигаемых) результатах этих самих поисков.

Казалось, что может быть лучше: прийти к цели (пусть даже до конца и неоформившейся) посредством исканий?! Долгих? Ну, быть может, и долгих. И уже в любом случае я, пожалуй, должен был действительно кого-то благодарить (Если на самом деле был кто-то) за то, что в силу создавшихся особых (и крайне негативных по сути) условий – вынужденно искал способы преодоления создавшихся (на протяжении всей осознанной юности) препятствий.

И вот верно именно тогда (в том самом описываемом мною периоде собственной жизни) я пришел к неким выводам, позволившим мне не только вообще выжить в том мире, в котором пришлось жить, но и достаточно четко расставить ориентиры (так сказать – наметить цели), ну и, соответственно, приложить дальнейшие усилия к преодолению (и, конечно же, выполнению) поставленных задач.

В моем детстве, за волной вполне обычных и ничем не примечательных событий (свойственных, наверное, всем другим юношам-подросткам соответствующего возраста и уровня жизни) намечалось и нечто, поначалу неосознаваемо-ирреальное, которое первое время я и не мог даже более-менее точно охарактеризовать. Все дело в том, что уже тогда (именно в том своем детстве) я стал ощущать, что как будто начинаю жить и не совсем, как бы это сказать поточнее, измерении что ли... То есть в иные разы создавалось ощущение, что помимо какой-то одной (и более-менее официальной, той, которая была на виду) жизни, я как бы временами окунался куда-то в иную область восприятий. А то и жил (находился) какое-то время там.

Сейчас уже точно не помню, какое тогда у меня было восприятие от такой вот действительности в реальности. Но по всей видимости я был не очень-то доволен подобным положением дел, если искал непреременные способы как-то попытаться выйти из того своего состояния. И что удивительно – мне потребовалось чуть ли не с десятков лет, чтобы понять, что этого делать, собственно, и не требуется. Ведь всегда лучше – не избавиться от проблемы, а стать как бы «над ней». Подчинить ее себе. Заставить ситуацию работать не против, а в паре и с тобой.

Согласитесь, это намного и интереснее и целесообразнее.

Но вот в том-то и дело, что подобное вот это «осознание» случилось намного позднее. А тогда... Тогда я конечно же ни о чем таком еще и не догадывался; а потому мучился, переживал, терзался сомнениями... И не знал способа выхода из создавшегося (и затянувшегося, по сути) положения. Хотя искреннее пытался сам себе помочь.

По всей видимости, именно с тем вот желанием отыскать истину (что почти означало – первоначально разобраться в себе) было, так или иначе, мое увлечение литературой. Увлечение, которое я пронес через всю жизнь, а в последующем – и посвятил себя ей. И вероятно – к тому же самому относится и поиск в философских, да и психологических (вернее – психоаналитических) источниках.

Хотя вот с последними было посложнее.

Официально тогда все что связано с учением Фрейда было под негласным запретом. И мои попытки (то есть обращения к отцу) прочитать хоть что-то по этому поводу – встречали, как бы это мягко сказать, недоумение с его стороны. Но вот помню, мне тогда только исполнилось лет 16 (или 17?), отец приехал как-то вечером необычайно веселый, его водитель и охранник внесли в квартиру кучу каких-то коробок, одну из которых отец, загадочно мне подмигнув, велел мне забирать в свою комнату. Но вскрыть исключительно после ужина. Так сказать, перед сном.

Признаться, последний мой разговор с отцом о Фрейде состоялся уже как год с назад, а потому я просто подумал, что в коробке что-то из той литературы, которой отец регулярно (по выработанному им своеобразному плану, а быть может и вовсе без такового и тогда уже - по мере

«доставания», хотя учитывая его возможности «достать» он мог практически все) снабжал меня. Причем большей своей частью это была литература, так сказать, неофициальная, та, которую не встретишь на прилавках магазинов; хотя кое-что он привозил и из самих магазинов. Вернее – складов, директора которых, соблюдая навязываемую отцом тайну (даже не такую уж необходимую, но так, вероятно, отцу было спокойнее) отзванивались одному из его помощников о поступлении необходимого товара.

В коробке был Фрейд. Издания начала века, на русском языке, еще тех лет, когда в Советском Союзе не только активно печатали и переводили Фрейда, но и был даже создан государственный психоаналитический институт. (Его руководитель Ермаков и большинство преподавателей позже были все тем же советским правительством расстреляны).

Ну как бы то ни было, я мог серьезно заняться изучением теории психоанализа. И, собственно говоря (да и уверен наверняка), если бы все так вышло как я задумал – быть может многих ошибок в своей жизни мне бы и удалось избежать. Но уже через неделю в мою комнату чуть ли не ворвался (невероятно встревоженный) охранник отца дядя Вася, и срочно попросил собрать все книги из недавней коробки (по-моему, он так и не произнес имя автора) в эту самую. Коробку. А когда я это сделал (в каких-то полужамедленных движениях, при этом более чем недоуменно наблюдая за почти немигающим взглядом дяди Васи, которому, вероятно, была дана установка мне не мешать), он быстрым (и каким-то отработанным) движением подхватил ее под руки, а через несколько секунд, припав к окну, я заметил рванувший с места отцовский автомобиль.

Оставшиеся полдня (до вечера, когда отец должен был прийти с работы) я как-то излишне нерешительно бродил из комнаты в комнату (безуспешно пытаюсь остановить свою мысль хоть на чем-то), но, по-моему, так толком и не смог успокоиться, решив, по всей видимости, дожидаться возвращения отца и у него найти все ответы.

Но отец в тот вечер домой ночевать не пришел. И хоть так уже иногда бывало (специфика его работы вполне предусматривала и долгие «бдения» на службе и внезапные командировки), ощущение какой-то непонятной опасности тогда, помнится, как-то неотступно следовало за мной, бесцеремонно вмешиваясь в мои и без того суматошные мысли, и не давая мне возможности должным образом сосредоточиться.

На следующий день к нам домой почему-то не пришла ни моя гувернантка, Элеонора Сергеевна, ни наша экономка, тетя Глаша. Мать уже не уходила так рано на работу; да и вообще я стал замечать, что она старалась задерживаться дома подольше. Еще через день – к нам неожиданно приехал мамин брат (из какой-то соседней с нашим городом деревни; но если честно, я никогда толком и не знал где он жил – у него я был только раз, да и то в относительно юном возрасте) и

забрал все оставшиеся книги. Да еще какие-то «предметы», которые были (вероятно матерью, --а когда?— я даже и не заметил) приготовлены заранее.

А еще через день... приехал отец. Вернее, он пришел не один, в сопровождении каких-то людей (взрослых дядь – я ведь тогда был совсем мальчишкой) в штатском. В принципе, военной формы отец тоже никогда не носил, как и его водитель, охранник, и помощники, но мне помнится что этих людей отличала какая-то удивительная внешняя схожесть. Мамы тогда не было дома (все-таки ушла на работу), какой-то из «дядь» дружелюбно улыбаясь (все они были в какой-то мере психологами-любителями) попросил поиграть в своей комнате, мол, нам с папой надо поговорить, а потом (прошло, должно быть, немного больше получаса) они все ушли. Вместе с папой, который, помнится, все хотел мне что-то сказать, но я – радостный, что его увидел – перебил его какой-то ерундой, суть которой сводилась: лучше приходи поскорее вечером – и обо всем поговорим. «У меня есть что у тебя спросить»,--хотел я ему сказать, но верно решил что стоявшим с отцом «его товарищам»,--как представился мне вероятно старший из них,--совсем необязательно об этом слышать. И ведь не было тогда у меня какого-то страха (а тем более ощущения какой бы то ни было опасности). Просто, рассудив, что на ходу говорить «о столь важном, что я хотел рассказать отцу» - сейчас как-то не с руки. Вот только отец как-то непонятно передернулся (таким я его точно никогда не видел,--быть может это тоже меня как-то остановило), и вероятно хотел улыбнуться, да вот улыбка все не получалась...

Отец уже не вернулся. А мама,--подробно расспросив меня что произошло в квартире,-- как-то внезапно погрузилась вглубь себя. И только через несколько дней призналась, что отец арестован.

...Его оправдали только через семь лет. Еще до того, первоначально «напрашивающуюся» высшую меру заменили максимальным сроком – пятнадцать лет, которые он и отбывал в колонии усиленного режима где-то в Средней Азии.

А когда вернулся, казалось, ничто и не изменилось. Ему вернули (отобранное) звание, персональный автомобиль, охрану, дачу, и т.п. «сопутствующие» атрибуты власти. Единственно – в свой институт он больше не вернулся, а получил должность – сначала в секретариате обкома партии, но потом видимо «сверху» решили, что вроде как неуместно занимать подобную должность хоть и реабилитированному, но бывшему заключенному, а потому «за заслуги перед отечеством» - отправили на пенсию. Персональную.

Было тогда отцу 55 лет, но, учитывая выслугу лет – возраст как вроде бы вполне к этой самой пенсии (тем более персональной) располагающий.

Что я думал за те семь лет? Какие мысли меня посещали? Признаюсь (и это в какой-то мере для меня загадка и по сей день) что мне на самом деле сейчас-то толком и не вспомнить. Как будто и не было их. Хотя с другой стороны, вероятно именно в тот период уже до конца оформилась (опять же, где-то в подсознании) моя какая-то особая амбивалентность. На людях я вероятно был один. А дома, наедине с собой, уже совсем другой.

И наверное уже здесь следовало сказать о той некой схеме (или модели поведения, хотя до этого еще было, наверное, далеко), наметив контуры (пока только контуры) которой я уже мог (попробовать) несколько иначе взглянуть на жизнь.

Скажу сразу, что этому не только предшествовало (но и вероятно было непременно следствием) мое постоянное погружение вглубь себя; так что иной раз уже могло показаться что я и совсем готов был запутаться – где я был на самом деле? В том мире (где, собственно говоря, и должен быть), или совсем в ином; о котором, вероятно, имел лишь только достаточно призрачное представление. Хотя, конечно же, и не я один.

Что это был за мир? Чем он отличался от другого, того где быть может мне (как и остальным) следовало находиться постоянно; ну или по крайней мере – достаточно осторожно покидать его.

Но ведь я ничего такого не боялся. Да и, пожалуй, и не думал тогда (и это было скорее всего) даже о чем-то похожем, представляя мир который меня окружал (и по чьей-то воле во власти которого вынужден был находиться) чем-то сродни... да и не упомяну уже сейчас, что я думал тогда на самом деле по этому поводу. Именно на самом деле. Я ставлю подобный акцент потому как уже к тому периоду относится вероятно самое первое мое ощущение некой раздвоенности. Ибо то, что я думал на самом деле по этому поводу. Именно на самом деле. Я ставлю подобный акцент, потому как уже к тому периоду относится, вероятно, самое первое мое ощущение некой раздвоенности. Ибо то что я думал на самом деле, зачастую, совсем отличалось от неких мыслей, так сказать, по факту; тех, которые и должны были быть, и, вероятно (да и конечно же) были, но которые я мог вполне не принимать всерьез, потому как считал их, ну если не бутафорскими, то уж по крайней мере совсем даже не обязательными. Да и разве могло быть как-то иначе? Совсем даже нет. И уже притом что так и не было (почти никогда) в действительности – сейчас и не уместно даже заострять на подобном какое особое внимание; хотя и практически бесспорно, что в любом ряду даже запоздалых эпатажных конэгуляций – можно отыскать одну какую-то (казалось бы случайную) сентенцию, которая в действительности и способна будет привести к какому одному знаменателю, и, собственно говоря, определяющему суть положения дел. Как говорится – вообще.

Ну и тогда я уже сейчас совсем не об этом.

Итак, по всей видимости, именно тогда ко мне впервые пришла мысль (являющаяся на самом деле следствием как раз достаточно долгих, как уже можно заметить, размышлений) о том, что чтобы элементарно приспособиться к выживанию (а за этими как будто простыми словами стоит несравнимо больше чем, быть может, кажется на первый взгляд), и тогда уже, чтобы действительно приспособиться к выживанию – следовало создать для самого себя некий (вымышленный, разумеется) образ, вживание в который и способен был дать то ощущение внутренней умиротворенности, к которому быть может стремится каждый; но которое наверняка – служило неким залогом безопасности.

И вот тут уже, за, как вроде бы достаточно проступающей простотой – скрывается то самое «постижение пути», к которому стремятся многие.

Нашел ли я то что искал? Нет. Или почти что нет. Но уже за этим отрицанием, на само деле скрывались несравненно намного больше, чем могло в себя вместить это слово. Ибо на само деле, более-менее уже в более зрелом возрасте. А тогда... за первым как будто и пониманием уже ничего более и не наступило; ибо как-то (если и не быстро, то незаметно) я и не растерял... а произошла переориентация ценностей. Другими словами, все, к пониманию чего я как вроде бы и приблизился, неожиданно быстро стало затуманиваться чем-то до сих пор для меня непонятным (а по прошествии времени, вероятно, и вовсе недоступным, большей частью, из-за «специфики памяти»), так что стоило один лишь раз упустить «нить Ариадны», и я уже напрочь запутался. Почему?... Да вряд ли я и сам осознавал то...

Часть 3

25.12.83.

Быть может покажется удивительным, но поначалу мне казалось достаточно сложным вообще разуместь, можно ли тем путем, которым (быть может и неуверенно) пытался идти я – прийти к какому-нибудь более-менее знаменателю. И тогда, когда с одной стороны казалось, что вроде как и нет – с другой наоборот, мне виделось что именно так и возможно было это сделать. Но что тогда уже могло скрываться за той тайной, за которой, по сути, и должно было скрываться начало *постижения пути*?.. И вот в том-то и дело, что я понимал всю сложность вопроса (закключающегося большей частью в его неопределенной «расплывчатости»), и уже тогда, словно и не был уполномочен подыскивать какой и подходящий ответ.

Но вот что было, быть может, *интереснее* всего – я чувствовал, что нахожусь все время где-то рядом с истиной. Но вот в чем она заключалась – чаще всего и не знал вовсе.

И тогда, наверное, необходимо было разделять ощущение с истинностью понимания. И вот здесь, казалось, могла закрасться еще одна загадка: чему больше доверять – интуиции (родной сестры ощущения), или каким-либо фактам (противоречивый характер которых, зачастую, все больше и больше вводил в заблуждение). И уже тогда, когда я, как вроде, и готов был растеряться – я наоборот, находил некое мобилизующее меня начало, которое, собственно, и поддерживало силы. Хотя вроде тоже, своего рода, загадка – как это получалось (и получалось ли?) в реальности.

05.01.84.

Я всегда стремился к какому-то более различимому пониманию (загадки – если таковою она была) своего внутреннего «Я», чем, быть может, оно могло быть мне навязываемым чем-то свыше. И тогда уже (постепенно, за различный период анализа) я начинал приходить к различным выводам, суть представления которых в моем сознании, с одной стороны, и не выглядели такими уж осязаемо «великими», но уже с другой – я как бы и «догадывался», что быть может на них-то все и держится.

Но вот мог ли я противопоставить своему внутреннему «Я» (многочисленные диалоги с которым, порой, готовы были довести меня до исступления) то самое *коллективное бессознательное*, которое жило достаточной (или – самодостаточной) символикой собственного мифотворчества, и в какой-то мере способно было взять на себя те руководящие функции, которых, в принципе, каждый «здравомыслящий» человек должен был опасаться.

Но так ли это было на самом деле? Так ли это было в варианте с тем *пониманием*, которого я добивался? Конечно, вполне можно было допустить, что я как вроде бы и начинал «закручивать гайки», но уже с другой: было это по истинности совершенно ничтожным, в сравнении как с тем что уже происходило, так и с тем – что произойти вообще могло.

06.01.84.

Я все больше и больше пытаюсь сделать какой-то (уже ощутимый?) экскурс в прошлое, потому как на самом деле считаю, что именно там были сформулированы те позиции, в какой-то мере «благодарить» которые я должен сейчас. Однако, не стремясь (и видимо опасаясь) подвергать какому бы то ни было анализу совсем уж раннее детство (что на мой взгляд все же было бы наиболее правильным), я тем не менее вполне придерживаюсь (для меня уже это, как кажется, наиболее на сей момент значимым) того взгляда, что следует попытаться остановиться все же на годах

подросткового детства, когда, быть может, и пришло, как мне кажется, настоящее понимание (хотя бы начало этого) того, что впоследствии привело мою мысль к работе в нужном русле «мыслительной активности».

И уже тогда я по-настоящему начал осознавать (в полной мере даже скорее как-то неосознанно), что происходит нечто странное (выходящее за рамки привычного понимания нормы психики, и даже в большей мере начала – впервые – приоткрываться тайна какой-то в те времена непонятной для меня патологии), в период, вероятно, уже взрослой юности. Как бы ухватив начало чего-то «неординарного» на самом излете детства.

Я тогда заканчивал школу. Ну быть может был предпоследний или даже действительно последний класс, и тогда мне...

Я не знал, что на самом деле со мной происходит... Как будто мир вокруг как-то разом потерял свои привычные очертания... Словно размылись краски... Нет, я жил в нем, конечно же жил... Но вот только временами стало появляться ощущение (достаточно странное, в своем роде, чтобы хотя бы начать задумываться об этом), и мне стало казаться, что как будто окружающие меня люди... разом стали какими-то другими...

Сейчас я понимаю, что тогда у меня просто-напросто «приоткрылось» подсознание. И произошло это скорее всего вследствие той мыслительной работы, в которую я погружался не только ежедневно, но и уже как будто бы ни с того ни с сего. Конечно, какое-то переосмысление действительности и должно было произойти. Но вот (опять же, к сожалению, только сейчас) я начал понимать, что одной из величайших из моих когда-либо совершенных ошибок – было то, что я слишком хотел повзрослеть. Видимо какой-то комплекс столь прочно и глубоко засел в моем подсознании, что не только (конечно же) был мне невидим, но и подспудно влиял на мое поведение (отношение) к окружающей жизни. Как будто в одночасье что-то изменилось, и мне уже совершенно невозможно было вернуться к своему прежнему состоянию. Да я, пожалуй, как-то быстро и забыл, какое было оно.

Все действительно изменилось.

15.01.84.

Но все же, моя память вновь и вновь возвращает меня к тому самому периоду (детства?.. юности?..), когда, или вернее – в котором, по всей видимости, и мог я хоть как-то отыскать те первоисточки причин, побудивших меня внести в свою жизнь те коррективы, благодаря которым я ныне и пожинаю то... что пожинаю...

Мог ли я тогда сделать что-то другое?.. Способен ли был, ну, например, хотя бы сделать вид – что не замечаю всего этого, и быть может именно тогда бы жизнь пошла в совсем ином направлении. Но волен ли я сейчас сомневаться в правильности выбранного пути?.. На самом ли деле я могу утверждать, что все это надо было делать так, а не иначе? И тогда – прав ли я, утверждая, что это так?

Наверное, нет. Хотя, с другой стороны, мне и хочется порой убедить самого себя в какой-то другой – совсем другой – важности. Но насколько я понимаю – это всего лишь напрашивающаяся (и достаточно явная) ошибка; и уже тогда – мне может быть и попросту ничего не остается, как попытаться ухватить за какие-то прошедшие (уже прошедшие) воспоминания, и уже тогда, с вероятностью (какой?) я могу утверждать, что это все действительная загадка.

Загадка – совсем не требующая от самой себя какого-то явного разрешения. И быть может настолько, насколько я способен утверждать обратное – почти настолько же и может явиться мне (ну, предположим, в некоем таинственном образе) тот коррелят истинной парадоксы, надежда на которую все эти годы меня и подогревала.

Что мне на самом деле необходимо было делать? Способен ли я был думать, скажем, в несколько иной плоскости? Или все это, в итоге, было как минимум следствием такого положения дел, при котором и какие-либо истинные поступки – разом приобретали какое-то затемненное значение. Значение, которое, уже и не казалось таковым.

17.01.84.

Сейчас, уже в наше время, возвращаясь к событиям быть может навсегда ушедшего прошлого, я как бы инстинктивно понимаю, что именно там, в нем, мне следует искать те моменты, которые уже позднее стали некими ключевыми позициями собственного поведения, да и в какой-то мере провоцировали его. Но вот в том-то и дело, что стремясь вызвать в своей памяти состояние, сопровождавшее мое сознание в то время, я почти обречен если не на провал, то уж, по крайней мере, на некую затуманенность изображения, заключающуюся (в некотором случае) или стертостью самих воспоминаний, или же подмены их совсем несущественными (для меня сегодняшнего) деталями.

Что это? Быть может какое-то подобие нежелания подвергать анализу прошлую жизнь? Или же наоборот – стремление не допустить даже мало-мальски значительной ошибки? Но уже как бы то ни было – я топчусь на месте, и порой уже даже не уверен – способен ли буду сдвинуться с места.

А вообще-то, справедливости ради стоило бы признаться, что в те годы я не только представлял из себя нечто непонятное и загадочное, но в своей несуразности, пожалуй, способен, или вернее, не способен был абсолютно ни к чему. То есть к какому-то общественно полезному занятию. Причем, было бы ошибочно проведение даже незначительных параллелей с так называемыми асоциальными типами. Нет. Я был честен, искренен, и, наверное, излишне наивен, малодушен; быть может даже - труслив. (То есть это как раз те качества, от которых в конечном итоге избавился.) Но вот на протяжении длительного времени – они не только доставляли мне приличное беспокойство, но и служили причиной еще больших тревог и волнений. И, казалось, не было иного пути, как только начать работать над собой, постаравшись избавиться от всех этих комплексов. Комплексов, с которыми я вероятно и родился.

Только с недавнего времени я могу сказать, что полностью избавился от них. Нет, конечно, иной раз что-то как будто бы и способно отбросить меня в мое подростковое состояние (ничего хорошего мне не сулившего; притом что вообще детство – оказалось намного хуже и сложнее, чем последующая, уже взрослая, жизнь), но как будто что-то другое моментально восстает во мне, и все вновь становится на круги своя. А намечавшаяся уже была проблема – отходит на второй план, где и исчезает, не успев реализоваться.

Ну, в принципе, это не такая уж беда. А вот то, что я так и не расстался с желанием вернуться к неким первоистокам, послужившим в последствии быть может причиной образования того симптомокомплекса (от которого в последствие так хотел избавиться), это все, вероятно, было продиктовано лишь исключительно желанием: вообще выжить. Ибо пучины бессознательного, в которые я все более и более погружался в период своей юности (сколько уже о ней написано), завлакивали меня все более и более. И даже не знаю (и сейчас, и еще больше – тогда) способен ли я был выбраться обратно. Хотя нет. Уже по крайней мере из прошлого опыта (воспоминания... воспоминания...) мне было известно, что, как я уже заметил, в полной мере справиться со всем этим я смог только недавно. Тогда как, вероятно, в те времена...

24.01.84.

Странно... Перелистывая свой дневник, я вроде как и понимал, что «вот уже и написано как вроде бы немало», но все нет и нет главного. Оно словно отдаляется от меня. Ускользает. Хотя почти каждый раз – написание новых строк продиктовано как вроде бы и возникшей в подсознании ясности ответа. Но стоит выбраться из под пера первым словам, и словно замечаю что то, что еще недавно казалось главным, ускользает.

И уже готов в растерянности развести руками. Но словно «на автомате» пишу дальше, в каком-то потаенном желании ухватить частичку прошлого, способную привести меня к правильному знаменателю.

Утопия? С одной стороны, как вроде бы и да. Но вот с другой – есть ли у меня какой иной выход?

Нет. Конечно же нет. Ну, или по крайней мере, он мне сейчас совсем невидим.

25.01.84.

Мне кажется, что чем выше мое желание подвергнуть неременному анализу свое прошлое, тем четче иной раз выплывают многие, казалось бы, навсегда утерянные детали. Я вновь прокручиваю в своем сознании кадры уже ушедшего времени, и они оживают, иной раз (а то и чаще всего) выставляя меня в негативном свете.

Нет, конечно же, до сих пор еще верна истина, что все познается в сравнении. И уже скорее всего именно в отношении некоего противостояния себя нынешнего и того, другого, рождаются подобные (отрицательные) выводы. Но уже как бы то ни было – стремление разобраться до конца вынуждает меня поддаться принятию своеобразного решения. Решения – не останавливаться ни на миг. И если когда-нибудь подобная остановка произойдет – винить во всем следует исключительно себя.

Что до анализа... а почему я должен считать (и видеть) это в таких уж слишком ярких да красочных тонах? Конечно же нет. И уже тогда – я могу почти с полным правом предположить, что мне следует как минимум не останавливаться и идти дальше. И уже быть может тогда это самое прошлое – способно и проясниться.

Да и вообще, единственная цель подобных воспоминаний должна быть достигнута (заклячаясь в недопущении повторения прежних ошибок). И если я могу быть хоть на четверть дюйма уверен, что используемый мной метод приведет меня к достижению цели – то почему бы им и не воспользоваться?

Но вот напрашивается действительно загадочная деталь – почему все мои воспоминания носят исключительно негативный оттенок. Причем – сама возможность очутиться в прошлом (таким вот образом) настолько прекрасна, что почти уравнивает эффект от собственного (когда-то) поведения. И люди, с которыми я встречался когда-то – выглядят в достаточно ярких да светлых тонах. Но вот мое собственное поведение... Создается ощущение, что ничего кроме ошибок я в своем прошлом и не совершал. По крайней мере, если сейчас мне доведись оказаться там, пожалуй, чуть ли не во всех ситуациях я поступил бы иначе. Диаметрально противоположно. Исключительно наоборот.

И именно процентная частота допущенных ошибок смущает меня. Но ведь с другой стороны – исправление ошибок (пусть и к сожалению только мысленное) способно будет служить неким гарантом, что это не повторится в сегодняшнем времени. (Хотя, с другой стороны, знать бы где упадешь...).

И уже тогда – вполне будет понятно мое стремление – и вспоминать все и разобрать какие-то былые ситуации до основания. В надежде – не повторить подобного в будущем.

27.01.84.

Одно время я начал догадываться, что причину моего поведения следовало искать в том эмоциональном состоянии, которое я испытывал на тот момент. И уже именно отсюда начинают вырисовываться те последствия, которые вероятно следует прямиком нести к закономерностям. В будущем.

Да и как иначе.

И, по большому счету, предпринимаемый мной анализ (а как еще можно назвать воспоминания?) как нельзя лучше приближает меня к пониманию собственной психики. К тому же и подобное в какой-то мере представляет возможность не допустить что-то схожее в будущем. Ну хотя бы надеяться на то, что можно будет этого избежать.

Если теперь вернуться на многие годы назад (и взглянуть на себя как бы со стороны), то перед глазами возник бы образ молодого человека (подростка, юноши) невероятно уверенного в какой-то своей правоте, и уже оттого, видимо, не понимаемого обществом.

И ведь нельзя сказать, чтобы я тогда вступал в какую-то конфронтацию с этим самым обществом. Нет. Ничего похожего как будто и не было. Но вот как тогда называть то ощущение безысходности, которое все чаще и чаще накатывалось на меня, заполняя, порой, всего без остатка?.. Внутри меня бушевал настоящий пожар внутренних противоречий, когда трудно было и усидеть на месте, и не было сил (желания?) куда-то бежать. Иной раз все надоедало до такой степени, что передо мной почти ясно (достаточно ясно) вставали мысли о каком-то насильственном уходе из жизни. И насколько помнится, я даже мысленно перебирал в памяти некоторые схемы осуществления сего желания; так что, вероятно, спроси кто меня тогда: «действительно ли ты думаешь об этом?», я бы не задумываясь, ответил что да, думаю. И даже более того, я желал, я страстно желал сделать нечто подобное, рассчитывая в один момент (и как-то разом, сразу) прекратить свои мучения, осуществив наяву бессознательный поток, --неосуществимых в принципе, --желаний.

Что я хотел тогда? Почему мне было так тяжело жить? Отчего возникало подобное непонимание?..

В принципе, я знаю ответ. Но видимо боюсь его озвучить. Боюсь, быть может и потому, что иной раз настолько это мне кажется мотивированным (и тогда, и сейчас), что я думаю – мог бы и на самом деле прекратить течение жизни. Да и зачем мне она? И только что-то одно меня до сих пор удерживает. И тогда я искусственно выдумываю цели (которых следует добиться), причем зачастую ставлю сложные и трудноосуществимые,-- и быть может, только потому еще живу.

Мне действительно кажется, что я до сих пор не раскрыл весь тот потенциал, который был заложен во мне от рождения. И уже потому – я находился в постоянном самосовершенствовании, причем процесс явно затягивался, и на каком-то этапе я стал замечать, что он превращается в длинную (порой слишком длинную) фантазийную цепочку запланированных (без каких-либо конкретных сроков) свершений. Ну или достижений.

И тогда уже следовало вспомнить то мое состояние. Но это почти не представляет каких-либо серьезных сложностей, потому как и сейчас почти ничего не изменилось. И тогда уже единственно отличие – заключалось в том, что со временем я научился как-то справляться с переполнявшими меня эмоциями. Но уже эти же самые эмоции, вероятно, можно сравнить с некой психической энергией, сила которой поистине огромна (если не сказать – до конца неизведанная), и уже в управлении ею можно сказать и заключался в какой-то мере смысл жизни. Вернее, если не смысл (да и конечно же это не так), то уж наверняка и мои жизненные обязанности (обязанности перед существованием самой жизни), были в чем-то невероятно схожи с подобными стремлениями. Видимо отсюда мое увлечение философией, и психологией, и... психопатологией.

Часть 4

02.02.84.

Поистине, невероятно сложно вот так вот, возвращаясь к написанному ранее через какое-то время – перевоплощаться вновь, надевая на себя маску себя же, но того ...летнего.

Но самое удивительное здесь, пожалуй, то, что как только я собираюсь сделать подобное – как вроде бы и не представляю еще «как», но стоит только вывести первое слово – и прошлое столь явно встает перед глазами, что практически излишне делать дополнительное усилие: чтобы вспомнить. Да тогда уже это и не воспоминания, вернее, не совсем воспоминания (в привычном представлении знакомого понятия); я словно переживаю все, что случилось со мной вновь – и слова без всякого затруднения вырисовываются в амальгаму чувств. И тогда уже кажется, что смотрю я на что-то (схожее с собственной историей) со стороны, а не переживаю ее заново.

Но вот в том-то и дело, что за обманчивой простотой воспоминаний – таится мучительная боль переживаний. Переживания вновь своего собственного бессилия. И ничтожества. Беспомощности перед собой. Убожества перед другими. И быть может и не должно быть мне прощения, потому как никак не должны существовать далее такие... как я. Но уже то, что я живу – лишь подтверждение необъяснимой странности этого мира. Мира удерживающегося при себе одних. И отлучающих от себя других. Быть может более достойных. Наверняка, более достойных. Но, не судите, да не судимы будете... А кто прав – рассудит время...

Несмотря на столь мучительные воспоминания, я считаю своим долгом вновь испытать их. Быть может и в слепой уверенности, что подобное поможет мне избежать в дальнейшем повторения подобного. А равно в надежде навсегда избавиться от мучительнейших воспоминаний. Которые, порой, оказывают на меня столь губительное воздействие, что совсем даже не хочется идти дальше в своей жизни, а то и вовсе рождая мысли о ненужности оной.

Не потому ли я и затеял этот дневник? Который почему-то (именно такая уверенность появилась сейчас) не будет никогда опубликован. Да ведь я и не стремлюсь к этому. Это слишком личное. И уже тогда, моим единственным желанием будет испытать что-то наподобие катарсиса. Который, если это так действительно произойдет, будет величайшим благом, когда-либо посетившим меня.

Но полноте... Столь странное вступление (чуть ли не в середине романа) по видимому не только затянулось; но и уже готово внести слишком странный поворот в мое повествование. И уже оттого, считаю своим долгом вернуться вновь к своему повествованию. Постаравшись вспомнить те подробности, которые способны (а такая надежда действительно еще жива во мне) повернуть вспять время. Излечив мою душу.

07.02.84.

Пожалуй, из воспоминаний детства и ничто толком не должно было меня взволновать. Как лишь то обстоятельство, что за множеством, казалось бы, и неприметных на первый взгляд поступков, желаний, да свершений – должно было скрываться то, что так или иначе и могло привести к пониманию. Пониманию и... уже быть может, думаю я – и объяснению всего того, что свершилось позже. И уже тогда – я почти не должен был и дальше таить в себе все то, что, так или иначе – просилось наружу.

Что это такое? Необъяснимый (и достаточно внезапный) порыв души? Или наступал (никем, впрочем, незаданный) предел утраченных иллюзий? А быть может за всей этой неожиданной свистопляской и на самом деле скрывалось нечто важное. Что способно было обратить вымысел в

правду и наоборот? И тогда уже мне следовало поддаться искушению, и, доверившись – все рассказать. А уже вслед этому – ждать того, что подспудно (и давно) и так вертелось в моем затуманенном сознании. Решившемуся довериться бессознательному. Тому бессознательному, с которым я с недавних пор заключил (неожиданное) соглашение, и которое теперь (да быть может и раньше, и всегда) вырывалось наружу, устав томиться в пределах разрешенных (нравственных?) устоев.

Но вот о чем писать?

Сказать, что я ничего не помнил, означало, что иначе как начать обманывать самого себя. Что я, несмотря на, в принципе, имеющееся желание, не хотел. А скорее всего – и не мог уже. И тогда, вероятно, следовало действительно начать разбираться. Разбираться с тем, что происходило раньше. А равно как и со всем тем, что происходит сейчас. Вернее, нет. Как раз в том, что происходит сейчас, я хотел разобраться, отталкиваясь от того, что было тогда. И уже в этом случае...

Впрочем, стоит, по всей видимости, начать с самого начала...

С периода более-менее осознанного понимания всего того, что происходило в жизненном пространстве вокруг меня, я как-то (и, вероятно, тогда еще незаметно для себя) начал догадываться, что если попытаться все объяснить с позиции логики – получится совсем уж бред. В следствии как раз необъяснимости происходящего. И уже тогда – ко мне пришло первое (и до конца неосознанное) предчувствие, что на самом деле и не следует все объяснять. А если быть точнее – не следует подходить к какому бы то ни было объяснению с позиции логики. Ибо открыл я для себя (а в последующей жизни я лишь еще больше утвердился в этом понимании), что так же как люди достаточно различны, так и сама жизнь (их окружающая) удивительным образом отличается. Нет, быть может жизнь-то и одна. Да и скорей всего так. Но вот удивительным было то, что наблюдаемые мной отличия казались главным образом представления о жизни различными людьми. Ибо уже как раз эти представления – разнились. И иной раз – кардинальным образом.

Но вот в том-то и дело, что ни в коем случае (и это являлось неременным условием собственного представления себя как личности) не следовало ни изменять (любые изменения иной раз могут быть чреватые непредсказуемыми последствиями), ни вообще переживать по этому поводу. И основной уклон следовало делать на адаптацию и восприятие себя (как такового) в этой жизни. И быть может, сделав небольшое усилие навстречу к тому, чтобы почти точно также вас воспринимали и другие. Окружающие.

10.02.04.

Мои первые попытки жизненной адаптации на первый взгляд не могли вызвать у меня ничего, кроме, порой, самых негативных ассоциаций. И дело здесь было скорее всего в моей слишком выраженной «честности». Любопытно, что уже в те годы я стал замечать что, в принципе, ничего положительного моя подобная «честность» в себе и не несет. Причем за редким исключением – способность интерпретации окружающей действительности в *нужном* (на тот момент) «ключе» - рождала печальные мысли, являясь, вероятно, причиной первых возникновений того депрессивного состояния, во власти которого я так или иначе – находился последующую жизнь. Вернее, стоило мне лишь единожды поддаться им, и я уже как будто и не мыслил себя иначе. Другим.

Но в любом, что происходит, в какой-то мере повинны и мы сами, и те люди, которые тогда окружали нас. Человек находится внутри социума. Он не может (даже если бы очень того желал) мыслить себя в отрыве, а потому так или иначе (вынужденно...) должен подстраиваться под мнение окружающих.

Совсем другой вопрос – плохо это или хорошо. Это, если можно так сказать, некий факт, которого просто-напросто следует считаться. Что я, в общем-то, и делал. Вернее, в те годы – неосознанно понимал. И совсем не противился и такому положению вещей, и нисколько не собирался что-либо изменять.

Несмотря на возраст (довольно еще юный,--а описываемые события, вероятно, следует относить к моему несовершеннолетию) я интуитивно догадывался, что должен сделать немало для некоего внутреннего роста. Того самого роста, который должен был помочь мне уверенно адаптироваться в этой жизни. Помочь найти свое место. И уже вслед за подобным пониманием действительности – я стал почти отчаянно предпринимать шаги, которые так или иначе (в моем понимании) должны были приблизить меня к цели. К цели, в общем-то, еще до конца несформировавшейся (да и действительно несформированной). Но уже было в моей голове некое подобие «правильной» жизни. Жизни, как я понимаю сейчас, сформированной благодаря засевающим в моем бессознательном архетипов, получающих подпитку в виде образов, проецируемых и с экранов телевидения, и со страниц книг; да и, вероятно, навеянных рассказами окружающих меня людей. И тогда уже моей задачей было правильно расставить приоритеты выбранной действительности. И необходимо так было для того, чтобы, быть может, вообще выжить в этом мире. Мире, к которому, совсем неожиданно для себя, я столь неожиданно (и явно) почувствовал такое отторжение, которое, конечно же, в большей мере (да и вообще главным образом) было вызвано моим *непониманием* действительности. Вернее, нет. Моим неумением понять эту самую действительность. Действительность, столь негативным образом давящую на меня, что на каком-то

этапе я стал подменять реальную действительность (вероятно с тех пор моя нелюбовь к так называемому реализму) какими-то выдуманными образами. Причем эти выдуманные (и на самом деле надуманные!) образы стали причиной появления своего, другого,-- выдуманного мира. И уже в нем я стал понимать – мне было несравненно (да и намного) лучше, чем в мире так сказать реальности.

Опять же, неуверен, что это было действительно плохо. Да и почему это должно быть так уж плохо. Нет. Конечно же, нет. Но за личиной действительности (становившейся таковою), действительности, на каком-то этапе подменившей реальность – я стал понимать, что мне было лучше. А то и намного лучше того, что было на самом деле.

И вот что еще я открыл для себя. (Уже намного позже, чуть ли не в мои сегодняшние годы.) Не только я находился в выдуманном мире. Это вообще было свойство, а то и способность, некоторых людей. И уже вопрос был в том, чтобы *уметь возвращаться обратно*. Что, признаться, некоторым и не удавалось. Да я и сам, одно время, боялся сумасшедшего дома. Но было это лишь до тех самых пор, пока я не стал осознавать себя парящим где-то над проблемами. То есть, с одной стороны, я как будто и находился на одной параллели с действительностью, и даже это было действительно так, но уже если смотреть с другой стороны – то был я совсем в иной плоскости.

И уже совсем под иным углом зрения казалось мне окружающая действительность.

А то вернее – я и не замечал оной.

И незаметно (и как-то независимо от меня) я уже ощущал себя где-то в ином измерении, словно вознесшимся «над проблемой». Да и сама она – уже не казалась мне таковою. И вслед уходящей реальности – хотелось мне, и плакать, и смеяться. А главное – объяснить им всем какое-то свое, иное и отличное от других понимание. То понимание, которое, так или иначе – способно будет привести меня к еще большему (и несравненно лучшему!) пониманию действительности. Действительности, которая теперь казалась мне совсем иной. Такой, в общем-то, как ее и следовало считать.

Но вот что я сейчас подумал. Я в какой-то мере должен быть даже благодарен, если можно так сказать, своей непохожести на других. Ибо, по всей видимости, именно это сподвигнуло меня к первым шагам того поиска, поиска какого-то своего, отдельного от других пути. И уже именно благодаря этим своим исканиям – быть может, и пошел я иной дорогой. Той, которая привела меня к рождению какого-то другого осознания действительности. Той самой действительности, которая была иной, чем вообще могла быть. И уже той действительности, которой, в общем-то, быть может и не рад был я вовсе.

11.02.84.

Несмотря на, казалось бы, наступившее осознание основ (законов?) миропонимания, я, тем не менее (и это помню достаточно отчетливо) еще долго мучился, выгадывая для себя какое-то особое расположение сознания; в какое-то время, вероятно, невероятно запутав сам себя, и уже оттого расстроившись и на каком-то этапе и вовсе собираясь прекратить какие-то *искания*. Но вот в том-то и дело, что я так уже не мог. Я начал понимать, что от самого меня как будто уже и ничего не зависит, и почти одновременно с таким вот *пониманием* я смирился, отпустив свое бессознательное и в какой-то мере дав ему «вершить правосудие».

Да и на самом деле - это не было так страшно. Да и от чего я должен был испытывать это чувство (вероятно, страшное, по сути), тогда как мне стоило не только продолжать и дальше жить так, как и жил, но и самое главное – ни в коем случае не нужно было оставлять попыток поиска понимания. Понимания необходимости пути. Скорее всего, так было поистине правильно,-- подтасовав под эти свои поиски – необходимую базу.

И ведь не сказать, что меня так уж на самом деле мучили какие-то сомнения. Как известно, сомнения почти не способны были рождаться просто так (ни из чего); и почти наверняка они должны были иметь под собой какую-то основу. Ту самую основу, которая, вероятно, уже чуть позже – способна будет вывести их вперед.

Итак, я не останавливался. Почему-то во мне достаточно плотно укоренилось утверждение (высказанное, вероятно, где-то в подсознании и так ни разу не озвученное), что я должен еще долго работать над собой. И почти укоренился в мысли, что тот, который я был на самом деле – не совершенен, а чтобы хотя бы приблизиться к идеалу (уже прорисовывающемуся в моем подсознании),-- следовало невероятно много работать. Работать над собой. И тогда уже именно эта работа,-- и я действительно верил в это,-- способна будет меня приблизить к идеалу. Вылепив тот идеальный образ, который видимо навсегда запечатлелся у меня в подсознании.

В чем он выражался? Так ли это на самом деле отличалось от того, что было сейчас? Достаточны ли будут те, уже предпринимаемые мной шаги, чтобы привести меня к поставленной цели?.. Так кто ж на самом деле знает. Да и что такое знание? Важна именно уверенность. Уверенность да хоть малая толика предчувствия, что все удастся.

12.02.84.

Нет, не сказать, чтобы я не знал, что мне следовало делать.

Но вот удивительно – что скорей всего так это и было.

И тогда уже мучился я невероятно. Переживал. Расстраивался. Пытался как-то исправить положение. И вновь погружался в пучину охватывавшего меня безумия. Безумия, от которого я так безуспешно пытался избавиться. Безумия, к которому быть может и наоборот, я стремился. Стремился влиться в те ряды сумасшедших, которые на первый взгляд и не были таковыми. Но именно такими они и были. И тогда уже стремясь избежать наступления чего-то страшного для самого себя – я каким-то незадачливым образом все глубже и глубже окунался в пучину поглощавшего меня безумия. И уже оттуда доводилось наблюдать мне воочию все признаки того, что быть может и можно было считать сумасшествием, но вероятно таким все же не было. Да и не могло быть. Не могло. Хотя...

Я не думаю, что мог тогда что-то изменить. Даже сейчас, в это время, вспоминая все то, что в те годы происходило со мной (и, в первую очередь, мое тогдашнее состояние), я будто бы вновь содрогаюсь от ужаса и... жалости. Да быть может даже и не совсем жалости в привычном понимании этого слова. Потому как я почти убедил себя, что подобное *чувство* было неприемлемо для меня. Неприемлемо. Хотя я вполне допускал мысль что мог и ошибаться. Впрочем...

Мои рассуждения о своем тогдашнем состоянии, почти самым непеременимым образом должны были вызвать в памяти воспоминания, которые (по цепочке исходящих от них аллюзий) вызывали все те состояние, которое, впрочем, и было причиной всех тех кошмарных состояний, приключившихся со мной. Причем, вполне следует заметить, что на первый взгляд как будто действительно в этом не было ничего *опасного*. Но стоило взглянуть иначе – и мне уже становилось по-настоящему грустно и обидно.

И уже тогда, желая, быть может, поскорее расстаться с осадками тех воспоминаний (а быть может и наоборот – прокрутив их еще раз в своем воображении – получше запомнить),-- я скажу о том, что понял значительно позже. И причина (или скорее лишь только следствие) заключалось не иначе как в том эмоциональном состоянии, что не только переполняла мою душу (а душа и психика в данном случае вероятно весьма родственные понятия), но и служила причиной всех тех злоключений, во власти которых я, в общем-то (сейчас мне кажется - что это так) всегда находился.

И ведь что любопытно – у меня практически и не было пути назад. Притом что на каком-то этапе все вокруг закрутилось столь занимательным образом, что я совсем не мог больше контролировать ситуацию. Позволив выйти за пределы сознания. И уже видимо тогда,- я почувствовал, что само мое «Я» почти ничего и не значит. И это притом что и *Alter ego* распахнуло свои границы. И уже тогда победу праздновали все те многочисленные силы, которые заключены в подсознании. И уже именно оно – получило неожиданный карт-бланш. А я?.. Да я, в общем-то, и не смирялся никогда с этим. И тогда уже именно это – служило причиной того,-- и что я вообще

выжил (в какой-то мере оставаясь самим собой), и той (что было уже не так приятно) моей внутренней борьбы, постоянно выливавшейся в борьбу внешнюю, что и выражалось в тех моих (зачастую несанкционированных) поступках, которые приводили (иной раз) к совсем уж странным (на подбор – самое «мягкое» слово) последствиям. Но уже как бы то ни было – с этим надо было жить. Смириться. И ни в коем случае не вступать в конфронтацию. Что я, вероятно, уже не мог.

13.02.84.

Воспоминания детства проходили передо мной одним каким-то уходящим мгновением. Порой я нисколько не пытался их удержать, и только наблюдал (взглядом постороннего прохожего) за ними; а то и наоборот – стремился зачем-то их невероятно расширить. Порой, быть может, и придумывая какие-то моменты. Которые уже в следующий раз – самым невероятнейшим образом выдавались за настоящее.

И вот ведь в чем была незадача. Я не испытывал такого уж удовлетворения. А то и наоборот. Передо мной вставала одна лишь боль. Боль, которая не несла в себе никакой конкретности, но которая иной раз и согревала мою душу, наполняя ее до сей поры неизведанными красками, и тогда я уже опасался только сойти с ума, ибо... Ибо так должно быть и было.

Но стремясь удержать уходящий миг случайного порыва – я вновь и вновь заставлял себя возвращаться обратно, восстанавливая, казалось, навсегда ушедшие события.

Память... Иногда мне кажется, что это лишь одно, что у меня осталось. Но что тогда то, что происходит рядом со мной сейчас?.. Вообще, по всему выходит, что этот мой дневник воспоминаний – не иначе как попытка вернуться куда-то обратно; быть может еще раз пережив то, что испытал тогда... И это при том, что меня почти не интересуют какие-то конкретные факты... Тем более, что это и на самом деле не важно. Важнее – вновь испытать тогдашнее эмоциональное состояние. Ибо с недавних пор я стал подозревать, что именно в этом заключалась причина всех пертурбаций, испытанных мною в жизни. вот так вот.

19.02.84.

Любопытно,-- к чему следовало бы отнести то, что мне всегда приходилось жить как минимум двойной жизнью.

Следовало ли отнести это к чему-то такому уж странному и необъяснимому? Тем более что, если на каком-то этапе своей жизни мне и приходилось как-то переживать по этому поводу; то уже сейчас я даже не думаю - лишь иногда вспоминая об этом. Другими словами, это настолько плотно вошло в мою жизнь, что я уже и не вижу каких-то причин для сожаления. И ведь при этом, что, быть может, покажется несколько удивительным, признаться, я бы и не сказал, что как-то здорово изменился. А впрочем, об этом верно судить дано не нам.

20.02.84.

Забавно, но сейчас я даже не припомню, когда у меня впервые появилось это чувство. Чувство, выражавшееся в ощущении виновности перед другими людьми. Нет, не перед обществом. Видимо общество я понимал достаточно абстрактно, чтобы испытывать к нему какие чувства. Но вот ощущение виновности перед другими людьми... Это было посерьезнее любого обвинения. Но ведь и не было никакого обвинения. Не было, и не могло быть. Тогда в чем заключалась причина возникновения подобного душевного состояния. Ведь действительно (и это казалось как-то закономерно, слишком закономерно, оправдывая подобное существование), ведь действительно, не нужно даже заглядывать слишком глубоко (внутри себя), чтобы почувствовать, увидеть, испытать разрывающееся душевное естество, нарушаемое (и незадачливо как-то сотрясаемое) вмиг пошатнувшимся равновесием было величия, которого и не было теперь вовсе. Не было, потому как, я как-то разом перестал ощущать некогда прежде находившееся внутри меня равновесие.

И тогда уже сознание разом спутало содержание находившейся где-то поблизости информации (все же, вероятно, анализируемой мозгом, а значит в какой-то мере – можно говорить о легитимности сознания) находившейся где-то внутри. Внутри подсознания. И как будто даже ничего не хотелось. Ну, или перестало хотеться.

Неужели на самом деле было закономерно то, что я должен был испытывать подобное чувство. Чувство вины. Но за что?.. За что была эта вина? Ведь если попытаться проникнуться содержанием (найдя, быть может, какие следственно-причинные связи) испытывания такого чувства, то, вероятно, должны быть какие (достаточно существенные) причины, ну как-то, например, объясняющие наступление такого состояния. Должны быть?.. Должны. И как будто бы даже мне удавалось, иной раз, ухватить постижение смысла; но уже в следующее мгновение – понятие смысла ускользало. Да так, что уже казалось и никак невозможно будет ухватить (испытыв приближающуюся разгадку) вновь.

Но проходило еще какое-то время, и мой мозг (периодически работающий в одном, нужном и интересующем его направлении) как будто бы вновь улавливал лучи ускользающей удачи, и тогда уже мне как никогда виделось, что я смогу найти ответ. Единый ответ на мучившие меня вопросы.

Хотя, основной интересующий меня вопрос был один. И уже от него я стремился убежать.

Именно так. Вместо поиска разгадка ответа (до сих пор как бы напрашивающегося сам собой), я всяческими силами стремился отдалить от себя приближение оною. Как будто бы опасаясь, что как только разгадаю его – и исчезнет ощущение виновности.

Но тогда – неужели мне это ежесекундное ощущение вины было необходимо? Вот ведь еще одна или все та же загадка. Наверное, все же нет. Или да?..

01.03.84.

И ведь некуда мне было бежать. Негде скрыться. Хотя насколько сейчас передо мной встали былые события – иной раз буквально шатало меня от бушевавших внутри волнений, которым я даже не представлял тогда, какое можно было найти применение. И ведь нужно-то было – найти такое занятие, которое способствовало бы перенаправленности энергии. Чтобы сгладилось мое эмоциональное состояние. Чтобы произошел какой выброс энергии – благодаря которому у меня бы получилось разрядить ситуацию.

Причем, ввести в свою жизнь что-либо по типу спортивных занятий или чтения книг (просмотра телефильмов, походов в театр) – я не мог. Вернее, мог, конечно же (что в меру своих скромных возможностей и делал – до изнеможения тренируясь в спортивном зале и заглатывая литературу томами),-- но это почти совсем не приносило мне никакого успокоения (об исцелении я даже и не говорю). Быть может лишь на какое-то время удавалось заглушать внутреннее волнение, -- но ведь я не мог полностью избавиться от него, а потому все возвращалось даже в еще большей степени, и уже новые мои «ощущения» сопровождались появлением (с тех пор уже не покидавшим меня) внутреннего беспокойства; внутреннего, которое без труда (для него) переходило во внешнее, вызывая множество сопутствующих симптомов, как-то: депрессии, страхи, постоянное ощущение внутренней подавленности и беспомощности. И ведь что мне мешало еще больше – это мое хроническое неверие в то, что что-то может измениться. А если и изменится – то будет ли мне от этого лучше?!

И оттого – я вынужденно обрекал себя на вечный поиск. И было еще тяжелее мне оттого – что я никак не был уверен в том, что в скором времени завершится моя борьба. Борьба с тем дьявольским, что поселилось во мне. От чего я жаждал избавиться. И от чего мне почти не было спасения.

03.03.84.

Кого я больше любил – отца или мать? На первый взгляд этот как будто бы и «детский» вопрос (так часто задаваемый взрослыми) опять, так или иначе простирался в вечность. Ибо не было на него ответа. Не было,-- как и существовать не могло.

Но вот от чего я переполнялся недовольством родителями – это было величайшей загадкой. Я почти никогда (со времени относительного взросления) не ставил их всерьез.

Контраст нашего общения «на людях» и дома был невероятно существенен. Родители, всегда имевшие довольно высокий общественный статус и соответствующее уважение окружающих, вероятно дома испытывали благоговейный трепет, выслушивая вечное «недовольство» своего сына. Меня на самом деле раздражало все. Во всех (даже в самых искренних – а иными они и не были) побуждениях касаемых меня, я отчего-то тотчас же находил подвох, и диаметрально переворачивал их отношение к себе. В некоторых ситуациях, – что это было: позерство? самоутверждение? безысходность? – подобного общения с родителями я отчего-то принимался принципиально звать их по имени отчеству. На людях.

--Петр Владиленович, а не считаете ли вы...

--Ираида Матвеевна, как вы находите...

Мальчишка! С каким содроганием (и осознанием полного ничтожества) я после вспоминал свои усмешки к родителям. Сейчас, когда уже прошло время, и я имею ежедневную возможность (превратившуюся в необходимость) искупать перед ними свои грехи – мне приходится все чаще осознавать свои ошибки прошлого.

И в чем, собственно, так уж были виноваты родители. Насколько я смог осознать уже когда оставил далеко почти максимально все, чтобы я ни в чем не нуждался.

Так и не заведя второго ребенка (намерения такие были), они все силы, любовь, здоровье отдавали исключительно мне. Я никогда не испытывал никакого и ни в чем недостатка. Питание у нас было из спец.распределителя. Одежда – исключительно из «Березки» (у отца всегда была уйма «чеков»). Санаторий – ведомственный, где отдыхали исключительно «большие начальники», и (или) их семьи. И при этом, если разобраться, я ведь в полной мере и не осознавал, что вот в этом во всем была какая-то исключительность. Почему-то даже наоборот. Чувствовал, что так не должно быть (вот где наяву проявлялось воздействие «совковой» пропаганды на «неокрепшие детские умы»), даже испытывал что-то навроде стыда за возможность жить лучше других. И это особенно проявлялось при наших (моих и родителей) посещениях деревни, где выросла мать. (Отец родился в Варшаве, и маленьким, вместе со своим отцом – моим дедом – посольским чиновником, переехал на Родину родителей, когда ему уже исполнилось семь лет). А вот мать была из деревни. Вернее, не совсем из деревни. А из небольшого поселка. И приезжая тогда (чаще всего на летние – школьные – каникулы) родители обычно уезжали в этот же день (ночью), а я оставался «гостить» у родителей матери. Ее мама (моя бабушка) Роза Израилевна, была бессменным лектором, и, закончив Высшую партийную школу, разъезжала по близлежащим колхозным клубам, разъясняя крестьянам политику партии да правительства. А дед – Тихон Анатольевич – работал председателем местного

колхоза «Путь Ильича». То есть, тоже относительная местная элита. Вот, правда, друзья детства моей мамы – эти повзрослевшие Глаши, Шуры, Маши – как будто по какой негласной договоренности, работали исключительно доярками да скотницами. И, вероятно, у их детей была такая же перспектива. А потому, как только мама с отцом (а чаще всего с отцовым водителем) привозили меня, вокруг тотчас же (оповещаемые «сарафановым радио») собирались множество ее подруг да знакомых детства (с любопытством и завистью наблюдавших как выгружают ящики с черешней, яблоками, грушами, мешки с раками, свертки фиников, бананов,-- по тем-то временам непозволительная роскошь,-- коробки с книгами, игрушками, вещами..) стремились «засвидетельствовать свое почтение». С ними же мне приходилось и играть. И, к сожалению, помимо их хронической бедности (с какой ненавистью я наблюдал, как мама одаривала эту «голь перекатную» городскими подарками), в таком же состоянии находились и их мозги. Вернее – почти что полное отсутствие оных. Настолько глупых и интеллектуально неразвитых людей я почти что и не встречал (круг моих общений иной, а в подобную ситуацию необходимости общения с беднейшими классами я, можно сказать, попадал вынужденно). Ведь до какой степени должна была развиться человеческая лень, чтобы человек не удосужился прочитать почти и ни одной книги? А говорить, что в деревенских школах и невозможно получить никаких знаний – может или абсолютный и полный идиот (не имеющий возможностей в силу природного кретинизма поразмыслить над сутью проблемы), или человек, который не хочет вообще касаться этих проблем, по привычке подчиняясь шаблонному мнению, высказанному каким-нибудь интеллектуальным бездельником и подхваченному подобному ему – остальным интеллектуальным лоботрясам.

На самом деле, передо мной был более чем явный пример матери, которая занимаясь почти исключительно самообразованием (бабушка с дедом все силы отдавали работе, учителя в школе сами мало что знали), смогла не только закончить школу с медалью (что, учитывая объем знаний, который там давали, было и немудрено), но и поступить в Ленинградский институт иностранных языков, закончив его тоже с отличием. А ведь и в огороде ей приходилось копать с утра до вечера (в школьные годы), и за младшим братом (о нем я уже как-то упоминал; скажу, что после армии он женился и переехал к супружнице своей – откровенной дуре, мещанке и истеричке – в другую деревню). А читать доводилось - лишь только ночью. Но зато, с каким наслаждением она отдавалась чтению. В поисках книг она объездила не только все близлежащие (соседних населенных пунктов) поселковые библиотеки, но и библиотеки райцентра. И вы говорите, что невозможно, проживая в деревне, получить знания?! Невозможно – если ты лодырь и бездельник. Ну, или откровенный тупица...Пьяница, алкоголик, в общем, потенциальная тварь и асоциальный тип.

07.03.84.

Насколько помню сейчас, самые первые свои (слишком юные) годы, я как будто бы и не задумывался (в пространственном неведении не замечая их) над каким-либо своим иным, отличным от других, состоянием. Вероятно, весь тот быт, который создали вокруг меня родители - совсем не располагал ни к каким подобным измышлениям.

Но уже став чуть постарше – сдавливающее напряжение окружающего мира стало словно отыгрываться за годы былого поведения, и я словно выдавливался из жизни, уподобаясь пробке из-под шампанского, волей разгулявшегося бедолаги оказавшейся в реке.

Мне стало невероятно тесно в мире. Мир как будто не принимал меня. И подобная взаимная ситуация проявлялась таким образом, что я почти и не рассчитывал уже что мое душевное состояние когда способно будет выровняться. Словно какими неведомыми силами меня выталкивало куда-то из окружающей действительности, так что почти разом (и в одночасье) у меня пропало желание к дальнейшему существованию.

Наиболее ярко это проявилось, когда мне исполнилось 18-19 лет. Казалось бы, затянувшийся переходный возраст с усмешкой швырял в меня специально провоцируемыми жизненными ситуациями; так что я все чаще и чаще вынужден был задумываться – а возможно ли мне и дальше жить?

Хотя... вероятно как раз в те годы я всецело убеждал себя в обратном, и чуть ли не каждый день (с небольшими, ничего не значащими паузами, когда мое состояние как будто отпускало меня) я искал способы прекращения страданий, продумывая механизмы какого физического акта, который должен был раз и навсегда прекратить страдания. Страдания, цикличность возникновения которых уже не за что не хотела снижаться.

Я мучительно раздумывал над тем, как мне стоит проделать все это. При этом почти основное, что меня удерживало... Хотя нет... действительно ли я помню сейчас, что удерживало меня тогда... Единственно что, никакого реального страха перед осуществлением столь отчаянного шага никогда не было. И отчего поистине грустно – мне было почти все равно, что будет после моего такого шага с родителями. О них я, по-моему, думал меньше всего. (Совсем не так, как обо мне они.) И быть может в этом – в таком моем отношении к отцу да матери – крылась какая причина (подобных исковерканных) отношений моих как с жизнью, так и с родителями. Родителями, которые вынуждены были в полной мере прочувствовать на себе «внимание» сына. Сына, на которого они делали такие серьезные ставки (отмечая его не по годам развитую серьезность да ум), и от которого вынуждены были терпеть унижения да незаслуженные обвинения.

Что это?.. Почему так происходило со мной?.. Быть может попытка самоутверждения за счет них?.. Мое отчаянное неудовольствие за то что они меня сделали таким? Неужели я именно в них, в самых дорогих мне людях, видел причину своих душевных терзаний? Своей непохожести на других?

Той непохожести, которой в иные моменты я и гордился, и той самой непохожести, от которой был обречен на вечный поиск путей спасения. Спасения, все время отдалявшегося от меня. Спасения, в которое я уже почти что и не верил. Быть может, оно мне было не нужно?..

11.03.84.

Странная все же штука жизнь. Сейчас как будто бы я и чураюсь каких воспоминаний. Вероятно, моя психика всячески сопротивляется, нисколько не желая вбирать в себя (переживая еще раз) весь тот кошмарный ужас моего поведения (вызванного исключительно душевным страданиям), который причинял столько неприятностей и моим близким (уже просто об окружающих и не говорю), и мне самому. Мне бы попытаться избавиться... но ведь разве не этого я все время и хотел? Право – не было же во мне столько (излишне развитых) мазохистских импульсов, под позывы которых я был бы вынужден подстраивать (или все же перестраивать?) свою текущую жизнь.

Не знаю. Но тогда чем объяснить весь тот всплеск агрессивности, от действия которого я, насколько помнится, даже не пытался избавиться... Вряд ли это можно было списать на юношескую горячность, причина которой,-- в какой-то мере,-- в неудовлетворенном либидо (интересно, приходил ли к каким-либо подобным выводам читая – тогда, в юношеские годы – Фрейда?). Но тогда следующий напрашивающийся вывод поистине чудовищен (для меня... самого...). Ибо это почти неминуемо означало какое-либо расстройство – или невротического (что в какой-то мере было еще не настолько страшно; по крайней мере – более «исправимо»), или психотического (психопатологического?) характера. Но тогда... но тогда,--если допустить что это было именно так,--пожалуй, как раз этим и могло объясняться многое (выходящее за рамки общепринятых норм) из моего поведения.

Хотя, если попытаться вспомнить – какое было оно?.. Что в этом самом поведении было такого, что не вписывалось в стереотипы (активно насаждаемые существующим на тот момент строем?)? Разве делал я какие эксцентричные поступки, последствия которых вызвали бы сожаление, прежде всего, у меня самого? Ведь даже если и хотелось (и нужно было бы) дать какому подлецу в морду – я ни за что не делал этого. Нет. В моем юношеском периоде подобное исключалось напрочь и бесповоротно. Но ведь именно в этом самом юношеском периоде – в моем

сознании и наметились ростки тех изменений, о которых уже позже – можно было говорить как о начинавшейся патологии. Как же я тогда этого не заметил?..

Но еще в большей степени меня тревожит то, как это не заметили родители (и в первую очередь – мать; отец-то тогда был известно где, и в сроки свиданий – можно ли было ему испытать нечто большее, чем ощущения счастья от присутствия рядом с собой детей и жены).

А если мать (уже тогда) догадывалась об этом?.. Думала что «отпустит»?.. Или считала (а нечто похожее она считала на самом деле), что это наказание за грехи?.. ее?.. Или мужа (моего отца)?.. Но тогда если это было так (быть может к каким-то подобным выводам я пришел и тогда?) – то, как могло объясняться ее (такое) поведение – на фоне всеобъемлющей любви ко мне?.. И уже если это было так – почти что напрашивался вопрос: что скрывалось за ее любовью к сыну? Почему всегда считая своим долгом заявить, что на первом месте в жизни у нее была любовь ко мне – она тем не менее отдавала почти все свои и рабочее (специально отведенное для этого) и свободное время – работе?

(Хотя, это вполне могло происходить как раз из-за желания сделать все, чтобы сын ни в чем не нуждался. Но тогда выходило – что в каком-то роде – одно подменялось другим?

Но опять же, если посмотреть иначе, именно часы моего *вынужденного* одиночества располагали меня к размышлениям. Быть может в какой-то мере, и позволяли мне в большей мере стать тем, кем стал я. Давали пищу моему уму, способствуя тем размышлениям... способствуя моему философствованию...).

01.04.84.

В последнее время череду вроде как и здравых (что-то вроде логической «выверенности») догадок (рожденных анализом прошлого) сменяли и вовсе непонятные мгновения, выраженные большей частью в моем истинном непонимании ситуации.

И вот ведь как... Я вроде бы и понимал, что нахожусь на верном пути, как уже наоборот – цепочка размышлений рушилась напрочь, или ничего существенного я в ней не находил. И тогда все недавние догадки – сменялись порой жутким разочарованием.

Я не находил покоя своей душе. Подозревая, что вот-вот и какое правильное решение, способное вывести меня из каскада умопомрачительных завихрений, в которые я окунался в результате стремления докопаться до глубин собственной психики, дабы не то, чтоб вывести ее из того нелепого состояния (состояния беспомощности и внутреннего беспокойства – это лишь самое малое что испытывал я), а хотя бы на миг замедлить дальнейшее погружение в пропасть между реальностью (окружающей действительностью) и вымыслом (в котором все чаще и чаще пребывала

моя психика),-- как верное решение (которое должно было появиться уже как непреложный факт, следствие, итог, закономерность...) ускользало от меня. Вновь ускользало от меня. И я лишь вынужден был признаться в собственном бессилии. Бессилии, выражавшемся большей частью перед самим собой. Бессилии, от которого почти не было никакого избавления... Почти... Мое «почти» - это вероятно какое-то отдаленное эхо надежды; той надежды – которой как вроде бы уже и не было на самом деле. Ибо исчезала она, не успев в полной мере материализоваться. Но видимо какие-то биотоки я все же испытывал. И это было не один раз – потому как даже мельчайшие вспышки (просветы) в сознании – способствовали тому, чтобы откладываться в памяти (в том же сознании, в самых его глубинах), вызывая (когда надо) цепочку новых (но уже иных по значимости) воспоминаний, и мне становилось на самом деле легче.

Как жаль, что это продолжалось недолго. Быть может даже слишком кратковременно передо мной появлялись указатели того, куда я должен был стремиться (на миг озаряя светлое будущее) – и почти все исчезало...

Но мне и этого хватало. Вернее – у меня был путь. Он появлялся. И уподобляясь заплывавшей в море лодке – я шел на маяк...

Однако в отличие от маяка – у меня не было возможности проследить (пусть и за исчезнувшей) реальностью. Ибо в случае со мной – эта самая реальность иной раз пропадала слишком на долгий срок. Так что иногда уже появлялась тщедушная мыслишка – а вернется ли все обратно?... Мне очень хотелось бы чтобы все вернулось... И оно возвращалось. На самом деле возвращалось. Вот только иной раз – пауза невероятно затягивалась...

В какие-то моменты я невероятно желал, чтобы уже ничего не изменилось. Понимая, что ничего не способно измениться – я тем не менее почему-то страстно хотел удержать мгновение просветления навсегда... Навсегда... Неужели я столь наивен, чтобы надеяться что все прекратится?... Да и куда, в какую сторону должно было наступать такое «прекращение»?.. Ведь я практически до сих пор отдаю себе отчет – что и максимум, и минимум – здесь двоякая позиция. Принимая первую – наступает пустота. Но и по второй – все та же пустота. Вот только с разным ингредиентом значимости. Но разве не будет зваться пустотой – то, что ожидает меня впереди. И ведь таким уж сумасшествием это нельзя было назвать. Отнюдь. Да и что такое сумасшествие?.. Начнем с того – что заметно оно исключительно для других. Тогда как сам пребываешь в мире... в своем мире... И вот лишь только иногда... и вот лишь только иногда (когда внезапно вспыхивают просветы сознания),-- ты вроде как начинаешь удивленно замечать, что все вокруг совсем иное (чем ты представлял себе доселе). Дома вокруг внезапно меняют свои границы, как будто бы даже находятся или в полупрозрачной пелене (или на само деле смещаются); а люди... словно начинают

ходить мимо тебя каким-то необычно странным движением. И тебя уже не отпускает ощущение, что ты вот-вот наткнешься на них. Это, конечно же, не катастрофа. Но когда возможность подобного появляется несколько раз – ты уже вроде как начинаешь и задумываться: неспроста ли все это?..

Вернее, даже нет – ты внезапно начинаешь догадываться, что все это, конечно же, неспроста. Но вот что стоит за всем этим – как будто бы и не можешь понять.

На самом деле, ты не можешь понять это сразу, в миг самого возникновения мысли об этом.

И ты уже самым жестоким для себя образом пытаешься отыскать верную причину возникновения мысли об этом.

И ты уже самым жестоким для себя образом пытаешься отыскать верную причину возникновения... .

Но в том-то и беда – что как только стоит об этом начать достаточно серьезно размышлять (то есть, имея самые серьезные намерения) – то правильное решение, на которое ты так надеялся – начинает ускользать.

Даже нет – оно моментально исчезает.

Часть 5

04.05.84.

Все вроде начиналось сравнительно просто. И предвещало будущее. Оказалось – не так просто все. А будущее...

Практически в одночасье (миг, который не успеваешь уследить, и он уже сливается с бесконечностью в своем немом беззвучии) будущего я лишился. И сейчас спроси меня – настолько расходится то, что видится сейчас,-- с тем, что виделось когда-то... и мне захочется заплакать... . Насколько все... отвратительно, что ли...

А ведь, если задуматься – я так и не нашел ответа на многие, из мучивших когда-то вопросов. И не потому нет ответов, и не потому что нет ответов, и не потому, что их не может быть... и не причем тут никакая иная причина... Просто на каком-то этапе я ощутил, что само смысловое значение вопросов (вернее – ожидаемых на них ответов) потеряло свою актуальность. Для меня. Конечно же, для меня. Да и, быть может, только на один какой-то момент. Потому как знал я, что пройдет несколько дней, недель, лет – и все изменится вновь. Только в каком значении

(положительном, нейтральном, отрицательном, действительно значимом...) это будет по отношению к моему (новому) сознанию?.. Насколько адекватно я смогу не то чтобы вообще воспринимать (а тем более оценивать), но и вообще способен ли буду более-менее сносно оценить новый (предоставляемый мне) материал?.. Сейчас мне отчего-то показалось это лишь весьма заманчивой утопией... Но ведь я на самом деле могу лишь только догадываться что будет дальше... Весьма спонтанно фиксируя отдаленные детали... И почти не осознавая истинную реальность...

Но неужели так хочется жить в абстрактном мире?..

07.05.84.

Пожалуй, более всего меня сейчас беспокоит мое необъяснимое стремление сделать все иначе, чем считали (хотели) родители.

Я очень боюсь, что помимо своенравия да слишком ярко выраженного стремления к самостоятельности (как, вероятно, можно было бы это объяснить), это все еще напоминает недостаток взрослости (то, от чего я всячески стремился убежать).

Иными словами, желание любым образом казаться старше своих лет - сыграло со мной нелепую шутку, последствия которой я вынужден пожинать до сих пор. И если когда-то, в самом начале, еще вполне можно было что-то изменить,-- то уже теперь даже возникновение подобного желания кажется достаточно абсурдным. Вместо того, чтобы быть самим собой (не стремившись жить за кого-то другого), я искал любой возможности, дабы надеть на себя чей-то выдуманный образ... В итоге от этого никто не выиграл... А я в любой момент стоял на грани – возможности все потерять...

Можно ли было это объяснить чем-либо иным?..

Сейчас думаю что нет...

Это была достаточно серьезная ошибка...

И за нее, конечно же, мне пришлось долго расплачиваться...

Это как начать сочинять...

Можно и в 16 лет сесть за роман...

А можно дождаться действительно необходимой зрелости...

И при повторении попытки – все пойдет само собой (при наличии способностей, разумеется).

С Лелей я познакомился на пляже. Сейчас понимаю, что справедливости ради стоит признать – познакомилась со мной она. Вернее, все сделала для того, чтобы я вынужден был сделать первый шаг.

За первым шагом как-то достаточно сложно было остановиться, и в итоге, когда я все же решился перевести дух – эта женщина уже считалась моей законной женой.

Будучи почти на полтора десятка лет старше, Леля, по всей видимости, проецировала на меня свои не востребовавшие (несмотря на 35 лет и несколько неудачных браков - детей у нее не было) материнские чувства. Причем, как оказалось, в каком-то извращенном видении -- потому как желала меня она всегда -- испытывая какой-то особый подъем, если это было в самых неподходящих местах: в лифтах, на лестничных площадках, в примерочных магазинов, на поляне в городском парке, в прогулочной лодке, взятой в том же парке на прокат...

Создавалось впечатление, что Леля была готова всегда. Ей не надо было никакого определенного настроения на секс,-- прелюдией мог быть только взгляд на ее грудь (которая, надо признать, заметно выделялась на фоне достаточно хрупкого сложения), или ярко очерченный рот. Вернее, губы. Губы, которыми эта женщина способна была творить поистине чудеса. И я часто любил наблюдать, как она – после нехитрых подготовительных манипуляций – берет в рот, вернее – медленно подносит к истосковавшимся по инструменту губам – саксофон (Леля играла в, так называемой, джаз-банде). Видимо работа заметно отложилась на ее внешнем поведении (как, впрочем, и внутреннем устройстве), потому как была Леля всегда достаточно свободной, считала себя таковой, и если честно – мне как-то и неловко было спросить: зачем она решила выйти за меня замуж.

Быть может, это была игра?..

Но как бы то ни было, эта игра продолжалась всего полгода. Но мне хватило на добрых десять лет, во время которых я каким-то непонятным для меня образом умудрился обходить (тайно нравившихся) женщин, случайно нырнув в литературу и отчего-то предпочитая не выныривать.

Второй (и верно последний) мой брак состоялся несколько лет назад. Здесь произошло все почти что в точности наоборот. Супруга – Анюта – оказалась меня младше на те же самые десять лет. Причем была настолько пуритански воспитана, что если что-то у нас и происходило (с частотой раз в полгода, а то и год), то это все выходило как-то случайно; как – даже и сам не пойму. (Именно в одну из наших «случайных» ночей – а если что и оказывалось возможным, то не только исключительно ночью, в абсолютной темноте, но и – «для страховки» - под огромным одеялом, да с

имитацией сна Анютой. То есть видимо подсознательно у нее должно быть убеждение, что вроде бы и ничего не было. А если было – то она якобы в полном неведении относительно того). Так вот, следствием одной из наших подобных ночей – а энтузиазма все это мне нисколько не прибавляло, вероятно потому и количество этих встреч за уже как несколько лет наших отношений можно было сосчитать на пальцах одной руки – было рождение нашего сына – Аркадия).

Вообще-то, если честно признаться, то никакая жизнь – ни супружеская, ни общественная (имея в виду мою жизнь в социуме) не способна была оказать на меня никакого влияния. Я все время оставался погруженным вглубь себя. Только так я мог быть свободным. Свободным от чьего-либо влияния. Которого, я если и не опасался, то попросту не хотел. Зачем?.. Мой выдуманный мир еще с детства меня привлекал значительно больше, чем лучшие красы вокруг. Да и разве возможность оставаться самим собой того не стоит?..

18.05.84.

Живя больше, чем быть может кто-либо, отшельнической жизнью, я нисколько не только не переживал, но и стоит заметить – наоборот, желал, чтобы это продолжалось и дальше. По крайней мере, за возможность оставаться наедине с собой – во все времена дорого платили. И если это не одиночная камера, а добровольное заточение – то большего чем было, как будто бы, и обидно было желать. Да и зачем?.. Меня на самом деле все устраивало. В какой-то мере, только нахождение наедине с собой способствует взлету той фантазии, которая превращается более чем в реальность, на страницах произведения. И тогда уже именно тишина предполагает доступность философствования. Его возможность. Потому как, почти нет ничего тревожней и опасней (для мыслящего человека), чем отвлекающие шумы.

В один из дней – по всей видимости это было лет пять-шесть назад (согласно моему летоисчислению в дневнике) – один мой тогдашний знакомый (люди удивительнейшим образом появлялись из ниоткуда – словно только для того, чтобы завести знакомство со мной, и через какое-то незначительное время также неожиданно исчезали) предложил мне участие в каком-то немислимом (по ожидаемым масштабам) проекте: организация строительства молодежного города. Причем это не было похоже ни на какую (очередную) стройку века; ибо создавалось все абсолютно на пустом месте, и не было приурочено ни к какому масштабному строительству. Другими словами, должно было строиться только жилье. Без каких-либо – как я, было, подумал – градообразующих предприятий.

К слову сказать, поначалу я тотчас же отверг свое участие в подобном проекте, потому как не видел ничего, что каким-нибудь образом выходило за рамки обычного *проекта*, каким (как я подразумевал) славился мой приятель.

Однако, на удивление, тот был достаточно настойчив, и, по моему, на раз седьмой-восьмой (его просьб) я действительно согласился; хотя, если честно, мне было абсолютно непонятно - что же от меня требовалось. Ведь на что-то мой знакомый рассчитывал (я имею в виду какую-то отдачу), если столь настойчивым образом уговаривал меня.

После достаточно долгих размышлений (по моему, уже после согласия данного обрадовавшемуся приятелю), собираясь было повиниться и отказаться в очередной раз, я, быть может, неожиданно для себя еще раз согласился, и сказал, что готов выслушать все условия нашей сделки, и главным образом то, что требуется от меня. Меня по-прежнему занимала моя роль. И мое участие в этом проекте уже виделось мне в самых ярких да красочных цветах. (Вообще так бывает довольно часто. То, что мы яростно отвергаем, через время способно показаться нам самым близким и желанным из того, что когда-либо вообще видел раньше).

Таким образом, я не только принял предложение моего товарища (а его я уже готов был считать таковым), но и с нетерпением ожидал возможности приступить к непосредственной работе.

Отчего-то теперь это мне казалось наиболее главным из того, что вообще неким тайным образом меня окружало. И как-то незаметно и семья и родители и бывшие друзья (о которых стоило сказать, что их больше «не было», чем они «были») отодвинулись на второй план.

В принципе, в этом не было ничего такого уж плохого. Вернее – ничего не могло бы быть, если бы проект удался. И вот в чем была поистине загадка – я так и не понял, на каком же этапе все распалось. Почему?.. Почему так произошло?.. Если честно – сейчас ничего толком и не вспомнить. (Быть может, прошло значительно больше времени?..). Помню лишь то, что я отчего-то принялся скрывать от своего знакомого. Не подходил к телефону. Не отвечал на звонки. Как-то неожиданно, что называется, «выпал в осадок». (Стоило признать, что нечто подобное со мной происходило часто. У меня отчего-то в какой-то момент наступало разочарование теми людьми, с которыми я как вроде бы достаточно тесно общался. И я даже не мог себя заставить на какие-либо объяснения. Все как будто разом исчезало в моем самосознании. Вызывало во мне какое-то нелепое отторжение. И я готов был спастись элементарным бегством, если бы кто из недавних знакомых надумал бы приблизиться ко мне. Отчего так происходило?.. Действительно загадка...).

19.05.84.

Вопрос с периодическим появлением в моей жизни новых знакомых и таким внезапным прекращением этих самых знакомств (причем, сейчас я имею в виду исключительно те, что распались по моей вине; а таких в процентном отношении было почти под сто), по всей видимости лежит в плоскости моего специфического восприятия действительности. Той действительности, что меня окружала. И, вероятно, именно той действительности, которой я в какой-то мере должен был (всяческим, зачастую, неадекватным образом) выражать свой протест. Протест, который в какой-то мере выходил далеко за рамки общепринятых (в обществе) норм и ценностей; и в свою очередь означал собой – не иначе как ярко выраженное нежелание подчиняться общепринятым нормам и ценностям.

Только не стоит думать, что я собственноручно стремился к этакой маргинальности. Отнюдь. Вероятно, если задаться целью выразить поточнее то, что неким таинственным образом простиралось вокруг меня – так это почти исключительно укладывалось в понятие некой, если можно так выразиться, *хамелеонности*; то есть заранее просчитываемой приспособляемости к внешнему (лежащему за пределами моего сознания) миру. И уже отсюда, вероятно, как некое следствие вытекало гиперболическое развитие чувства, именуемого... Впрочем, я, пожалуй, излишне увлекся. Если сказать по правде – ничего не было такого, чтобы заставило меня сожалеть о случившемся (то есть происходящем с моим, или благодаря моему, участием).

А если и вообще, в качестве первоосновы психики, принимать ее интуитивную направленность, то и вовсе все объяснялось достаточно просто. И все у меня получалось в результате контакта с внешним миром – я теперь мог почти что запросто списать именно на свою психику, на ее восприятие действительности, на ее интуитивную направленность. (Правда мне всегда хотелось казаться, что из четырех выведенных Юнгом – Карл Густав Юнг - типов характеров, у меня все же была большая ориентация на мышление. Но иногда, в целях, только мне понятных – я вполне мог допустить и компромисс.)

21.05.84.

За всем философским многообразием моего осознания бытия, по всей видимости, угадывалось желание докопаться до глубин первоисточников собственного психического начала.

И если когда это действительно получалось – я по праву мог торжествовать пусть маленькую, но победу.

Маленькую, потому что на самом деле, никогда весь действительный вариант миропонимания и не может быть достигнут. По принципу. (Хотя бы потому, что не было бы тогда

столько философских учений). Думаю не ошибусь, если предположу, что каждый из философски размышляющих субъектов находил какую-то свою истину. И на этом останавливался.

29.05.84.

Я пришел к почти неожиданно-парадоксальному заключению: все, что было раньше, в моем детстве -- для меня имеет намного большее значение, чем происходящее сейчас.

И даже более того, – если соотносить по эффекту получаемых от жизни положительных эмоций, – вне сомнений то, что было тогда – намного превышает все, что мне когда-нибудь удалось бы испытать позже.

Я даже скажу более – почти исключительно благодаря сну, сновидениям,-- я имею счастливую возможность оказываться там, где уже никогда не буду. В моем детстве. И быть может потому – для меня действительно «за счастье» - вернуться туда, в мое детство. И когда это на самом деле удавалось – я по праву мог считать себя счастливым человеком. Потому как разом обретал психологическую устойчивость. Некогда потерянную.

И что же получается? По всему выходит, что я именно свой прошлый возраст ценю намного больше, чем теперешний. Но вот здесь как раз и не совсем так. Если брать во внимание именно возраст, то, как раз мое стремление все время казаться старше (и тем самым выйти из подросткового возраста),-- как бы негласно свидетельствует о том, что сам возраст здесь как будто бы и не причем. Важно отношение к жизни, к окружающим.

А если брать во внимание упомянутое выше слово «возраст»,-- то почти непременно это относилось к моему ощущению, что раньше, в детстве, мне было (имея в виду, вероятно, состояние внутренней гармонии) значительно лучше, чем сейчас.

Но вот тут, как мне кажется, закрадывается небольшое противоречие. Ибо я помню, что и раньше, в детстве, мне уж не было так хорошо. И быть может я и оправдывал свое существование – так лишь только тем, что, мол, стоит мне только вырасти (вероятно, в призрачной надежде самому вершить свою судьбу), и все изменится. Как всегда – в лучшую сторону, разумеется. А вот когда я действительно «вырос» - почти наоборот – появилось желание оказаться в детстве. Как раз в том детстве, из которого с такими стремлениями мечтал выбраться. И для чего? Для того, чтобы обратно оказаться... там же.

Правда, такое уже стало возможно только в сновидениях. Но и после них, просыпаясь и замирая в тайной надежде и в стремлении удержать остатки того, что виделось только что – в случае если это удавалось или я мог вспомнить хотя бы часть того что было там, в сновидении – мое психическое состояние значительно улучшалось. И как будто ничего уже было не надо. Лишь только удержать, тайной мыслью памяти вцепившись в лоскуток недавних воспоминаний – и уже

на самом деле... где-то внутри разливалось приятная истома от ощущения чего-то безмерно прекрасного... И особенно от приобщения к нему... Кажется, что все удалось. Суть проблем (ожидающих своего часа) еще находятся где-то в тумане. В безбрежной дали. И даже совсем не думаешь об их существовании; ибо в какой-то мере для нас неоценимо важно то, что именно сейчас заполняет наше сознание. И от того какая это картинка – положительная или отрицательная – мы можем судить обо всем последующем. Вернее – как раз все, что будет после – будет находиться под незримым влиянием того, что было только лишь некогда. И уже тогда...

02.06.84.

Мне почему-то все больше хочется вернуться назад, обратно, к тому периоду, в котором я еще несколько не испытывал тех душевных потрясений, которые как Дамоклов меч нависли над мной сейчас... И что уже несколько не кажется мне странным – именно в том периоде я подсознательно ищу и успокоения, и душевного равновесия (что неким таинственным образом с недавних пор означает для меня одно и то же), и стремление убежать, спрятаться куда-то вглубь своего, находящегося в прострации и нерешительности выбора, сознания; быть может действительно подспудно догадываясь, что именно там (и только там) я смогу обрести покой.

Ну и уже в этом моем стремлении спрятаться в башне из слоновой кости – неким загадочным образом таится чудодейственное приобщение ко всем тем, кто, начиная от Флобера, стремился по всей видимости того же.

И что это на самом деле?... Боязнь открыться, вывернуться наизнанку в этом бесчеловечном мире? Мире, в котором почти и не дано выжить таким как я. И тогда лишь только незначительные и по детски наивные ухищрения способны хоть как-то помочь затеряться... снизить (а то и попытаться свести на нет) актуальность необходимости приспособливаться... Ибо уже в этом, в такой необходимости – совсем нет ничего действительно необходимого. И это лишь только вынужденная мера. Тогда как перспективы, которые неким негласным образом «озвучиваются» в моем подсознании – сулят мне значительно больше, чем иной раз я даже способен подумать. Да и что такое моя мысль? Она почти всецело находится под мощным засовом сдерживающих ее обязательств (данных неизвестно кому и когда), и уже любое, действительно искреннее ее проявление – почти напрочь купируется некими загадочными стражами, которых и совсем можно было бы не замечать, если бы в тот миг, когда становятся возможны достаточно искренние проявления моего внутреннего «Я» - они начинают всплывать в сознании, незримо напоминая о себе.

Но вот что тогда для меня действительно становится возможным? Что (хоть в какой-то мере) может способствовать моей способности достаточно спокойно реагировать на окружающий мир. Да

и что сам он из себя представляет? Этот мир. И уже тогда действительно мне более чем начинает казаться, что (как будто бы) и не надо... ничего не надо... И лишь только в туманном стремлении выбраться хоть куда-нибудь, найти то исцеление своим душевным ранам – и будет заключаться для меня возможность существования... Возможность вообще выжить...

07.06.84.

Невероятно трудно, просыпаясь каждое утро – бояться сделать какое-то лишнее мысленное движение, чтобы ненароком не нарушить сложившееся после сна единение всех механизмов и мозга, и души, и сознания... И для того, чтобы вот эта самая гармония, никоим образом не нарушилась – ты всяческим загадочным способом стараешься не подпустить к восприятию своей психикой какую-либо информацию (почти изначально видя в каждой информации негативный оттенок), и если все проходит более-менее гладко – пребываешь в какой-никакой радости. Но и неведение – когда случится вновь атака на психику, и ты опять будешь бояться сделать какое-то неверное движение, чтобы только не нарушить ту грань, которая неким таинственным образом разделяет границы сознания и подсознания – и уже вслед за этим, твои движения должны быть достаточно осторожны, а мысли... мысли по возможности должны иметь размеренно-равномерное движение... И ничто не должно быть способно их нарушить. И почти ничего – уже не должно выбить из колеи пребывавшее в нерешительности сознание. Ибо с недавних пор, роль его невероятнейшим образом снизилась. И я уже несколько не был уверен, что мне и впредь удастся контролировать его.

И ведь, пожалуй, нельзя было сказать что я так-то уж чувствовал какую-то тревогу... Скорее – я заставлял себя ее чувствовать. Боясь погрузиться в безразличие, равнодушно приняв то, что, быть может, и так было уготовлено мне.

Можно даже сказать (или уже скорее признаться), что начинавшееся периодически накатывать отчаяние – было не иначе как следствие какой-то пока необъяснимой закономерности. Скорее – было именно такое ощущение. И уже тогда – моя задача была: всяческим образом стремиться заглушить, обезопасить себя от начинавшегося... безумия... (Безумия как такового еще конечно же не было. Но опасность, что оно когда-нибудь наступит, была столь велика, что я уподоблялся некоему загадочному волшебнику, стремившемуся создать иллюзию, опять же, спокойной жизни.)

И стоило признать – в большинстве случаев мне удавалось обманывать свое не в меру разыгрывающееся воображение; направив его в некое иное русло. И изображая внешне благополучие, а внутреннее даже уверовав в это.

Что это было? Так ли уже это было действительно страшно? Думаю, что в какой-то мере это не только было страшно для меня и опасно для потерявшего ориентир сознания, но и грозило в каком-то скором, но так хотелось бы – отдаленном времени перерасти в действительную катастрофу. Когда начинаешь жить в каком-то, большей частью, выдуманном мире. А все, что вокруг – видишь не только в некоем искаженном изображении, но и зачастую, из-за многомерности одного, перестаешь вообще что-либо правильно различать. И ты как вроде бы и разговариваешь с кем – но уже ощущаешь (раз еще пока ощущаешь – значит это какая-то начальная стадия), что не все удастся тебе понять. А окружающие как будто уже ничего и не понимают. И произносимые слова расслаиваются на эхо. И случайно ухватив третий, четвертый... седьмой звук (отходящий от только-то произносимого слова), ты уже с трудом держишь себя в руках, чтобы окончательно не потеряться; потому как начинаешь догадываться, что произносишь нечто нечленораздельное, и даже может совсем не в тему... Да и сам уже не понимаешь зачем говоришь и кто инсценировал этот разговор... Сам ли... Собеседник... А если он, собеседник? Или ты разговариваешь сам с собой?.. И от всего этого ты теряешься, замолкаешь, убегаешь, панически опасаясь повторения чего-то подобного в будущем.

Этот самый настоящий страх – блокирует еще недавно свободные рычажки управления в твоём сознании, и ты теперь испытываешь невероятное затруднение при возможной необходимости разговора, боясь, что это все случится с тобой и на этот раз.

21.06.84.

Я часто, слишком часто в последнее время ощущал, как какое-то загадочное беспокойство начинало разрастаться внутри меня. По всей видимости, что-то такое таилось внутри, требовало выхода какой-то нерастроченной энергии; и я почти уверен – если бы я смог когда разгадать причину возникновения этого беспокойства, то быть может я и смог бы тогда от него избавиться. А еще лучше – не допустить впредь развития чего-то подобного.

Однако почти настолько, насколько я был уверен, что причина беспокойства исчезнет с момента его обнаружения, почти настолько же я знал, что этого, в общем-то, никогда и не произойдет. Отчего-то я был уверен, что всего лишь единожды начавшись – беспокойство (и уже как следствие – возрастающая внутренняя тревожность и раздражение) будет теперь постоянно сопровождать меня. И ведь никто не задастся целью вопроса – нужны ли мне такие спутники?..

Однако мне почему-то казалось, что стоит дать себе какую-то поблажку, и пока только начинавшаяся симптоматика болезни разовьется в самую настоящую болезнь. Ту, от которой не будет уже такого (как пока еще сейчас) ясного излечения; а значит, в последующем ожидает лишь

ухудшение состояния. Состояния, которое я неким таинственным образом уже боялся как-то охарактеризовать. Скорее всего – в этом повинен какой-то внутренний страх. Да, тотемная тревога, что, при произнесении начинавшихся симптомов в слух, мне грозит еще большее ухудшение состояния. Моего внутреннего состояния, которое и так было столь безрадостным, что я уже иной раз и подумывал о добровольных способах ухода.

Сейчас я думаю, что в полной мере я никогда не отдавал себе отчет в том, что происходит. Это было уже и по упомянутой причине боязни какого-либо озвучания проблемы, так и вследствие наличия (что поистине трудно, но необходимо признать) внутреннего (если хотите – душевного) неверия в то, что ожидаемый результат будет значительно выгоднее – нынешнего.

Но уже как бы то ни было – мне на самом деле нисколько и не хотелось чтобы что-то уж слишком кардинально менялось. В какой-то мере предлагаемую ситуацию следовало рассматривать с позиции допустимого (и вполне оправданного) наказания. То есть некоего наказания за множество, большей частью абстрактных, дел; и таких же помыслов. И уже тогда... Уже тогда я и не должен был по настоящему на что-нибудь роптать. Все оказывалось вполне закономерным. А значит – не только действительно оправданным, но и,-- что покажется странным,-- принимаемым мной. Принимаемым, иной раз, настолько, что я почти считал излишним делать какие-то попытки для предотвращения – как наступления схожей ситуации, так и вообще – каких бы то ни было (в дальнейшем) случаев следствий всего этого.

Мне надо было смириться. И я, в общем-то, был к этому готов. А что до самого беспокойства... Я как-то научился жить вместе с ним. Принимая как еще одну (закономерную?) неприятность – являющуюся следствием самой жизни. Желания – жить. Ведь за все надо платить...

Часть 6

01.08.84.

Почти против своей воли, интуитивно, я решаю сделать очередные попытки возврата к своему прошлому, к детским годам. И уже как раз тут мной движет лишь одно стремление попытаться найти, вспомнить, разобраться в том, когда же началось то, следствием которого, как я считаю, и является мое теперешнее состояние. Состояние сильнейшего воздействия на психику каких-то потусторонних сил. И уже именно вследствие этого – моя психика испытывает достаточно серьезные потрясения, от которых я даже не уверен – сможет ли когда оправиться.

Если (еще раз? Отмечал ли я уже это ранее?) попытаться схематично набросать все, что мне приходится испытывать на себе, – то наверняка, почти без каких-либо ограничений, все это

подпадет под симптоматику какого заболевания. И хорошо, если только невротического характера. (Тогда как иной раз напрашиваются и параллели с психопатологией...).

Что ж. Попытаюсь сделать некий сравнительный анализ, проследив начало развития какого симптома с детско-юношеских лет и заканчивая сегодняшним временем, когда мой возраст уже приближается к сорока годам...

Я был всегда замкнут. Замкнут до невероятности, до боли, до отчаяния (вынужденного) моих родителей, вероятно (насколько могу вспомнить) предпринимающих достаточно неудачные и безрезультатные попытки хоть как-то исправить ситуацию. И уже тогда – им оставалось только попытка влиять на эту ситуацию; причем, конечно же, в том ключе, который был нужен им и который был способен повернуть механизм в нужное, а иной раз и просто необходимое русло.

Но насколько я понял, толком ничего ни у кого не вышло. И потому, я по-прежнему оставался нелюдимым; а возможных потенциальных друзей да товарищей, следуя, должно быть, какому-то своему внутреннему убеждению – обходил стороной.

И уже ничего нельзя было осуществить по-иному. Притом что мне – не только не хотелось ничего подобного, но и вероятно я хранил какое-то удивительное единение с самим собой, потому как, конечно же, нисколько не испытывал каких-то сожалений по этому поводу. И это почти означало, что у меня нисколько не было и горестных размышлений о том, что же нужно сделать, чтобы исправить ситуацию. Я вполне наслаждался одиночеством. И что-либо менять – совсем даже не хотел. Зачем?..

Мне сейчас даже как-то и не вспомнить, служило подобное положение дел причиной действительно серьезных беспокойств со стороны родителей.

Но почему-то мне кажется, что они были достаточно занятыми людьми, чтобы еще попытаться анализировать поведение сына в отношении сверстников. Тем более, насколько помню, у отца уже тогда – как, впрочем, и всегда – были достаточно серьезные оборонные заказы в его КБ, что заставляло его большую часть времени проводить именно на работе, а не дома; что до матери – то я об этом уже тоже упоминал – она также была достаточно занята, вероятно считая что являясь женой генерала – не должна в чем-то филонить и проявлять лень. Кстати, если у кого уже готово родиться впечатление, что меня воспитывала гувернантка, то это не верно. Потому как все обязанности той сводились почти исключительно к одному – проконтролировать и проверить выполнение домашнего задания, снарядить в школу (родители обычно уходили пока я еще спал), ну, разумеется, встретить из оной, и как сейчас вспоминаю, почти что все. Быть может потому Элеонора Сергеевна (моя нянька) не оставила в моей памяти каких-то серьезных воспоминаний. А

быть может, если чуть длительней покопаться в этой самой памяти, то и вовсе ее медленно выплывающий из небытия образ способен вызвать лишь негативные (а то и отрицательные) эмоции.

Быть может в более выигрышной ситуации оказывалась наша экономка, тетя Глаша. Но и даже это могло оказаться потому, что ей, волей-неволей, приходилось готовить (причем вкусно, иначе вряд ли бы она удержалась у моего властного родителя), так что, по большому счету, если в моей памяти и сохранились какие воспоминания о ней, то они базировались почти исключительно на ассоциации с достаточно качественной кухней, которую она демонстрировала.

Как я уже заметил, мое одиночество нисколько не вызывало у меня какого-либо сожаления. Меня вполне устраивал подобный характер отношений со сверстниками. Поэтому ничего не менялось ни в 6, ни в 8, ни в 10, ни в 12, 13, 14... 16, 18 лет. И, по всей видимости, вряд ли что-то способно измениться и сейчас. Ведь я по-прежнему оставался такой же. И всякие компании для меня - не иначе как излишнее (и казавшееся мне абсолютно ненужным) «напряжение» (соответствовать выдуманному образу), которое должно было появляться у меня при необходимости общения с кем-либо. Быть может только за исключением родителей, от которых, впрочем, тоже старался держаться на некотором отдалении.

Кстати, пусть кому-то покажется странным, но я нисколько не считаю все подобное чем-то негативным, отрицательным, плохим. Как и чем-то, отчего необходимо было избавляться. Совсем нет. Все это, в некотором роде, особенность моей психики. И вопрос поистине может оставаться открытым (а в иных случаях и вовсе не подниматься) – необходимо ли было вообще восстать против собственной психики? Не является ли попытка изменить природу – наипервейшей ошибкой, на которую способен цивилизованный человек? Потому как лишь только цивилизация, культура – виновна в том, что перед относительно ни о чем не задумывающимся индивидом, каким-нибудь неандертальцем – возникают сотни внезапных табу, вынуждающих его, зачастую, напрочь изменить, переориентировав свое поведение. У бывшего первобытного человека появляются обязанности. А значит – и некие новые условия, вынуждающие по-иному реагировать на окружающий мир.

Итак – я был одинок, замкнут,-- и совсем не видел в этом ничего такого, что требовало бы немедленного исправления.

Сейчас вспоминаю, что тогда, в детско-юношеском периоде, если чего мне и хотелось – так это лишь возможности, чтобы меня действительно никто не беспокоил. Мне нравилось находиться наедине с собой. Нравилось – если хотите, находиться в плену своих иллюзий. Нравилось, в какой-то мере подводить мир под себя. Под свои особенности. Которые кое-кто, вероятно, и считал

достаточно странными. Но у меня, как я уже сказал, подобная оценка никогда не вызывала и намека на панику. Я со слишком раннего возраста был уверен в себе. Быть может даже уверен в какой-то своей исключительности. Хотя, спроси меня кто, в чем эта самая исключительность выражается, я думаю, вряд ли бы смог ответить. Но ведь, зачастую, играют роль не какие-то конкретные факты (в какой-то мере делающие реальные обстоятельства жизни), а нечто иное, выходящее (и просачивающееся) за рамки очерченных (природой?) предметов. И, наверное, оттого, от этого моего постижения существования ирреальности, прозрачности окружающего мира – я нисколько не сомневался, что если для кого что-то и могло показаться странным в моем поведении (или мыслях), то это лишь только какой-то отдельный взгляд этого человека на вещи. Взгляд – искаженный и свойственный только ему (ну быть может еще таким же существам, видевшим мир только под одним, специфическим ракурсом в духе типичного реализма. Тогда как на самом деле...).

Что можно было сказать обо мне еще?.. Вероятно, что уже как следствие моего нежелания с кем-либо общаться, стало мое еще большее погружение вглубь самого себя. Причем, насколько сейчас помню, передо мной почти никогда не возникало таких вопросов как раскрытие (и как следующий этап – совершенствование) каких-то внутренних особенностей; я не стремился познать себя. Это было бы уж слишком (и подобное желание, на мой и теперешний взгляд, более свойственно людям по сути ничтожным, умственно неполноценным, слабохарактерным).

И почти наверняка, мое длительное и, наверное, увлеченное общение сам с собой – было направлено на решение каких-то своих, быть может, и достаточно меркантильных проблем. Это уже позже – именно частая практика такого общения привела к философствованию. А тогда... Тогда я всячески стремился урегулировать свое внутреннее состояние. Ибо, по всей видимости, состояние внутренней тревожности, беспокойства, если хотите – неуравновешенности и раздражительности – уже начинало нарушать некогда бывшее единство. Единство души и тела. И следствием нарушения гармонии – была моя психика, этот разбуженный природой вулкан, который вынуждал меня к совершению совсем уж странных и нелепых поступков. От которых, быть может, я и до сих пор (от некоторых из них) прихожу в состояние разочарования.

А ведь стоило мне повернуть психическую энергию в другую (соответствующую) сторону, и всего этого могло не быть. А того, что смог я достичь – достиг бы намного раньше.

Однако, рассуждая именно так, я, скорее всего, совсем упускаю из вида, что в ту, описываемую мной пору детства, я не страдал. Нет. По всей видимости, как раз то время характеризуется появлением первых причин для волнения, в последующем вылившихся в порой достаточно серьезные душевные потрясения, собственно, вероятно и вызвавшие появление той

длинной цепочки различных (зачастую все новых и новых) потрясений, которые привели к развитию симптоматики заболевания (что вынуждает меня считать таковым – расстройство психического здоровья). Причем, как видится мне, болезнь подбиралась медленно и осторожно, ни в коем случае не собираясь себя сразу же обнаруживать. В какой-то мере можно даже сказать, что задуманный план удался. Я на самом деле не обращал внимание на какие-то отданные позиции, считая их, быть может, чем-то естественным и закономерным. Ну, например, взрослением. А значит вполне закономерным – иным взглядом на текущие события. И вот ведь незадача – в какой-то мере я и до сих пор не уверен, что действительно должен был вести себя как-то иначе.

Уверенность, что попросту мне тогда не оставалось делать ничего иного – как будто укоренилась в моем подсознании. И как я считаю – почти совсем и не зачем сейчас доискиваться до каких бы то ни было первопричин. Хотя бы потому, что вследствие известного изречения – человеку свойственно ошибаться – я вряд ли сейчас способен в достаточной верной степени восстановить хронологию событий. Однако, уже с другой стороны (а во мне всегда было несколько различных начал) – я могу полагать, что как раз в попытке докопаться до самих истоков – будет заключаться некая гарантия того, что это не повторится в будущем. Причем – не только со мной, но и с моим ребенком.

В то время (как, верно, и сейчас) во мне существовало несколько (иной раз – разнополярных) противоречий. Замкнутость и стремление к одиночеству – как ничто другое предполагает некую, внутреннюю, душевную «ранимость» (что, безусловно, было). Однако наряду с этим – во мне вполне могли уживаться и жесткость (или, скорее, жестокость) и агрессивность (близнецы-братья начала любого преступления). И вот именно в обуздании одного и в какой-то мере вынужденном поощрении других своих качеств – и заключалась моя жизнь. Точнее – сама жизнь как раз заключалась совсем в другом. Но вот между различного множества событий, словно стремясь заполнить зияющие пустоты, как раз и сосуществовали эти мои качества. Качества, приводившие в трепет одних, и в счастливое умиление – других.

И, должно быть, не было у меня какого иного выхода. Лишь может только дальнейшее желание разобраться в самом себе. И – попросту выжить...

02.08.84.

Тема выживания поистине одно время вышла на первый план, способствуя попытке действительно попытаться разобраться – на самом ли деле мне необходима жизнь? И вот что удивительно – этот вопрос ни на сколько не казался мне праздным. В нем совсем не было ничего от этого. И тогда уже, если хотите – это была в некотором роде и необходимость. Необходимость

отыскать доводы, которые смогли бы убедить меня не предпринимать никаких шагов к прекращению своего существования.

На каком-то этапе моей жизни это мне представилось действительно актуальным. Ибо, по всей видимости, тому способствовало начало так и не прекратившихся в последующем появления симптомов, от которых я вполне оправданно и закономерно искал избавления.

То, что мне этого не удалось – как ни странно, свидетельствует ни от того, что желание не успело должным образом развиться. Почти совсем даже нет (иной раз подобное желание уже как вроде бы и толкало меня к непосредственному осуществлению замысла, но как водится, что-то мешало). И то, что ни одна из уже как вроде бы разрабатываемых попыток не привела к намеченной цели – должно быть, свидетельствовало лишь о том, что я ни в состоянии был реально воплотить задуманное в реальное. Все время передо мной возникали какие-то сложные схемы претворения замысла – и почти все они уже изначально были обречены на провал. Потому как, если бы я только согласился признать это раньше (а могу только сейчас, в этом своем возрасте) – я нисколько не способен к осуществлению какого физического труда.

И вот ведь незадача. Если мне и раньше казалось также – то я это большей частью (т.е. преимущественно) считал, если можно так выразиться, некой прихотью. Что почти означало, если на то потребуются, могу от этой «прихоти» избавиться, и завернуть эдакое...

Я ошибался...

Неспособность претворения в реальность своих замыслов (большой частью даже базирующихся в голове, а не на бумаге) – оказалось действительно существующей. Причем, моей было поистине ошибкой то, что я смог признать подобное существование дел – лишь только потом, сменив уже не один десяток лет после событий юности. (Но тогда уже загадка – что было бы в ином случае. Неужели что-то могло измениться?..).

Итак, я почти отказался от претворения в жизнь своего желания. Хотя, стоит заметить, я в какой-то мере до сих пор считаю, что если судить по совести, то остановить свой путь требовалось уже давно. Однако, сколько из нас живет действительно по совести... Ведь в какой-то мере – это означало неременнейшее стремление к каким-нибудь суицидным моментам. Ибо терпеть, обманывая себя и других, приспосабливаться – все это неременная плата за жизнь. Жизнь, которая иной раз совсем не требует от нас каких-то обязательств. Но уже почти неременно – это все ложные позиции. Но если и даже попытаться допустить так – то взамен эта самая жизнь толкает нас в бездну преступлений против себя, своего здоровья, вынуждая не только выискивать (заранее принимая его) компромисс, но и всяческим необратимым образом требуя (и тоже принимая) оправданную (для нее, но не для нас) жертву. И вот в этой жертвенности – как раз и заключены

десятки (а у кого и сотни, и тысячи) возникающих жертв; и каждый должен периодически выступать в роли агнца на заклание – чтобы только искупить вину – и оправдать возможность продолжения жизни.

Те же, для кого это оказывается не под силу – обрекают себя почти на еще большее страдание. Ибо узки ворота в рай. И не каждый войдет в них. А лишь только избранные... Те, которые тоже, что-то дали взамен...

15.08.84.

Наверное покажется удивительным, но я в какой-то мере испытываю огромное чувство вины – за то, что не вел себя в детстве как-то иначе. Вполне можно даже сказать, что именно с позиции прожитых лет (пройденного времени) я с удивлением нахожу, что почти все надо было делать по-другому. Вот ведь... память... Быть может и не было бы сейчас причин для тревоги (или она выразалась бы совсем в ином), если бы только... если бы только я не помнил всего того, что вспомнить – пришлось.

Почти нисколько не хочется совсем уж погружаться в детские воспоминания. Как бы то ни было, но права на анализ их я, наверное, никакого и не имею. Уже хотя бы потому, что, во-первых, был достаточно мал (а сейчас я говорю где-то о первых десяти годах жизни); а во-вторых – и того, что произошло позже – достаточно, чтобы иной раз бить настоящую тревогу. Тревогу за все то свинство, что таилось в моей душе. И что у меня с такой настойчивостью вырывалось наружу. Вернее – то, что пропускал я. Пропускал через свою цензуру. Ту, что уже позже – совсем не допускала подобных оплошностей.

Мог ли я рассчитывать на что-нибудь другое?.. Надеялся ли, что все, быть может, исчезнет как-то само собой?.. Наверное – нет. Ну, или – почти нет. По крайней мере – я всячески и стремился и был заинтересован, чтобы ничего такого больше не случилось.

Но и всего того, что уже было – вполне хватало, чтобы испытывать сейчас самое глубокое раскаяние. Раскаяние – как в уже свершенных поступках, так и тех, что, быть может, мне тогда еще только требовалось совершить.

Иными словами, я был весь как на ладони. У самого себя. И именно перед самим собой, перед этим достаточно призрачным (но существующим) судом присяжных – я в полной мере испытывал то чувство вины, которое приводило меня к раскаянию. И к осознанию того, что почти вся прошлая жизнь состояла из одних лишь ошибок. Ошибок, которые не так-то просто исправить. А уже – и вовсе невозможно.

Из тех слов и поступков, в коих сейчас так хочется признаться – пожалуй, на первый взгляд выходит одна общая направленность, так или иначе вбирающая в себя множество всего остального. И, пожалуй, это именно то, в чем я мог раскаиваться и уже в самом раннем детстве, и в юности, и вполне (к сожалению) эта самая черта неискоренима – и в моей взрослой жизни.

Речь идет о столь отвратительном качестве – как предательство. Причем предательство именно в каком-то специфическом ключе. И выражалось оно именно в том, что я почти всегда на первое место ставил других, отдаленных мне людей – нежели самых ближайших родственников.

Можно даже сказать (или признаться... признаться...), что в первую очередь я подсознательно пользовался советом, данным мне кем-то посторонним (инстинктивно ставя этого человека выше в какой-то иерархии), чем, например, моим отцом или матерью.

Почему так выходило, что я видел в них врага? Ну, если не совсем врага – то, по крайней мере – никак не союзника. Считаю почти что долгом – выслушать их, - а сделать – противоположное. Вот ведь как... И даже не помню, чтобы я чувствовал до сего момента какое раскаяние. Словно это все было само собой. Причем оно настолько вошло в мои плоть и кровь, что я уже поступал так - не задумываясь. Главное, чтобы было все как-то наоборот. Иначе. Вот ведь... каков подлец...

Однако, было бы, вероятно, слишком просто, если бы на осознании этого факта я бы и остановился. Я просто обязан был докопаться до первопричин такого вот поведения. По крайней мере – дабы обезопасить себя в последующем. Ну, или, например, дать возможность (на своем примере) прочувствовать весь кипучий негатив моих поступков – чтобы уже кто-то другой не совершил чего-то подобного.

И вот, сколько я ни раздумывал, все время мне почему-то виделась только одна причина: излишняя авторитарность родителей. Причем, наверное, даже в большей мере – именно матери. Вероятно, отец достаточно накамандывался и на работе. По крайней мере, дома – он хотел только тишины. И достаточно лояльно относился – если кто не хотел исполнять то, что он просил. Просил – а не приказывал. То есть, другими словами, именно стремление избежать своей деспотичной матери – толкало меня к своего рода протесту. Протесту к подчинению. И видимо лишь только став постарше – я уже мог себе позволить проявлять «непонимание», нисколько не собираясь ей подчиняться. А то и делая – абсолютно назло. Иначе, чем хотела она.

Кстати, видимо уже с тех пор и пошло, что я нисколько не терпел к себе достаточно строгого отношения.

Испытывая некое даже благоговение перед какой-либо формой строгости, я, тем не менее, не переносил, если это каким-то образом оказывалось повернуто против меня. Должно быть, как-то окружающие это чувствовали, а потому ничего подобного я никогда и не ощущал (в полной, так

сказать, мере). Ну а если что-либо и было – то моментально рвал с подобным человеком всяческие отношения. Зачем? Зачем мне было терпеть излишнюю нагрузку на собственную психику из-за него? (Тем более придурков хватает и так. И расставшись с одним – вы несколько не можете быть уверенными, что тут же вам не попадется еще один. А потом еще и еще.)

Однако, подобные мои выводы как бы служат и самооправданием самому себе. Но так ли это было на самом деле? Действительно ли я был настолько невинен, что, оправдываясь, с легкостью отбиваю подачу в сторону подававшего. Обрекая именно его на те мучения, которые он испытывал и так. Вследствие именно моего отношения.

Но я, наверное, и не мог уже поступать как-то иначе.

02.09.84.

В своем обличении виноватых я каким-то образом совсем упускал из виду собственную виновность. Которая верно существовала. И отношение к которой же, по всей видимости, должно было быть достаточно серьезным, чтобы можно было спустить дело на тормозах. А то и вовсе – забыть.

Однако, когда я говорю о своих молодых (тогда еще) родителях, и совсем уж юном себе – я каким-то загадочным образом умалчиваю о тех ощущениях, которые в то время должен был испытывать я.

И ведь нельзя было сказать, чтобы я совсем ничего не помнил.

Помнил.

Иной раз – еще как помнил.

Тем более что, бывало, мои мысли, чуть ли не двадцатилетней (а то и двадцатипятилетней) давности, словно заново рождались в моей нынешней голове. И я каким-то таинственным образом погружался в детство; заново испытывая (и переживая) то, что произошло когда-то.

И не сказать, что мне было совсем неприятно. Совсем даже нет. Окунуться, почти что с головой в детство, это всегда прекрасно. По крайней мере, для меня.

И тогда весь вопрос был лишь в том, чтобы постараться извлечь из подобного опыта какую, например, максимальную пользу.

Ну и еще, совсем уж нехорошие моменты: попытаться как бы исправить (хотя бы мысленно завуалировать) ту причину, которая вызывала дополнительную природу беспокойства. Попытавшись, например, обратить это против себя. Против себя того, прежнего. Ну и почти наверняка – для себя же: нынешнего. Вот в этом и могла заключаться задача погружения в детство. Погружения достаточно сознательного. Погружения, которого, в общем-то, могло и не быть. Не

обладай я соответствующей памятью. Да, быть может, не рождаясь в моей голове какие новые мысли; так или иначе – служащие (провоцирующие) возвращение к прошлому.

А что до того, хотел ли я этого сам? Да конечно хотел. Иначе, быть может, в моей психике включилась бы мощнейшая заградительная сила сопротивления. Которая бы наверняка – или мешала бы вспомнить все в достаточных подробностях, или всяческим образом искажала бы вспоминаемое. А так... А так я мог быть в относительном спокойствии. (Правда, спокойствие это было достаточно призрачным...).

11.09.85.

Несмотря на суматошно пронесившееся время, я как-то подспудно начинал догадываться о некоей, если можно так выразиться, спиралеобразной суматошности уходящего (и почти также возвращающегося) мгновения. У меня почти нисколько не оставалось никакого желания вернуть то, что было когда-то. С недавних пор я стал странным образом этого бояться. И притом что иной раз – словно вспышка неведомого доселе озарения – мне уже виделось совсем даже иное. И как раз хотелось вернуться обратно, чтобы, быть может, заново начать свой путь.

Но,- если бы так такое было возможно...

Я в нерешительности смотрю на старые фотографии. Что я из себя представлял тогда? Неужели кто-то всерьез мог меня воспринимать? Да мне, наверное, так никогда и не казалось. И вот на фоне общей забитости и подавленности (которые готовы были просочиться сквозь снимок), я вдруг угадывал то, что, быть может, думал тогда.

Удивительно (а удивительно в том, что это, должно быть, никто и не подозревал), но я всегда ощущал внутренний страх. Страх, который я (по детски) стремился маскировать излишней занятостью. Показным равнодушием. Быть может, иной раз, строгостью да серьезностью.

И ведь на самом деле – ничего такого и не было. Я никогда не был по-настоящему серьезен. И в душе, должно быть, был настоящий весельчак. Но так уже случилось, что тот образ, которым я в вынужденной мере вдруг решил подменить себя настоящего, также вдруг, прижился. И с тех пор это новое, каким-то образом вытеснило бывшее. Вроде как - и когда-то настоящее. И теперь я смирился. Смирился с тем, что имею сейчас.

И все же, если на самом деле попытаться оттолкнуться от современности, то, признаться, мне намного и ближе и приятнее – именно то, другое время. И пусть я не до конца все понимал. Вполне возможно, что этого и не было так. Ну, или было – не совсем так.

И именно тогда, за, казалось, существующей в призрачном тумане действительностью, я начинал различать те мгновения, благодаря которым быть может я и благодарен прошлому. Из-за

которых во мне проявились как раз те задатки, с помощью которых я способен выживать сейчас. И наверное, как раз тогда, самым ненавязчивым образом заполнялось (нужной... действительно нужной...) информацией мое подсознание. То есть как раз то, что впоследствии способно будет управлять. Моим поведением вообще. Направляя (и разруливая) суть совершаемых поступков.

И уже тогда. Неужели у меня должно быть что-то меньше по отношению к своему детству, чем благодарность?

Не думаю...

Но вот что кажется действительно странным, то почему, при всем моем стремлении к размышлениям (которым я предавался всегда и подолгу), я так и не смог не совершать ошибок, которые совершал и совершал в бесчисленных количествах. Быть может это было, своего рода, карой, расплатой за что-то? Быть может - так действительно было запрограммировано? И если рассудить, что все наши деяния – суть управления каким-то иным разумом - то тогда, в какой-то мере, это все и объясняется.

Однако, если отбросить излишне теологический настрой и учесть, что во всем повинны мы сами, то тогда выходит совсем даже иначе. А именно – что я сам во всем и виноват. И виновность эта – именно расплата за мои прегрешения. Мое непонимание ситуации. То есть вполне тогда можно сказать, что я недопонимал всего того, что столь коварным и провокаторским образом вставало у меня на пути. И за стремлением избежать всего того, что было как раз и проявлением страха и трусости. Трусости да страха.

Но неужели это было? Не есть ли все это на самом деле лишь стремление наказать самого себя? Считаю себя же повинным в совсем не существующих делах. И еще более – в мыслях. В мыслях, которые наверняка и не были тогда таковыми. А то, что видятся такими сейчас – всего лишь ошибка. Искусственная ошибка. Ошибка, которой вы природе на самом деле не существует.

Но поистине серьезная загадка заключена в том, что я никаким даже самым надлежащим образом и не способен буду оценить правдивость или призрачную иллюзорность собственных воспоминаний. Ведь действительно, вполне может быть, что ничего даже схожего и ни когда не существовало на самом деле. А стремление ко всем подобным воспоминаниям – не иначе как попытка обличить самого себя. Заставить воистину содрогаться от прошлого, которого в действительности и не было. Вот ведь как...

20.09.84.

Будучи совсем маленьким мальчиком, я, помнится, любил бывать в деревне.

Как я уже говорил, родители моей матери – Тихон Анатольевич, мой дед, и Роза Израилевна (бабка) жили в деревне. И насколько я могу судить, насколько не желали ее покидать. Хотя, мне почему-то всегда казалось (даже тогда, в мои юные годы), что их подобное местожительство – было сродни какой-то вынужденной мере. Ну, по крайней мере, на мой взгляд, они насколько не вписывались в систему деревенского бытия. Нисколько и не напоминая сельских жителей.

Впрочем, до моих зрелых лет (когда я вправе был начать делать более здравые рассуждения) они не дожили. И потому какие-либо воспоминания о них – базируются почти исключительно на тех юношеских (а то скорее и детских) ощущениях, которым по большому счету и нельзя доверять. Всерьез.

Но уже как бы то ни было, у меня были только эти воспоминания. Причем сохранились они в удивительной последовательности (начало коим было положено моим первым посещением бабки с дедом и заканчивались их похоронами).

Роза Израилевна была высокая, статная женщина; по-моему – с русыми волосами, мясистыми чертами лица, уверенной походкой – и достаточно громким (если не громогласным) голосом.

Насколько мне кажется, она должна была быть властной женщиной. И помимо моей матери – у нее было еще пять (или шесть) детей. Но они все погибли. Или были сосланы (немцами) на работу в Германию. Что, с учетом их национальности, было равносильно гибели.

Не знаю, как выжила моя мать. Да и сама бабка. Семейная легенда гласит, что немцы их (почему-то?) не тронули. Но мне кажется, что они просто прятались (хотя почему тогда это не удалось другим членам семьи?).

И почти такой же загадкой было то, что об этом периоде жизни мне никто не рассказывал. Впрочем, наверное, не только мне.

Что до деда, то он отчего-то был почти полной противоположностью жены. Хотя почти такой же высокий – но худой, возможно наивный, - и добродушный. И сейчас мне немного удивительно, как он занимал столь высокий пост: председателя колхоза. (Но быть может он на работе преображался?). Хотя таким, как его помню я – очень вежливый, интеллигентный человек. (Совсем недавно открылось – и это было для меня откровением – что мой дед по матери был из семьи крупных золотодобытчиков. Свои рудники, прииски, сотни рабочих – и, казалось, солидный капитал – способен был открыть дорогу в высший свет не одному поколению Соврасовых. Но в результате Октябрьского Переворота – революции 1917 года - все оказалось потерянным. Его отец с

дедом бежали за границу, и каким-то таинственным образом погибли в пути – а его, тогда еще мальчишку, приютила какая-то дальняя родственница. Однако вскоре что-то произошло и с ней. Но Тихон – выжил. И каким-то образом оказался в деревне. А потом еще и успел занять столь высокий пост).

Поистине удивительно и забавно, что мои впечатления о деревне заметно разнятся друг от друга. Те, которые были тогда, в самом детстве,-- от тех, что появились уже после. А тем более, сейчас. Когда почти независимо ни от чего – все видишь исключительно в красочных тонах. А сами воспоминания превращаются в ту добрую и хорошую ностальгию, к которой хочется все время возвращаться. И очень боишься ее потерять.

Тогда мне казалось, что бабка и дед – источают одно лишь зло. Мне абсолютно не хотелось у них даже задерживаться, а меня почти насильно оставляли. Я корил судьбу. Ругал родителей. Почти что молился (не зная тогда толком, что это такое), чтобы меня забрали. Непременно забрали домой. Обещая какому-то невидимому властителю душ, что непременно и обязательно буду исключительно послушным мальчиком. И, верно, готов был принять любые условия. Если бы мне предложили – вернуть меня к родителям. (Насколько сейчас помню, те... месяц?.. два?.. что родители оставляли меня в деревне – казались мне самым страшным, что тогда могло быть в моей жизни.)

И вот насколько любопытны впечатления, которые на меня оказывает деревня сейчас. Исключительно городской житель, я склонен чуть ли не обожествлять и деревню, и ту жизнь, которая была у меня тогда.

Почти по крупицам выхватывая отдельные (вспомнившиеся) моменты, я восстанавливаю для себя воспоминания тех лет. И если мне удастся вспомнить – буквально согревается сердце. И появляется ощущение настоящего счастья. Счастья, когда отбрасываются (купируются) любые причины любых беспокойств и волнений, и чувствуешь, словно ты воспаряешь. И готов совершенно спокойно отнестись к любой беде. Несчастной новости. А любая счастливая вещь – лишь многократно усиливает ощущение счастья. И тогда... тогда тебе уже не хочется ни о чем думать. Ты как будто переходишь в другой мир. Вернее – в иное измерение (того же самого мира). И ты действительно – впервые – совсем не думаешь ни о чем. Но вот долго ли это будет продолжаться?..

Как всегда – наступает возвращение. Возвращение, которого ты совсем не ждешь. И отбрасываешь всякие мысли по этому поводу. Тебе – хорошо...

Так пусть так и продолжается.

01.10.84.

Я долго жил в неправильных, ошибочных образах. Вернее – в одном. Образе, маске, которую я почему-то водрузил на себя. Посчитав что именно с ней (благодаря ей) буду если не так счастлив, то, по крайней мере, смогу выжить. А то и безболезненно прожить жизнь.

Как же я ошибался. Пожалуй, это было моей самой важной (в жизни) ошибкой. Ошибкой, за которую приходилось постоянно расплачиваться. Причем сам размер платы – никогда толком не был установлен (а тем более – оговорен). И я терпел страдания, которые, как оказалось, предназначались совсем даже не мне.

И в чем я был повинен?.. В том, что сделал всего лишь одну ошибку – и она потянула за собой все остальные. А я вместо того, чтобы остановиться (и сделать шаг назад) – вступал в ненужную битву. Каждый раз терпя очередное поражение. И в какой-то момент – смирился, рассчитывая только выживать; а не жить.

Поистине это было моей ошибкой. Поистине было еще большей ошибкой не заметить это. Не заметить... Но вот заметил, разглядел, осознал я ее сейчас. И как думается, это будет сродни настоящему искуплению. И избавлению от былого.

От былой - памяти. От былых – страданий.

Вернее – и саму память и сами страдания – теперь следует повернуть иной стороной. И вслед за показываемой все время изнанкой – стоит продемонстрировать и иное, *истинное* положение дел. То, какое должно быть на само деле. То – ради которого и стоило, собственно, стремиться жить дальше. И удивительно, как поздно явилось мне осознание проблемы. Но еще более удивительно то, что оно все же явилось мне. Тогда как, вполне ничего могло этого и не быть. И вслед за (непрекращающимися) страданиями – наступил бы на самом деле финал. Тот самый финал, который желала таинственно явившаяся мне маска. Тот самый финал, который был итоговым знаменателем «выдуманного» образа. Образа, в который я вошел. И образа, от которого сейчас я спешу всячески откеститься. Понимая, к чему он мог привести меня.

И заключалось то мое избавление – в достаточно простом факте. Точнее, в осознании его. Потому как внезапно я понял, что незачем страдать. Незачем пытаться принизить свою значимость. Всячески свести ее на нет. Казаться ниже, чем был на самом деле.

Это действительно легкий путь. Простакон значит легче быть. Но вот главная ошибка, что так кажется лишь на первый (и второй, и третий) раз. А на самом деле, когда подобный образ

намертво врывается в вас – в итоге он приносит намного больше бед (и несчастий, и страданий), чем, быть может, было бы на самом деле. И уже тут важно не только найти ошибку (что уже означает подступавшее исцеление), но и заставить себя – исправить ее! Чтобы не было *мучительно больно за прожитые годы...*

И я на самом деле задал себе вопрос – почему?

Почему я должен стараться подстраиваться под людей, стремясь сделать больно себе – дабы им только было приятно?!

Зачем, к чему эти жертвы?!

Можно значительно меньше прожить – но прожить гордо и в свое удовольствие, чем быть вечно загнанным зверем, стремясь к вечной жизни. Той жизни, которой совсем и никогда не будет.

И вот как раз это и есть наипервейшая (и вообще – основная) ошибка. Ошибка, с которой начались все страдания. Ошибка, которая вызвала их. Ошибка, которая, казалось, закралась навечно. И поистине удивительно: как ее я обнаружил. Ибо это было настоящее просветление. И как вспышка – явился мне нужный ответ. Да даже не такой уж и нужный (хотя бы потому, что я уже перестал задумываться о том), а правильный. Правильный ответ. Тот самый ответ, который привел меня к осознанию тайны. К разгадке ее. И к тому чудесному исцелению, в котором я наверняка нуждался.

А ведь могло ничего подобного и не произойти...

02.10.84.

А ведь ничего такого и не произошло. Как ничего, что предшествовало бы произошедшему. Но почему-то я уже начинал жить с ощущением постижения, начала постижения бытия. Земного бытия. И у меня в руках оказалась козырная карта. Дававшая мне возможность (теперь) изменить жизнь. Перетасовать колоду, и (уже вследствие этого?) изменить жизнь.

Ну, или, по крайней мере, заставить себя теперь так реагировать на былые обстоятельства. По-иному воспринимать их. И уже совсем другого - ожидать от жизни. От дальнейшей жизни. Причем (почти что впервые с давних лет) мне хотелось, чтобы жизнь продолжалась. У меня исчез страх. Именно тот страх, который почти всегда находясь исключительно в глубине души – парализовал мои мысли, идеи, желания, невероятным образом трансформируя и искажая их, и перенаправляя по какому-то иному и изначально ложному пути.

И вот сейчас как будто мне удалось от него избавиться.

Страх рождал беспокойство. Провоцировал на дальнейший конфликт со своим «Я». Совсем не стремился исчезнуть. (Впрочем, можно ли мне было желать этого от него?). Если разобраться, то

я каким-то незаметным образом провоцировал, а то и даже способствовал зарождению его. И даже когда он, страх, уже начинал облекать мою плоть, закрадываясь в душу и проникая в разум, я дал ему возможность сделать это. Не обратил внимания. Не придавал значения. И отчего-то мне всегда казалось, что я вполне контролирую ситуацию.

Ложное чувство. Коварная уверенность безумца. Что должно было произойти, дабы я понял, что ошибаюсь. Ошибаюсь сейчас, также, как ошибался раньше.

Почти на этих самых ошибках держится мир.

Потому как пока в нем будут люди, с легкостью допускающие ошибки, до тех самых пор и будет существовать вселенная. Иначе – если все будут совершенными – к чему тогда дальше жить. К чему дальнейшее развитие, стремление к нему, если оно не направлено будет на недопущение последующих ошибок. Ведь стоит только даже большинству стать идеальными (людьми), и почти наверняка уже замедлится развитие цивилизации. Будущее делают неудачники. Стремящиеся всеми силами перейти в когорту счастливицков. Тех, про которых говорят, что у них жизнь удалась. И бывшие неудачники – всяческими усилиями стремятся сотворить чудо, дабы только сбросить крест. Завещанный им, быть может, самой судьбой.

Но вот в том дело, что я всегда старался проникнуть в самую суть проблемы. И ведь как хорошо – докопаться до первоисточника. Той причины, от которой, быть может, все и произошло. Но уже насколько я пытался и в этом моем случае доискаться правды – почти настолько же я позже стремился и откеститься от нее. Такая правда мне была не нужна. Но ведь это почти не означало, что я на самом деле ее боялся. Совсем даже и нет. Или почти – нет. Но тогда за моим стремлением достичь какого-то оптимального решения, таилось достаточно сильное (и, к сожалению, неуправляемое) внутреннее сопротивление. Сопротивление, словно железными тисками блоки блокирующее мои желания. И стремления к каким-либо изменениям.

Впрочем, мне, вероятно, остается корить самого себя. Хотя это и достаточно однобокий подход. Тогда как на самом деле, по большому счету уже не желая сам – я тем не менее подчинялся воле другой силы. Силы, заключающейся глубоко внутри меня. А быть может, что вернее, это я заключался внутри нее. Потому как почти нежелательно для меня было *ослушиваться* «пожеланий» (ненавязчиво раздающихся внутри), потому как все равно, даже если так и происходило, я через какое-то время должен был удостовериться в каком-либо знаменнии, так или иначе подтверждающим теории опасности непослушания.

Но как же мне было тяжело внутри. И я всяческим (до неузнаваемости завуалированным) образом стремился перечеркнуть устоявшееся господство. И уже в следующий миг (а измерения в мыслях и реалиях совсем иные) наслаждался внезапной свободой.

Или наоборот – раскаивался за желание ее.

Как я уже говорил, я жил образами. Образами, как будто бессознательно подбиравшимися мне (кем?). И именно эти образы – я должен был «благодарить», в принципе, за все, что происходило. Со мной. С моим участием. Там, где появляется Эго. И там, где меня не было. И настолько прочно я свыкся с подобранными (кем? когда?) мне образом, что никогда (быть может только поначалу) не возникало и мысли, что следовало что-то менять.

Да и зачем? Но – неужели меня все устраивало?

Когда подошел период, во время которого я уже мог пытаться (вернее – позволить себе) задумываться над происходящим (период, должно быть, после 10-12 лет), я как будто незаметно для себя открывал вещи, на которые, иной раз, и не обращал внимание. Даже не считая: не заслуживающими внимания – а попросту не замечаемыми.

Но вот теперь (в том моем периоде взросления) все изменилось. Точнее – изменился я сам. И вслед за этим – стала намечаться (пока только намечаться) перспектива каких-либо изменений.

Но вот в чем они могли заключаться?..

Прежде всего – я получил право на прислушивание людей к каким-либо моим собственным выводам да суждениям. И это самым значимым образом повысило мою самооценку. Позволив не закрывать глаза (вынужденно создавая искренний рассеянный вид) на многие как поступки, так и ситуации, возникающие в доме. (Если гипотетические границы мной выдуманного дома расширить, превратив – для иного восприятия – в образ единственного оставшегося жития; жития в социуме).

Но мне нисколько не становилось легко. Сейчас понимаю, что мне в какой-то мере удалось отсрочить наступление того, что должно было случиться. И даже в силу произошедших (уже значительно позже) обстоятельств, я тем не менее иной раз задумывался: а стоило быть раньше так, а не иначе, и совсем бы развивался по-другому. Вернее – мой мозг, тогда бы совсем мне не принадлежал. И вполне могло... Но вот что подумалось мне внезапно (перебивая сумасшедшие мысли). Ведь, по всей видимости, тогда бы нисколько нельзя было быть уверенным, что когда-либо хоть что-то произошло. Ибо почти наверняка, события приняли бы совсем иной оборот. И быть может не было бы даже никакой остановки в пути, чтобы не то чтобы перевести дух, а даже задуматься над тем, что происходит.

Зато сколько было размышлений у меня, тогда только открывавшего для себя жизнь. Со временем у меня сформировалось какое-то мнение относительно происходящего вокруг меня. И верно, что меня на самом деле пугало: непонимание этого самого окружающего мира. Мне отчего-то хотелось делать иначе, чем, как я догадывался, то требовали правила поведения. Мой разум

противился навязываемому мышлению, а сознание нисколько не желало замечать лишь только один мир. Вернее, лишь только одно измерение этого самого (действительно одного) мира. И насколько могу судить я, мне всегда хотелось вырваться за границы «обязательного» (распланированного, реального) бытия. И всегда хотелось выйти за границы этого. Потому как, и тогда и сейчас, я замечал, что мир старается предстать перед нами всего лишь в одном ракурсе измерения. Тогда как на самом деле – мир меняется. Заметно отличаясь – в зависимости от того, под каким углом мы его примчимся рассматривать.

И ведь мне почти никогда не хотелось действительной правды. (Тем более что никто никогда бы и не смог доказать что правда одна). И, верно, больше нравилось находиться в потоке множества рождающихся иллюзий. И как-то незаметно (и непреднамеренно, но на самом деле – почти что вынуждено) отдаляться от навязываемого мне восприятия действительности.

И как-то незаметно стало получаться так, что я все больше отдалялся от других. Для меня легче находиться наедине с самим собой, чем подстраиваться под чужое мнение. И конечно же я нисколько и не мог как-то переживать из-за этого.

И уже как я понял позже – моя почти постоянная погруженность вглубь себя – самым скорейшим образом и сформировала меня. И в итоге я – это был уже не совсем я. И что уж наверняка – совсем иной, чем мог получиться бы, следуя (абсолютно ошибочным) советам взрослых, искусственно ломая и перестраивая свою природу.

И уже не знаю, кому я должен был действительно благодарен. Ведь так получилось, что я интуитивно выбрал верный путь. И должно было пройти много лет, прежде чем для всех стало понятно, что мой путь действительно верный.

Но почему должны были пройти годы? И вот тут – появлялись первые противоречия. Или то, что вполне могло сойти за них. Ведь по одному из них – судьба давно должна была заметить меня. А значит – принять более действенные меры к реальному спасению.

Тогда как по-другому – все именно так и должно было происходить. А все возникающие трудности – вполне могли обосновываться необходимостью закалить саму природу.

И быть может вполне могли родиться какие еще суждения. Но мне с недавних пор совсем не хотелось в этом во всем разбираться. Потому как мы почти не говорим о каком-то «избранничестве». А всего лишь о попытке разобраться в самом себе. Заключив, почему, так как было – произошло сейчас, а не раньше. Раньше – а не сейчас.

И самая главная задача (а равно и решение ее) будет заключаться в попытке (лишь только попытке) приближения к разрешению тайны бытия. И стремление доискаться глубин правды – в желании ответа на вопрос: почему все же произошло так, а не иначе.

И тогда именно мое творчество – было своего рода искуплением за все. И посредством этого самого творчества я стремился передать мучившие меня страдания. Те самые страдания, которым подвергался на протяжении почти всех лет. Ибо рождали эти самые страдания поистине настоящие душевные травмы. А значит – и должны были наметиться какие-то пути исцеления.

И для меня долго оставалось загадкой – отчего я всяческими силами отрещивался от и так – предназначенного мне. Стремясь довести себя до начала покаяния. Для того, чтобы затем – стараться избегать уже его.

И незаметно для себя – я начинал открывать что-то новое. Любопытное и неизведанное. И вот за этой самой *неизведанностью* – по всей видимости, и скрывалось истинное положение дел.

И я должен быть благодарен – на самом деле благодарен – тому, что мне все же открылась правда. Правда, которую я так стремился избегать. И ту самую правду, без которой было и невыносимо мое дальнейшее существование. А значит... значит это было тоже, в какой-то мере предначертано самой природой. Или, если пожелаете. Судьбой. (Хотя если до конца верить в судьбу – можно забрести в беспросветные бредни...).

04.10.84.

Порой доходило до абсурдной нелепости – я сопротивлялся улучшению своего состояния. Мне отчего-то казалось, что я должен жить значительно хуже, чем то, что было мне предначертано.

И почти целенаправленно (интуитивно угадывая верное направление), я убегал от него. Тем самым как бы наказывая себя же, и получая взамен всего лишь толику, малую часть, положенного. Но оставался доволен.

Почему? Откуда это стремление к ненужным страданиям? Отчего сразу не получить всего, чтобы потом добиться еще большего?

Разве был в этом какой смысл? Или мне тогда на самом деле казалось, что в этом был смысл? Но какой?

Сейчас я понимаю абсурдность ситуации, и у меня уже совсем ничего не появляется, как только сожаления. Сожаления от того, что происходило все так, а не иначе. Сожаления, за почти безумно проживаемые годы. Ведь насколько это может показаться странным, мои (излишние) философские размышления на каком-то этапе стали играть обратную роль. И я внезапно начинал удаляться -- вместо иного – от поставленных целей. Источая силы на разрешение совсем ненужных (и почти что несуществующих) задач. А то истинное, ради которого следовало вообще загружать свой мозг – самым неожиданным образом удалялось от меня.

А я – и нисколько не догадывался о том.

И уже насколько сейчас застрахован я от не повторения собственных ошибок? В какой степени мне сейчас кажется, что я способен избегать прошлого. Прошлого, которое таким таинственным образом всплывает в моих воспоминаниях. И вслед за рождающейся ностальгией – рождается вопрос: правильно ли я использую его? Действительно ли я уже извлек из него все самое ценное? Правильно ли расставил акценты? Или все это тоже – лишь еще один взгляд на несуществующее положение дел. И на самом деле – я иду по какому-то ложному пути. Не способный отличить зерна от плевел.

Насколько я себя обезопасил от всего этого? Наверное, покажет только время. Время, которое, как мне кажется, теперь исключительно за меня.

Но как оно на самом деле?..

Часть 7

01.11.84.

И я почти не знал – что нужно было делать на самом деле. Но даже если бы и знал – то сомневаюсь: что мог бы этим воспользоваться.

Все игры в детские воспоминания, самым незадачливым образом становились похожи на нечто бутафорское. По крайней мере, я почти не мог быть уверен, что наступит какой-то положительный результат.

Сейчас меня захлестывало настоящее безумие. В попытку избежать наступления его – поверил я сам. Но быть может потому и так усиленно сопротивлялся.

Почти все, что я когда-то запланировал в жизни – получилось. Но осознание этого стало возможным лишь в ином, измененном состоянии сознания. Там, где мне почему-то действительно все удавалось. Тогда как стоило только заикнуться (мысленно... мысленно...), стремясь перенаправить все это в иную (вероятно, более очевидную) плоскость – и я заранее мог предсказать результат. Непреднамеренный, но каким-то неведомым мне образом – изначально запланированный.

И я уже не мог ни на что надеяться. Также как и почти совсем перестал испытывать покой.

Я забыл, что это за состояние. Я перестал надеяться, что когда-нибудь наступит оно. Я потерял веру в то, что такое вообще когда-то бывает. Мой разум медленно разрушался. И если я мог попытаться уловить какое мгновение, когда не был охвачен безумием, то это почти лишь только были воспоминания.

Хотя с недавних пор я стал всерьез сомневаться, что это было именно так. Скорей всего – они (воспоминания) тоже оказывались вымышленными. Настолько же вымышленными, как и вся моя жизнь. Жизнь, состоящая лишь только из призрачных намеков, вымышленных ситуаций, несуществующих – и так никогда не реализованных – желаний. Все оказалось лишь одной иллюзией. Пусть и достаточно объемной, чтобы вместить в меня несуществующую жизнь.

Но когда мне кажется, что все на самом деле существует, стоит лишь одернуть себя. Ведь это обман. И я сам спровоцировал наступление его.

Но неужели было время, когда я мог всего этого избежать? Неужели был тот момент (вероятно ставший переломным), когда я еще мог переступить на другую сторону этого многогранника, именуемого жизнью. Или судьбой. И уже тогда, вероятно, все бы вышло совсем иначе. Совсем иначе, чем оказалось на самом деле. Но разве это тоже не признак безумия? Разве способны мы убежать от неожиданных заданий. Стремясь избежать изначально запланированных ошибочных ответов. Ведь если только попытаться принять ожидаемый ответ – разве не случится тогда все тоже самое, что случится все равно, но за значительно меньший срок? Однако, к чему бы не привели меня сейчас эти размышления, я почти наверняка уверен: что все равно бы никогда не принял «правильного» ответа. Насколько бы он не казался мне таковым. И вероятно именно в этом – заключается борьба. И даже не совсем простая борьба, а именно выживание. Выживание в том мире... Впрочем, к чему упоминание об этом. Откуда такая нелепая попытка, стремление переложить все на кого-то иного. Не лучше ли самолично принять расплату за все. Расплату, которая долго ко мне подбиралась. Расплату, которая была изначально запланирована. И ту самую расплату – наступление которой я все время отдалял.

14.11.84.

Однако, вот что любопытно. По мере возрастания моего стремления нащупать тот путь, который способен был вывести меня из безумия – я, можно сказать, и не желал этого. Ну или – почти не делал. То есть можно было сказать, что во мне назревал некий внутренний протест. Но за стремление к своего рода исцелению, – угадывалось не делание этого. Как будто мне нравилось находиться в этом состоянии. Состоянии искаженной реальности. И тогда любые попытки, были лишь обманом. Самого себя.

Однако, для того, чтобы понять, что мне действительно нужно, следовало разобраться в неких, если можно так выразиться, свойствах психики. Психического состояния. Иными словами, разобраться, что для меня на самом деле ближе. Принять мир – как некий реализм. И уже отсюда – попытаться изменить саму природу собственного естества. Или же принять за альтернативу некую

точку. Относительно которой – все, что мне оказывалось действительно близко, и было тем самым ирреальным, с существованием которого я вроде как и смирился (но сам факт возникновения попыток анализа – свидетельствовал, что не до конца).

Итак. На чем же следовало мне остановиться? И уже вслед напрашивающейся идее – каким-то образом объединить две полярности – мне пришла идея: все же выбрать что-то одно. По крайней мере – не вводя в заблуждение в том числе и себя.

И я понял, что мне не нужно бояться этой самой ирреальности. Ведь если разобраться, в этом и не было ничего такого уж страшного. Причем, на самом деле, в подобном состоянии находятся большинство людей большинство времени. Лишь быть может иногда (вынуждено) возвращаясь обратно. В социум. Да и то – ведут там столь странно, что, во-первых, ничего кроме недоумения это не вызывает. А во-вторых, становится понятно, что для них возвращение – не нужно. И они вполне могут находиться (все время) в том своем мире, который кто-то волен сравнивать с миром иллюзий. А кто-то – и с измененным состоянием сознания. (Самые смелые бы назвали – психопатологическое расстройство этого самого сознания). Но это на самом деле не важно. Ведь если что-то не понимает большинство, это не значит что следует подстраиваться под мнение этого большинства.

Справедливее признать, что просто это большинство ошибается.

12.11.84.

Но удивительно, что то, что некогда представало передо мной и казалось неразрешимую загадкой, на самом деле постепенно стало очерчиваться во что-то достаточно ясное для понимания. И я уже не был так далек от истины – как ранее. Правда сама истина казалась мне несколько искаженной. Но думается – так было лишь из-за того, что на самом деле ответ был близок и только. И я надеялся, когда наступит действительное понимание, тот все само и разрешится. Разум – успокоится. И я наконец-то нащупаю ту модель поведения, которая способна будет привести к дальнейшему пониманию. Пониманию действительности.

А то, что было сейчас – лишь нечто среднее между действительно пониманием – и стремлением к этому. Но я не прекращал своих попыток. Даже можно было сказать – что я всяческими (развиваемыми) усилиями стремился приблизить себя к заданному ориентиру.

И не хотелось верить, что он был ошибочным.

14.11.84.

Возвращаясь к своим записям, я заметил, что мне совсем не хочется перечитывать их. Материала хватит еще на много, и, по сути, значительное вкрапливание размышлений способно увеличить любой объем. Тем более что я, по сути, и не стремлюсь к нему.

Те редкие часы, когда отец оставлял работу и бывал со мной, он всегда мне казался неким волшебником. У него всегда все получалось. Ему были подвластны любые, возникающие у меня, желания. И стоило нам оказаться вдвоем на какое-то время – тотчас же машина (сопровождавшая отца) заполнялась игрушками. Любыми, какие только хотел я.

Отчего-то отец считал, что мне нельзя отказывать. А я, верно, каким-то образом почувствовав это – по малолетству пользовался.

Сейчас, став взрослым, понимаю, что своего рода подобная политика воспитания на самом деле ничего хорошего не дала. Ну, или почти – не дала. По крайней мере, мне пришлось самолично вносить срочные и настойчивые коррективы в собственное формирование себя как личности, потому как духовное начало, за счет излишних потаканий любым причудам и предоставлению самому себе, практически нисходило на нет. И за внешним благообразием – скрывалась поистине дьявольская натура.

Однако, это мне в какой-то мере удалось заглушить. Но стоило только сложиться каким-то обстоятельством, как тотчас же сидящее у меня внутри зло – проявлялось. И просачивалось наружу, принимая образы откровенной пародии на человечество. И вряд ли я до конца способен был контролировать ситуацию.

15.11.84.

В дни собственных самообвинений, я, казалось, не находил себе места. Для меня все становилось чуждым. Вызывало отвращение. И поистине, это еще было самое мягкое, что лезло мне в голову. А иной раз, там (в этой самой голове) начинался такой кавардак, что я не то что не знал что делать, а вообще, терялся полностью. И судя по тому, что я сейчас выработал к такому состоянию своеобразную модель поведения, можно судить о частоте возникновения.

Ну а модель поведения была относительно проста: стараться (в этот день) предпринимать меньше дел. А то и вовсе – исключить их. Ибо было известно все, что ни сделаю я, непременно заканчивалось поражением. Так или иначе – напрашивающимся провалом. И сколько не предпринял бы я усилий, направленных на противостояние случавшемуся – все оказывалось излишним. И абсолютно напрасным. (Быть может и выработалась модель поведения).

21.11.84.

И все же я начинал подозревать, что, собственно, мое нынешнее состояние – в какой – то мере закономерное.

Ну, например, человек, большую часть жизни проводящий погруженным куда-то вглубь себя – так или иначе, должен находить выход той психической энергии, которая накапливается в нем. В течение определенных жизненных этапов. И уже тогда – именно всплеск, выход энергии – проявляется как минимум в двух вариантах: или этот человек должен проявлять активность, в своего рода, коммуникативном контакте. Или же – в творческой деятельности.

Я выбрал второе. Или, вернее, именно мое творчество – стало своего рода спасением. Спасением, быть может, и от начинавшегося расстройства психики. Психического здоровья. Погружение в свое бессознательное.

И уже здесь следовало так или иначе вернуться к неким первоисточкам. То есть самым первым признакам погружения в бессознательное. Когда это началось? Да, вероятно, все в том же детстве. Приобретя более-менее осознанную форму в юношеские годы. И моя изоляция от других (которая, надо заметить, мне нравилась) – было той необходимой мерой, благодаря которой я вообще мог существовать.

Сейчас излишне гадать: что было бы, если бы я выбрал другой путь. Например, искусственно стал бы стремиться к общению. Мне кажется, ничего бы хорошего из этого не вышло. И в конечном итоге, в лучшем случае, привело бы к тому же стремлению к спасению в собственном творчестве, что было явственно заметно сейчас. В лучшем случае – я бы заглушил (и тем самым потерял бы) способность к творчеству. А взамен – быть может ничего бы и не приобрел. Превратив себя в самое натуральное подобие изгоя. (Причем больше всего я бы боялся самого себя).

Но поистине самое интересное, чему уже долго я не мог найти никакого объяснения, было мое (вынужденное) балансирование между двумя (чуть ли не кардинально противоположными) видами деятельности: интеллектуальным трудом, и физическими занятиями.

И уже здесь – почти наряду с явными противоречиями – стали проявляться и самые первые признаки намечающейся гармонии. Гармонии с самим собой (что мне всегда казалось самым значимым и желанным для любого индивида).

Однако, это на самом деле парадоксально. И поначалу вынужденное (почему вынужденное – объясню чуть позже) сочетание интеллектуальной и физической деятельности рождало цепочку самых настоящих сопротивлений психики. Причем, она не только всячески противилась этому, но и грозила «выстрелить» симптоматикой какого-нибудь заболевания. И быть может тогда – стало появляться то самое расстройство (психики), от которого я так стремился избавиться. Или же это расстройство намечалось раньше. И сейчас просто появился повод проявиться ему.

Ну уже как бы то ни было, я отчего-то решил не отступать. Тем самым попытавшись объединить в своей деятельности два начала. Два разноплановых вида деятельности.

И вот теперь, вероятно, подошло время разъяснить: в чем же заключалось (наметившееся) противостояние.

Ну, перво-наперво, в чем заключался мой физический труд?

Следует признаться, что сам по себе он и не был таким уж физическим. Но все же – именно таким и являлся. Так сказать – по сути.

После окончания школы (английской), я пошел не так, как предполагалось, в ВУЗ соответствующей направленности (дабы стать, например, переводчиком), а в армию. Придя после армии – все же поступил в институт. Но не на ту профессию, которую, как мне казалось, был просто обязан получить, дабы успокоить переставших что-либо понимать родственников, а на факультет электрификации сельского хозяйства. (Причем, почему я решил удовлетворить желание стать инженером – да и было ли на самом деле это желание – я не знал. Все словно бы произошло само собой).

Через год (аккурат после окончания второго семестра), я все же понял, что это – не мое. И поступил в другой ВУЗ. Теперь я стремился реализовать свое желание стать юристом. Однако, как видимо, юристом я становиться тоже не собирался. Поэтому, после получения диплома (ВУЗ я все же решил закончить) и получения звания лейтенанта – я (вот уж было поистине роковое и ничем не мотивированное решение) отправился служить дальше. Но дослужившись до капитана – все же ушел. Причем не куда-нибудь, а преподавателем в одну из Военных Академий. Причем преподавателем, как ни странно, физвоспитания. Ну, или, если быть точнее, общей физической подготовки.

А все дело в том, что когда-то (в мои юношеские годы) я занимался легкой атлетикой. Потом, как вроде бы, забросил (все-таки учиться мне нравилось больше, чем тренироваться), но дав себя уговорить (по моему на первом или втором курсе) выступить в чемпионате Союза среди студентов, я неожиданно для всех выполнил норматив мастера спорта. И после этого уже забросил спорт окончательно.

И вот теперь – мое удостоверение мастера спорта неожиданно пригодились.

Итак – я стал преподавателем спортивной кафедры военного вуза. Причем специфика заведения (а также сама направленность профессии) накладывала свой существенный отпечаток. Армия и спорт – это поистине те два якоря, которые способны утащить на дно не одну интеллектуальную личность (коей, как надеялся, я себя считал. Ибо с недавних пор – занялся сочинительством. Причем, вот ведь незадача, считая именно это своим основным видом деятельности).

В итоге – мне пришлось подстраивать одно под другое. До обеда – я развивал физические качества будущих офицеров. Оставшиеся полдня – приходил в себя. А ночью – сочинял.

И за небольшим исключением, подобный график сохранялся почти до недавнего времени (год назад я наконец-то получил возможность сосредоточиться только на собственном художественном творчестве).

Тогда же, когда мне приходилось все это совмещать... Ну, во-первых, я не думаю, что у меня был действительно какой-то выход. Я должен был подстраиваться под обстоятельства. Или подтаскивать обстоятельства – под себя.

А во-вторых... мне всегда казалось что за этой вынужденной мерой лежит нечто большее. Быть может вообще моя способность к выживанию. Потому как, чтобы я не делал, как бы я не стремился отделить одно от другого, вскоре я понял, что этого просто не следует делать. Необходимость физической занятости, так или иначе, способствовала интеллектуальной деятельности. И я уже знал наверняка, не будь у меня в тот период необходимости к ежедневному исполнению своих преподавательских функций – вряд ли в полной мере я бы смог заниматься и творчеством. Ибо почти непременно со временем оно бы загнало меня те непоправимые дебри подсознания, из которых было бы не так просто выбраться. Если вообще – оказалось бы возможным.

Ведь, по сути, мои утренние занятия – не иначе как проявление коммуникативного контакта. А (пусть даже и не совсем желанное) нахождение среди людей – позволяло поддерживать жизненный тонус. Способствовало тому, что я (опять же – вынужденно) заставлял дисциплинировать себя. Через силу делая те вещи, которые явно противоречили моему тогдашнему внутреннему состоянию.

Это был определенный период, когда мне было необходимо общаться. Как-то подавать себя.

И уже за этим – скрывалось вообще желание жизни. Хотя... было ли у меня такое желание?..

01.12.84.

Мне кажется, что когда я сойду с ума, то попаду в тот рай детства, образ которого все чаще вынуждает погружаться в свои воспоминания.

А иной раз, все выходит как-то само собой. И случайно услышанная музыка, какой-нибудь пойманный запах, внезапно вставшее перед глазами иллюзорное видение – возвращает меня в детство. Ну или даже лет на десять, пятнадцать, двадцать назад... Когда еще все было хорошо. Слишком хорошо. Замечательно... Но каким-то образом почему-то неосознавалось мной в тот период.

Действительно, почему? Почему я всячески стремился (в то время) от него откреститься, сбежать; как будто в будущем (то есть теперь выходит – сейчас) мне все виделось в значительно розовых – а значит и желанных цветах.

Но понять, что я ошибаюсь – оказалось возможным через то количество лет, через которое я хотел тогда перепрыгнуть...

Какой же это было ошибкой!.. Отчего я должен был так ошибаться?! Ошибаться настолько, что своим стремлением (к неизвестному) обижал тех людей, которые волей природы находились рядом. Моих родителей.

Но почему же никто из них не рассказал, не объяснил мне, что поначалу будущее кажется намного желаннее чем настоящее. А потом – мы раскаиваемся в этом. И стремимся погрузиться в прошлое. Именно прошлое (тогдашнее прошлое) было тем Рубиконом, что разделяло счастье – от (последующих) страданий. Именно в прошлое я желал теперь вернуться. Желал, казалось, больше всего на свете. И мне совсем было неинтересно, что будет в будущем. Да мне и быть может совсем не хотелось этого будущего. И было безразлично, ожидает ли там меня что-то хорошее. Я в это не верил. Не верил совсем. И даже если бы кто попытался меня переубедить в моем заблуждении – я не стал бы слушать того человека. Ведь для себя я уже сделал выводы. И уяснил одно: я сделал столько ошибок, что уже попросту недостойн желать, чтобы мне было хорошо. Чтобы стало лучше. Я должен принять страдания. Те страдания, которые причиняло мне мое настоящее. Это было своего рода искуплением. Искуплением – за собственное поведение. Искупление за то, что именно из-за меня близкие люди вынуждены были все время находиться на верху кратера вулкана. Вулкана, готовящегося извергнуть свою лаву. Коей – и были мои поступки. Бесчеловечные, по сути...

03.12.84.

Однако, сколько бы я ни пытался заниматься собственными самообвинениями, все это вряд ли на самом деле меня приближало к той цели, которая (хоть как-то) сформировалась в собственном понимании. Понимании собственной психики. И за стремлением выявить нечто такое, что способно было, выплыв из бессознательного, привести к каким-то ожидаемым результатам – угадывалось ожидание какой-то безысходности. Быть может той крайней точки, за которой уже было почти абсолютное безразличие. Но безразличие к чему?.. К собственному будущему? Или – неделание расстаться с прошлым?

С недавних пор для меня это оказалось действительно загадкой. Той загадкой, которая, как мне казалось, и не требовала каких-то доказательств. Точнее – нисколько не стремилась к ним.

Что до меня... то порой становилось грустно, что я до сих пор не смог добиться того, чтобы мои прежние состояния (все те страхи, тревожности, беспокойства) не возвращались.

Можно даже сказать, что я неким таинственным образом стремился от них избавиться. Избавиться, например, посредством своего творчества. Сублимировав на бумагу весь тот ужас, который скрывался внутри. В подсознании. И уже тогда – желание и этих, в том числе записей – не иначе как стремление избавиться от всего этого.

И еще. Сейчас я уже начинаю задумываться, насколько оправданным – ведение дневника. Тем более, что это и не дневник в привычном понимании. Эти записи – на мой взгляд, несут в себе несколько иную функцию. Это, если можно так сказать, исповедь. Исповедь человека, решившего разобраться, попытаться разобраться в самом себе. Во всем том кошмаре, который все больше и больше намеревается просочиться сквозь разомлевшую душу и затуманенное сознание. Быть может даже уже совсем поздно. И ничего нельзя поделать. А может – у меня еще есть возможность что-либо выправить. Ну, или хотя бы попытаться это сделать. По крайней мере, должно быть именно этим объясняется мое начало подобных записей. Тех записей, благодаря которым мне удастся запечатлеть собственные мысли. Мысли человека, работающего в данном случае, в одном ключе. В некоем симбиотическом единстве анализа и воспоминаний. И насколько мне это удастся, будет зависеть собственное исцеление. А значит писать – уже другие книги. По содержанию. И по разрешению наметившихся вопросов.

15.12.84.

Хаотичность некоторых записей, разумеется, связана лишь со сложностями воспоминаний. Разные образцы которых появляются, зачастую, независимо ни от чего. Иной раз, напоминая бессвязную цепочку каких-то предполагаемых полу-фактов. Но отличие от мемуаров, или какой-то излишней биографичности – как раз состоит в том, что на этих страницах я стремлюсь разобраться с тем, что происходит со мной. С моим душевным состоянием.

Причем мне совсем не хочется проявлять излишнюю тревогу. Но и пустить дело на самотек – я тоже не могу. Да и не хочу.

23.12.84.

Я почти не знаю, о чем писать. У меня внутри – самым невероятнейшим образом растет сопротивление. Внутреннее, душевное сопротивление – против каких бы то ни было воспоминаний.

Внезапно захотелось все оставить так как есть. Ничего не меняя. Но я уже знал – что это путь в никуда. Поэтому – попытаюсь продолжать и дальше. Но насколько мне это удастся...

Часть 8

01.01.85.

Вряд ли я когда собирался становиться тем, кем стал. Причем, верно это – во всех отношениях. И в профессиональных – даже о чем-то сродни писательскому труду я не мечтал. И в личных – не прими я каких срочных мер – получился бы из меня откровенный слабак и пьяница. Ни даже в тех образах, которые я с неизменным, как мне казалось, успехом пропускал через свое подсознание. Ну и сознание в том числе. Ведь может показаться забавным, но та маска, которую мы иногда надеваем на себя (а кое-кто ее бывает и не снимает, периодически заменяя другой) практически непременно зависит от нашего внутреннего состояния. А также от того содержания бессознательного нашей психики, кое, в конечном итоге, может заметно различаться даже у двух, до того казавшихся одинаковыми, людей. И если не совсем вдаваться в содержание (и, главным образом, формирование) бессознательного – то помимо так называемого опыта предшествующих поколений, опыта предков, коллективного бессознательного, или, если угодно, генетической памяти – наше подсознание формируется той информацией, которая была нами когда-то прочитана, увидена, услышана... И здесь нет никаких противоречий. Никакая информация не может быть потеряна. Даже если мы ее, как нам кажется, забыли. Мозг представляет собой самое надежное хранилище. Единственно – иногда теряются ключи...

Итак, мне требовалось разобраться, что же со мной происходит. Причем, вопрос становится более-менее актуальным – с неким заходом на будущее. То есть - что ждет меня в этом самом будущем?

Должно быть понятно, что меня несколько не интересует конкретика: что будет. Я всегда скептически относился к различного рода гаданиям, прорицаниям, предсказаниям... Мне всегда казалось, что это больше свойственно малообразованным людям. Или – бывшим интеллектуалам, которые в силу ряда причин (и жизненных обстоятельств) утрачивают былые способности к проявлению разумности. Притом что и сама «разумность» достается не всем.

Но уже как бы то ни было, меня интересовал только один вопрос: буду ли я в своем будущем обладать тем же интеллектуальным потенциалом, как и сейчас? (не говоря уже о том, что хотелось бы лучше).

И причины для беспокойства действительно были.

Причем к ним можно подобраться с разных сторон. Ну, например, жуткие явления психосоматического характера (на которые раньше я как будто бы и не обращал никакого внимания). Или – все чаще проявляющиеся случаи неврастении. А то и – психопатологии.

На всех позициях – пока была явно замечена лишь пограничная стадия симптоматики (намечавшегося) заболевания.

Но насколько я был способен не пропустить развитие болезни дальше?.. Тем более что в отдельных случаях – она явно того желала. И моя задача – заключалась в том, чтобы сдержать этот натиск. Этот ураган разрушавшихся иллюзий.

Ведь на кону стояло мое будущее. Которого у меня могло и не быть.

07.01.85.

И уже верно с каких-то непонятных пор (детство?.. юность?..) стала во мне накапливаться злость. Злость, ярость, агрессия – эти синонимичные понятия стали повсюду сопровождать меня. От них я не хотел избавляться. Но и с ними – становилось достаточно тяжело жить.

Вероятно, в какой-то мере я рассматривал проявление чего-то подобного – как верный признак способности к выживанию. К выживанию вообще: в плане существования, или лучше сказать – ... действительно выживанию?.. Ведь случалось так, что мне приходилось всерьез задумываться: не пора ли перешагнуть барьер и начать показывать оскал. Или до этого было еще рано?

В какой-то мере стоит признаться, что детские (да и юношеские) годы были сопряжены (помимо всего прочего) и одной действительно важной проблемой. И дело здесь было не в моей какой-то «забитости». Почти нет. Скорее причина заключалась (а к тому времени я уже успел в какой-то мере ознакомиться с той литературой по психоанализу, которую удалось для меня достать отцу), причина заключалась в том противоречии, которое накладывала на психику любого современного человека (а значит – и меня) цивилизация. Культура. И противоречия тут вырисовывались более чем явные. С одной стороны, я, сын ученого, химика, директора одного из секретных научно-исследовательских институтов, генерал-майора Петра Владиленовича Быстрицкого – явно должен был подпадать под стереотип этакого ботаника: неизменного отличника, боящегося собственной темы. (Что, по сути, и было). Но уже с другой стороны – я ведь мог и оказаться неким генетическим подобием одного из своих прапрадедов: в течение полуторядесятков лет наводившего страх на сибирских золотопромышленников, обиравших (со своей бандой) проезжих купцов – и в конце концов сгинувшего на каторге. (Правда, по другим сведениям, не доводя дело до должно быть неминуемой каторги, он успел сбежать за границу, где

даже открыл свой банк. Но в итоге все равно погиб. То ли застрелившись сам, то ли – будучи застреленным другим).

И каково тогда – если во мне проявились бы эти гены?.. Выдержал бы мой папаша подобной метаморфозы со своим затюканным сынком? Не застрелился бы сам? Или, быть может, как Иван Грозный?..

Что было гадать... Скажу сразу – я даже не дал повод для подобных размышлений своему отцу.

Хотя действительно вопрос – отчего, особенно в молодости, в период этак с 18-20 и до 27, а в какой-то мере и по сей день, на меня накатывали приступы настоящей агрессивности. Я становился невероятно раздражителен и зол. Ничто меня не устраивало. Подвергалось немедленной критике. Иной раз – это перемешивалось с каким-то необъяснимым отчаянием. Словно в одночасье рушились выстраиваемые иллюзии. И в будущем уже ничего не было.

А иногда наступала и вовсе тоска. Меланхолическое настроение не проходило, порой, неделями. Затягивалось на месяцы.

В поиске выхода из депрессивного состояния – я пробовал пить. Водка, вино, коньяк, пиво... Вскоре совсем не играло роль – что это было. Был важен сам конечный результат подобного действия. Но постепенно я внес в употребление алкоголя какие-то эстетические позиции. Например, я не очень любил смешивать (употребляя хоть за раз – в виде коктейлей, хоть последовательно в течение дня или ночи) абсолютно разные алкогольные напитки. Потом – я стал стремиться к действительно получению удовольствия от факта употребления. У меня была выработана своего рода методик, когда необходимо было пить одно, а когда другое. Причем, в отличие от большинства, возводящих процесс употребления в некий неосознаваемый процесс – я пил вполне целенаправленно. Специально. Специально для того, чтобы погрузиться в пучины собственного бессознательного. И мое открытие (возможности сего факта) было поистине удивительной находкой. Я погружался в, своего рода, транс. Мог, посредством алкоголя, вызывать измененные состояния сознания. Имел удивительную возможность находиться наедине с собой. Наедине, быть может, с теми архаичными слоями собственной психики, которые невероятным образом раскрывали передо мной свои тайны. Передо мной мелькали архетипы. Мой мозг (благодаря подобному стимулированию) работал в режиме значительно превышающим его привычное включение. Благодаря этому – я порой в десятки раз лучше результировал возникающие вопросы. Получал возможность решить вообще не решаемые задачи. Алкоголь значительно стимулирует мыслительную деятельность. Происходит это, конечно же, на одной из ранних стадий единого процесса употребления в течение дня, например. (В конце вообще – наступает спад. Плато.

Расслабление). И уже тут, вероятно, было и еще одно мое отличие от большинства, употребляющих алкоголь. Я искал не расслабления. Для этого у меня в запасе были иные средства. Мне было необходимо – именно стимуляция мозговой деятельности. Быть может – ускорения мозгового кровообращения. Расширения сосудов головного мозга. Я, как становится понятно, искал совсем иного результата. И добивался его.

Ну и конечно, употребление алкоголесодержащих напитков – было возможностью общения с бессознательным. В том числе – и с коллективным бессознательным. Передо мной приоткрывала завесу тайна предков. Я мог использовать весь опыт предшествующих поколений.

Для непосвященного (в теоретические основы глубинной психологии) человека – все это, должно быть, мало понятно. Но верно каждый мог испытывать нечто похожее. Просто, быть может, он не акцентировал так на этом свое внимание. Не думал в этом ключе. Не пытался объяснить (хотя бы задним числом) то, что было наоборот – важно для меня.

И любопытно. Сейчас (уже в который раз) попробовала зародиться мысль – что употреблением алкоголя я пытался и вызвать (в том числе) появление агрессивности. (Причем, здесь вполне находятся факты обоснования. И все в какой-то мере вновь замыкается на коллективном бессознательном; опыте предков. Тех самых героев каменных веков, первобытные позывы которых могли проявить всю свою неизменную сущность, и подобные же инстинкты после погружения меня в некие измененные состояния сознания). А кроме того – к моему состоянию вполне примешивался архетип воина, агрессора, борца. И я готов был растерзать любого. Порвать его, и, быть может, даже съесть.

А почему нет?..

И уже как бы то ни было, я нахожу, что именно своим (порой чрезмерным – я вообще-то всегда был увлеченный человек) погружением в измененные состояния сознания – я был обязан появлению (быть может, справедливее сказать – развитию) той агрессивности, которой я с недавних пор и стремился избежать. Она для меня даже была что-то типа необходимости. То есть опять же – возможности выжить. Возможности – когда надо – показать свой оскал. Необходимый - для отпугивания не в меру зарвавшихся сограждан.

И самое, пожалуй, обидное было то, что неким (хамоватым да развязным) образом позволяли себя вести люди, которые считались моими знакомыми. А то и приятелями да друзьями.

Вероятно, в какой-то мере я мог сам провоцировать их на это. Трудно не поддаваться соблазну (если внутренне вы сами испытываете дискомфорт) влезть на плечи, а еще лучше на голову, такому рафинированному интеллигенту. Попытаться затуркать итак, на ваш взгляд, затурканного человека.

И ведь все это вполне было свойственно человеку. Как и животному. Показать власть, авторитет, подняться выше соплеменника, продемонстрировать его зависимость от вас, почувствовать, вкусить плоды архаичного существования, ощутить свою связь с первобытным предком. Ведь, по сути, в психике (современного) человека ничего и не изменилось. Все те же стремления доминировать. И, вероятно, чем человек менее культурен – тем более у него проявляется зависимость от выплеска своих подсознательных желаний наружу. Он не хочет – да и не может -- их сдерживать. Ему кажется, что это вовсе и не надо делать. Нужно показать (другим) кто ты есть на самом деле. Показать свою значимость. Продемонстрировать свое влияние. И уже тогда, когда придет признание сего факта другими, можно испытать что-то типа торжествования. Счастливого торжествования достижения неких собственных стремлений. Быть может даже (обозначенных для себя) идеалов. И, самое главное, удовлетворение неких собственных позывов. Направленных...

Но вот незадача – я никак не хотел позволить им обращаться (подобным образом) с собой.

А ведь так хотелось жить спокойно. Заглушив собственную агрессию. Спрятать, скрыть ее за рамками той культуры, к которой я все время стремился, образования – которое я все время получал (заканчивая к этому времени уже третий вуз), к каким-то идеалам – которые неким таинственным образом вырисовывались внутри меня.

И я поистине проклинал те (неожиданные, всегда неожиданные) обстоятельства, которые вынуждали меня оставлять привычный уклад – и вставать на тропу войны.

И ведь с этим ничего нельзя было поделать. Я был на самом деле вынужден невероятнейшим образом мобилизоваться (искусственно ломая сложившийся уклад) и давать отпор проявлению чужой агрессии. Проявляя свою. Проецируя тот самый архетип воина (освободителя?), который сидел глубоко внутри моей психики. Вновь и вновь вызывать все те агрессивные начала, которые позволяли преодолеть хамство и наглость зарвавшихся негодяев.

Я ставил их на место. Мне почти не приходилось даже их бить. Ведь подобные люди – внутри трусы. Поэтому они все понимали без моих (уже было запланированных) мер физического характера. Без моей нацеленности – на устранение. Порой и физическое – этих личностей. И ни одна из этих тварей личностью – в значении этого слова – никогда не была. Это трусы. Трусы, которые вдруг решили показать свою власть в отношении (по их мнению) точно таких же трусов. И когда им давали отпор – сразу стихали. Тотчас же заглушались их претензионные замыслы. Желания. И они были вынуждены забиваться в свою раковину–ловушку. Из которой их трудно было бы достать, извлечь наружу, обратно – но легко раздавить. Но я никогда не делал этого. Зачем?..

13.01.85.

Вероятно, можно считать ошибкой (вызывающей, как минимум, сожаление) тот факт, что большая часть моей юности (и почти вся осознаваемая юность как таковая) вполне может характеризоваться как период неустойчивости (психики); и уже вероятно отсюда – каких-то исканий. И в первую очередь для меня было несравненно важно – найти самого себя. Развязать в себе тот узел противоречий, который словно связывался сам собой. И по мере его распутывания – я обнаруживал, что наоборот – загонял себя куда-то вглубь собственной психики (а отсюда и восприятия действительности). И иной раз складывалась столь патовая ситуация, что мне казалось – нет иного выхода, как попытаться выйти из игры. Но сколь настойчиво подобные мысли начинали циркулировать в моей голове – тем больше я понимал, что не смогу решиться на это. вероятно, к каким-то крайним мерам я еще был не готов.

Мне хотелось (быть может) значительно большего. Хотелось все-таки попытаться подчинить себе проблему. Встать – над ней. Над обстоятельствами. Но, помнится, сколько я ни пытался это сделать, сама проблема никуда не исчезала. А то и – заглушалась какими новыми обстоятельствами.

Но я почти что был на верном пути (к сожалению, лишь инстинктивно его понимая. А как бы хотелось – одобрения, подтверждения собственной догадки с другой стороны). Но отчего-то мне кажется – мог, непременно мог бы ускорить приближение того понимания, которое, к сожалению, пришло лишь годам к тридцати.

А ведь и раньше я с недоверием относился к любым т.н. авторитетам. Но в силу возраста (и, безусловно, довлеющего надо мной воспитания) не мог выступить с открытым протестом. Ведь он вряд ли бы мог быть понят. А то и – что было для меня самое ужасное – принят за проявление низкого интеллекта и общей необразованности. (Интересно, уже не отсюда ли – мое стремление к получению как можно большего количества высших образований. Это были мои охранные грамоты. Своего рода индульгенция – на выражение собственных мыслей).

И потому я вынужден был молчать. Умалчивать то, что, вероятно, уже тогда, в юношеские годы – способно было дать значительный толчок собственному мышлению. И уже так или иначе – приблизило бы к попытке понимания.

Но вместо этого – значительный период времени был потерян. (Хотя, бесспорно, время я все равно не терял даром. Накапливая, так сказать, материал. Сколько книг было прочитано...).

И вот если попытаться приблизиться к какому-то пониманию, то уже можно было серьезно задуматься. И отчего-то хотелось верить – что в какой-то мере любая задержка становилась

необходимой. Позволяя, например, все равно добиваться (когда-то запланированного в подсознании) результата. Но сохранить – временной период принятия решений. И, если бы я начал значительно раньше, то быть может, подвергнув неокрепший мозг анализу значительнейших философско-психологических теорий – уже к этому (сегодняшнему) времени – сошел бы с ума. Или был бы на грани помешательства.

А так – я словно бы отсрочил приближение, должно быть, неизбежного.

21.01.85.

Однако, был бы я вправе выбирать сам: ни за что бы не хотел повторения своей юности. Столько мне пришлось перенести душевных волнений, что все это не только навсегда отложилось в моем бессознательном, но и самым коварным образом, вероятно, будет довлеть надо мной и впредь. Так или иначе – проявляя свою отвратительную сущность. И я уже знаю почти наверняка – не удастся мне избавиться от этого. Так же как и не удастся навсегда избавиться от ощущения какого-то приближающегося несчастья. (Которое вовсе необязательно, что должно случиться).

27.01.85.

Но вот тогда уже на самом деле: что могло скрываться за той моей юношеской наивностью? Ведь по всем параметрам – пожалуй, именно наивностью можно определить мое тогдашнее состояние. И (тогда уже) именно из-за наивности – я терпел все те внутренние неудобства, на которые обрекал, вероятно, сам себя. Причем, я верно ошибся, предполагая что не мучился от подобного. Разве нем – желанием скорейшего избавления от мук, был санкционирован весь тот поиск (самого себя), в который я неизменно погружался, и одной из возможностей которого – рассматривал... Впрочем, мог ли я тогда надеяться, что какой-то результат будет достигнут?

Наверное, все же нет. Быть может потому и невероятнейшим образом затягивался сам процесс постижения истины. А делая шаг вперед – я практически вынуждал себя отшагивать назад.

Мне необходимо было разобраться в самом себе. Начнем с того, что на первые позиции (в собственном восприятии) все время выбивалась неуверенность. Неуверенность в себе. Точнее – тогда эта самая неуверенность ходила рядом. Все время находясь на равноудаленном расстоянии. И я боялся сделать неверный шаг, впустив в себя тревогу. Тревогу, которая находилась в симбиотическом родстве с неуверенностью. А также – со страхом, тоской, меланхолией, беспокойством... А также, вероятно, раздражительностью. Той самой раздражительностью, которая

становилась извечным спутником моей юности. Диктующей условия. И заставляющей все чаще и чаще подстраиваться под суматошную действительность.

И уже именно здесь находил я корни (моих) страданий.

И, помнится, даже молил судьбу – чтобы кто-либо свыше взял ситуацию под свой контроль. Вероятно, подсознательно подозревая, что мне ее будет не разрулить.

02.02.85.

По всей видимости, в моем тогдашнем поведении, во всей той неуверенности, сомнении, беспокойстве... - и следовало искать правду о своем внутреннем состоянии. И уже тогда, то состояние, в котором находилась моя психика – каким-то незадачливым образом и формировало мой мир. Внутренний мир. И именно там же – находились корни мотивационной номинированности к предрасположенности к тем или иным поступкам. И уже это постулирование – достигалось подчас неизъяснимым желанием (быть может даже болезни) изменений. Изменений, которые, вероятно, могли бы привести меня к еще более печальным последствиям. И уже даже вызывая (закономерную?) бурю негодования в душе – я, тем не менее, опасался предпринимать какие-нибудь решительные действия. Словно боясь – что они могут привести меня к каким-нибудь новым (и потому и страшным) последствиям.

И вот незадача: не находил я, что следовало мне вести себя как-то иначе. Но так ли уж в действительности был у меня выбор? Или это было таким же миражом затуманенного сознания, от которого я настойчиво (а в большинстве случаев неохотно) стремился избавиться.

И тогда уже можно было заключить, что не видел я выхода из создавшейся ситуации. А наоборот – предоставлял узды правления (а значит и распоряжения собственным сознанием) в урки чего-то иного. Неподвластного (и необъяснимого!) мне. И уже хотелось как вроде бы исправить ситуацию... Но я не мог.

И тогда я решил подчиниться обстоятельствам. Но вышло это как-то понарошку, не на самом деле. А в моем бессознательном – пускал ростки настоящий протест. Протест против всего подобного...

Часть 9

22.02.85.

Ну откуда мне знать – как это вышло на самом деле. Почему случилось такое. В какой-то мере можно было признать (и подобное, вероятно, было достаточно справедливо), что произошедшее событие моей молодости – было уже изначально предрешиено судьбой. А то, что

случилось – неким итогом завершающейся юности. Своего рода Рубиконом – между юностью и молодостью.

Между моими студенческими периодами (характеризующими переход от одного ВУЗа, вернее, только первого курса его, к другому), как бы вторглось одно событие, которое в какой-то мере наложило отпечаток на мое дальнейшее мировоззрение. Изменив его. И уже тогда,-- то, что на самом деле тогда произошло: быть может было и на самом деле необходимо. Как для моего становления как личности, так и для проверки возможности дальнейшего существования.

А еще верней – я попросту попал в какой-то жизненный тупик. И стремясь выбраться из него – наткнулся на все новые и новые обстоятельства, мешавшие сделать что-либо подобное.

Тогда я оказался за решеткой. И достаточно мучительно оказалось то, что я (несмотря на вскипающее желание прояснить ситуацию) не знал - как долго это могло продолжаться. Следствие постоянно продлевали. Находили, как вроде бы, все новые и новые обстоятельства, позволяющие отодвинуть сроки начала. Причем, как ни странно, подобную линию защиты выбрали мои адвокаты (нанятые, конечно же, родителями). Что до меня – то я устал томиться в неизвестности, и хотел, чтобы меня наконец-то осудили. Пусть даже и признав виновным – но дали бы срок. Реальный срок. Чтобы я четко знал день освобождения. Готовился и ждал бы его. Ведь так значительно легче было ждать.

Но передо мной – была лишь неизвестность. И становилось еще тяжелее оттого, что я знал: меня не выпустят завтра. И даже в ближайшее время. По всему выходило, что сидеть я должен буду долго.

Но даже и этого я не мог в полной мере ожидать. Потому как знал и о том, что родители предпринимают невероятные усилия к моему освобождению. А в их силы и возможности я верил.

И куда-то сюда еще приплюсуйте мой достаточно юный возраст. Совершеннолетие почти что случилось вчера. А сегодня я оказался на нарах. Толком и не зная – в чем же меня действительно обвиняют. (Следователь явно усердствовал. Я проходил опознание сразу по нескольким делам. Среди которых наиболее пугало меня изнасилование – которого не могло быть по принципу. На тот момент я еще ни спал ни с одной женщиной. Были также – грабеж, серия краж, несколько угонов, и, что было не менее страшно, убийство. Потерпевший скончался в больнице. А другой – «на месте происшествия»).

К моему счастью, тот человек, перед тем как умереть, все же пришел в себя. И в показанных следователем фотографиях – меня не опознал (а меня там действительно не было). Но, должно быть, следователь очень хотел меня посадить. Поэтому - отложив лишь на время – обвинение по убийству (и нанесение тяжких телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшего),--

принялся клонить меня к признанию хоть чего-нибудь, суля всякие блага, и уверяя, что как «первоходу» - срок дадут небольшой. А потом и отпустят по УДО (условно-досрочное освобождение).

Вскоре отпало изнасилование. Потерпевшая признала другого. Но «следак» не унимался. И в какой-то мере страсти немного улеглись – когда мои адвокаты добились смены следователя.

Но новый следователь взялся за дело не менее обстоятельно. Но в чем меня уже обвиняли – я выяснить не мог. Вероятно, решив предпринять еще один вариант защиты – адвокаты (и, в первую очередь, позволившие себя уговорить родители) добились для меня освидетельствования на факт возможного совершения преступлений в состоянии аффекта. Так я попал на судебно-медицинскую психиатрическую экспертизу.

С одной стороны, ход защиты понятен. Признают «психом» - а автоматически спишут все совершенное. (Но, на самом деле, не совершаемое мной). Но с другой стороны, оказаться среди душевнобольных людей? Да к тому же потенциальных преступников? А ведь еще (по линии защиты) я должен был начать «косить». В срочном порядке для меня придумали «заболевание», симптомы которого я должен был всячески имитировать.

Но вот в чем действительно была проблема – я этого не хотел. Правда, по молодости лет – сначала согласился. И даже стал участвовать в навязываемых мне экспертизах (предварительно, по совету опытных зеков, наглотавшись каких-то депрессантов: таблеток, прописываемых особенно буйным «помешанным»). И адвокат (после возникших разногласий у меня остался только один адвокат) уже радостно потирал руки, выслушивая (через подкупленного врача) «сомнения» в моей психической полноценности. Да я и сам включился в игру. Всячески имитируя подавленность, и нежелание дальнейшего существования. Но потом это мне отчего-то надоело. И решил остаться сам собой. А возможный срок (пусть даже и не за совершенные преступления) позволил бы мне знать дату собственного освобождения. То есть, исключил бы то ожидание неизвестности, от которого я страдал больше всего. И уже в возможных решениях членов комиссии начался разлад. И не прийдя к единому мнению – назначили еще одну комиссию. А значит, как бы то ни было, вновь продлили срок следствия. И я в конце запутался уже сам. Решив пустить дело на самотек. Мол, пусть будет так, как должно было быть самой судьбой (тогда я еще верил в судьбу).

А потом, опомнившись, пошел в полный «отказ». И уже отрицал не только наличие собственного «помешательства», но и совершения чего бы то ни было.

Но, вероятно, с этого мне и следовало начинать. А так - в деле фигурировало мое собственноручное «признание» (выбитое ментами). Да еще и результаты психологических тестов, по которым у меня «угадывалась» явная депрессия.

В итоге – запутав всех – я запутался и сам. Внезапно потеряв ориентирование. И не зная – какой же линии мне необходимо держаться.

23.02.85.

И ведь как, быть может, и хотелось бы чего-нибудь подобного мне избежать. Но уже с другой стороны – то, что произошло, все равно неким подсознательным образом было связано с наличием у меня (пусть и неосознанного) желания что-либо сделать, чтоб оказаться за решеткой. Причем удивительно, но тот (сопутствующий заключению) мир я рассматривал даже не как некую альтернативу миру настоящему. А быть может даже – мне было слишком неуютно в той окружающей меня реальности, что была,-- и уже тогда захотелось оказаться в совсем ином мире. Причем, речь ведь не шла ни о каких потусторонних измерениях. Мне позволялось остаться среди живущих, но... словно бы переступить запретную черту. И передо мной раскрывался, своего рода, срез общества. Общества – как будто бы и отвергавших свою деклассированную часть.

Но как раз за этим я и угадывал фальшь. Потому как, так получалось, что в стране, где определенная (и довольно значительная) часть населения прошла через лагеря и пересылки – просто не могло быть отрицательного отношения к зека.

Это был своего рода парадокс. Парадокс, опять же, современного общества. Отдельной страны, в силу исторических особенностей (и отсюда – сформирование весьма специфического менталитета) выбившейся из правильного, цивилизованного, восприятия соотношений: законопослушный человек – преступник.

Так вышло, что в России просто исторически не могло быть явного негатива в адрес т.н. преступников. Потому как не было уважения к власти. А так как любой, кто восставал или выказывал недовольство против излишнего, как ему казалось, авторитета власти – тотчас же оказывался по ту сторону своего рода демаркационной линии. Но он был почти уверен, что не будет отвергнут соплеменниками.

Но на что мог надеяться я? Ведь произошел, своего рода, сбой системы, запрограммированной планируемого бытия. И я хоть и оказался за решеткой, но мне теперь приходилось рассматривать свое заточение, как своего рода недоразумение. Ибо по-прежнему я находился под юрисдикцией судебно-медицинской экспертизы. И от врачей-психиатров зависело: попаду я на зону, выйду на волю, или,-- что с недавнего времени стало казаться мне ближе всего,-- останусь на «принудку». Принудительное лечение. Потому как была достаточно распространена и такая практика. Врачи-психиатры (добрая часть из которых сама требовала лечения) вдруг признавала, что человек пошел на преступление в состоянии аффекта. То

есть, не отвечал в полной мере за свои действия. Что как будто бы он и совершил противоправное деяние. Но словно и не совершал его. То есть вышло совсем даже без его ведома. Неосознанно. Независимо от его сознания. И тогда уже именно в этой вот неконтролируемости и заключалась психическая неполноценность. К которой – и «стремились» те из преступивших закон, которые решили вдруг «закосить».

И я убеждался, что некоторым из них действительно удавалось обмануть врачей. Кто-то из этих людей оказывался даже больше «подкован» в тонкостях психиатрии, чем пытавшиеся «разоблачать его мнимую болезнь» эскулапы.

Вообще, если уж мне пришлось провести определенный отрезок жизни среди подобных субъектов – то, думаю, будет уместно и чуть дольше остановиться на этой теме. На тех же моего пребывания в психиатрической клинике. Своего рода – филиала тюрьмы.

Хотя это, собственно, и была тюрьма. С весьма специфическими провалами. Особенности. И теми мерами репрессивного характера, которыми весьма искусно боролись с заключенными. Вернее – с теми, кто оказался под стражей - волей случая. И перед самим судом – должен был пройти судмедэкспертизу. Которая должна была решить его судьбу.

В какой-то мере мне, можно сказать, повезло. Из сотни таких же как и я, потенциальных преступников (находящихся в тюремном отделении психиатрической клиники), было совсем небольшая часть настоящих, так сказать, психов. Людей, в принципе, уже обреченных. Потерявших какое бы то ни было ориентирование в этом мире. И самостоятельно не способных в нем существовать. Среди таких – мне особенно запомнились двое: Юра и Валентин.

Юра был примерно сорокалетний мужчина, с лицом высокопоставленного чиновника-расхитителя государственной собственности. Кто-то говорил, что он заведовал базой, проворовался, и от переживания сошел с ума. Кто-то утверждал, что Юра сошел с ума еще в юности, когда будучи перспективным спортсменом (бокс) – увлекся наркотиками. А кое-кто (ссылаясь на якобы подслушанный разговор врачей) намекал что Юра и вовсе здоров. Что под ним – миллионные растраты. И единственный способ спастись от «вышки» - «косить. И «косить по черному».

Признаться, мне иной раз тоже казалось, что Юра вполне нормален. Но оправдана ли жертва, когда «играть» приходилось постоянно. И все его бормотания, хаотичные перемещения, исключительная погруженность вглубь себя – наводили на мысль, что он, к сожалению, действительно болен. К сожалению – потому как меня самого подобные люди наводили на не совсем радостные размышления. В какой-то мере – я боялся также как они – когда-нибудь сойти с

ума. И уже быть может потому – старался всячески помочь этим людям. Помочь – прийти в себя. Быть может подсознательно преследуя одну цель – выяснить, разобраться, насколько им возможно «возвращение».

И при этом – я почти что с ужасом понял, что медицина, как таковая, здесь бессильна. А эти люди, в принципе, обречены.

Но я, помнится, как мог старался им помочь. И быть может они угадывали подобное стремление. И тогда я замечал какое-нибудь ответное действие. Более-менее осознанный взгляд. Движение рук навстречу. И уже как истинную награду – улыбку. Адресованную мне – улыбку.

Но даже такие все движения – были достаточно кратковременны. Как вспышка. И после этого – почти неизменно следовало (показное?) равнодушие. В первую очередь ко мне.

Вторым субъектом – был Валентин. Примерно шестидесяти лет. И тоже с лицом – отмеченным, вероятно, былым приобщением к власти.

В отличие от Юры – заболевание Валентина носило какой-то ярко выраженный агрессивный характер. Он был постоянно недоволен. Почти всегда находился кто-то, на кого Валентин обрушивал вскипающий в нем гнев, который выплескивал, быть может в подсознательной надежде от него наконец-то избавиться.

Но потому, как уже в последующую секунду недовольство вспыхивало вновь – можно было вполне ставить крест на возможности какого-либо излечения Валентина.

Это был так называемый «буйный помешанный». И, помнится, даже для того, чтобы сделать ему какой успокаивающий укол – несколькими санитарам (надзирателям) приходилось буквально набрасываться на Валентина, и тогда уже их лица перекашивались настоящим гневом – и где в этих хаотичных движениях было стремление действительно удержать, связать его (больных обычно привязывали к железной кровати), а где желание отыграться на нем (и следовали удары – так, чтобы было действительно больно, но следов – не видно) – поистине трудно было разобраться.

Случалось, охранникам не давали возможности реализовать свои (тоже вероятно подсознательные) желания. И тогда они подговаривали других заключенных («шестерок» или просто больных людей), натравливая их на «мирно разгуливающего» (и ничего не подозревающего, потому как уже успокоился) Валентина. И тогда ему надевали наволочку на голову. А потом били. Били, большей частью неграмотно, непрофессионально. Но потому как «жертва» совсем не сопротивлялась, а также вследствие, как обычно, пяти-шести, иной раз и до десяти нападавших – оставалось только посочувствовать Валентину. Ему действительно доставалось.

И уже тут мне иной раз случалось наблюдать поистине чудеса взаимовыручки. Насколько я знал, необъяснимой не только тупоголовым санитарам, но и врачу, как-то случайно заставшему подобную сцену.

И это при том, что эти два умалишенных обычно не разговаривали друг с другом. Да у каждого из них была та форма заболевания, когда они и говорить-то толком не могли. А нечленораздельные звуки, которые они издавали, вряд ли были понятны и им самим.

Мне самому это случалось застать лишь раз. Обычно санитары (подготавливая почву) старались оградить остальных заключенных от случайного вмешательства. Все помещение было поделено на (закрывающиеся при желании на засов) комнаты. Кабинеты врачей и медицинского персонала были также отделены. Постом охранника. Кроме того, в жилой секции разрешалось находиться только во время сна. Все остальное время – все пребывали в специально предназначенном для этого помещении. Писать было запрещено. Читать – разрешалось только литературу, санкционированную врачом. (Но все равно – ее мог запретить надзиратель, который, например, в этот день мог оказаться «не в настроении»). Поэтому основная часть подследственных бездумно слонялись из угла в угол (вперед-назад, отмеривая равное количество шагов). Кто-то – все же умудрялся читать. Остальные – или играли в нарды и шахматы, или пытались скрасить бездумную трату времени – разговорами.

И вот тут так получилось, что Юра каким-то образом остался в жилой секции. А охранники – посчитали, что все оттуда вышли.

Далее – как бы незаметно санитары «допустили» выход из помещения для прогулок – Валентина. Тот, традиционно находясь исключительно погруженным вглубь себя, забрел в помещение для сна. И когда остановился, явно начиная понимать (насколько на самом деле он мог понимать?), что что-то не так, на него набросились с десятков обезумевших от злобы сокамерников, явно отработавших заказ охранников. (Те могли, конечно, и сами легко любого избить. Но иной раз, стремясь избежать возможных осложнений – «предоставляли» это делать «больным». Дескать, - какой с тех спрос). Но как только те принялись за работу – на звуки матерящегося под градом ударов Валентина – прибежал Юра. И (сам находясь как всегда в какой-то прострации) безуспешно пытаясь оттащить нападавших от «ушедшего в глухую защиту» Валентина – внезапно стал бить сам. И в несколько секунд разогнал всех. А потом – как ни в чем не бывало – пошлее дальше. В прогулочный дворик.

--Спасибо! Спасибо, Юра!— пытался прокричать ему вслед Валентин. Но тот его не слышал. Он вновь находился в каком-то своем мире. Путь остальным куда – заказан.

Что же до меня – то я находился на каком-то особом положении. Санитары меня не трогали. С больными я тоже смог найти общий язык. А потому – мой распорядок несколько отличался от

«положенного». И на некоторые вольности администрация закрывала глаза. Я мог и вставать позже, а не как все – в 6 утра, и ложиться (официальный отбой в 22 часа). За это тоже приходилось платить. Своим отношением, например. К тому же я ратовал за порядок. А отобранные мной семь молодых спортсменов – обеспечивали его. Заодно – служа щитом и от каких бы то ни было посягательств в мою сторону.

03.03.85.

Пожалуй, самое любопытное – то, что я весьма сознательно шел на игру. Игру, в первую очередь, с самим собой. Но почти точно также – я увлекал в нее окружающих. Которых, надо заметить, почти никогда не выбирал себе сам.

Почти независимо от меня выходило, что находились люди: желающие со мной общаться. А я... я сторонился их. При этом, думаю, моя природная вежливость не позволяла выказывать какого-то недовольства (общением). Но иной раз все выходило само собой. То есть независимо от меня.

Но это было своего рода все той же игрой. Потому как, вероятно, бессознательно – я искал общения. Даже – стремился к нему. И уже тогда – как вроде бы и иное недовольство (излучаемое клетками души) не только вполне сходило на нет. Но и принимало, зачастую, обратную сторону.

В результате чего – те, которых я внутренне высмеивал (а внешне – чурался) становились моими товарищами. А то и – достаточно близкими друзьями.

Когда я оказался в тех местах, о которых уже упоминал, то вся моя цивилизованность и культура разом спрятались в преисподнюю. А вместо нее проявилось то архаическое, первобытное, что дремало, вероятно, в моей психике, ожидая своего часа.

Это было, своего рода, филогенетическое наследие предков. И, в принципе, я вполне готов был им сказать спасибо. Потому как мои неутраченные навыки не только начали самым невероятным образом проявлять себя, но и я даже мог быть им благодарен. Они помогли мне выжить. И даже не просто выжить, но и зажить, оказавшись, в принципе, в чуждой мне среде. В среде, с которой (как мне казалось) я никогда не буду контактировать, да и всегда, надо заметить, избегал ее. Но очутившись лицом к лицу – почти что даже возрадовался. Потому как разом обрел себя.

И что действительно самое удивительное – мне не было страшно. Совсем. Как будто я оказался именно в том состоянии, которое мне было близко. Невероятно близко. И если я и мог чего опасаться, то только этого.

Откуда в мальчике из номенклатурной советской семьи проявилась вдруг такая страсть к блатной романтике?!

Но уже как бы то ни было, я удивительно быстро освоился в том мире. А еще через время – стал претендовать и на лидерство.

Вышло все так.

Когда я пришел – то первые несколько дней (как рассчитывал) хотел осмотреться. Среда была новая. Люди – тем более. Необходимо было как можно быстрее изучить местные порядки. Не те, которые устанавливает администрация (хотя и их тоже), -- а порядки блатного сообщества.

Ну а так как общество, в которое я попал, было весьма специфическое – то мне следовало разобратся,-- каково, собственно, соотношение психов – и тех, кто «косил».

На удивление, почти в первые же часы своего помещения в «наблюдаловку» (спец.камеру, где содержались вновь прибывшие подследственные; через неделю – они распределялись на отсекам жилой секции) я познакомился с человеком, которому в последствие оказался весьма благодарен: он не только ввел меня в курс дел, но и – находясь в авторитете – способствовал моему вхождению в круг «правильных пацанов». Через несколько месяцев его отправили по этапу на зону. И как я впоследствии узнал – убили «на пересылке» (в одной из пересыльных тюрем). Но тогда я разом оказался в выигрышной ситуации. Автоматом миновав «прописку» (своего рода экзамен для вновь прибывших, устраиваемых зеками). И даже получив свой законный куш с «общака». Которым, в принципе, не особо и пользовался. «Дачки» (передачи продуктов и курева) приходили регулярно. И в количестве, при котором я с удовольствием сам пополнял общак. Подкармливая изголодавшихся зеков, и тем самым получая возможность оставаться самим собой.

Хотя, признаться, в том месте, где оказался я – это было сделать необычайно трудно. Да и практически невозможно. Потому как задача администрации – чтобы все были под контролем. Даже ночью – свет в жилой секции не гасили. А на «дальняк» (туалет, находящийся отдельно) пускали с большой даже неохотой. Да и то – не всех.

Но «блатные» словно получали право «вето» на все запреты. «Контролеры» (санитары-надзиратели) их уважали. И потому – вполне закрывали глаза на всякие вольности. Самолично пронося им водку и наркотики.

К тому времени, когда Валентин (так звали моего визави) ушел на этап – я уже достаточно «осмотрелся». Достаточно для того, чтобы начать завоевывать авторитет.

Из примерно сотни подследственных – деление на «масти» (своеобразная уголовная иерархия) было следующее. Примерно шесть (к коим причислял себя и я) т.н. блатных. Два «петуха» (пассивных гомосексуалиста). С десятков – «чушковых» (опустившихся зеков). Из остальных – процентов 80-85 «мужиков». Несколько человек старавшихся держаться независимо ни от кого. И человек пять – потенциальных стукачей. «Красных шапочек».

Однако я понимал, что весь обшак мне не потянуть. Значит, следовало еще немного переждать. Дать возможность самому себе разобраться в своих силах. Да и оценить возможности.

Пока я «выжидал» - команда первых «авторитетных поселенцев» разошлась: кто на этап, а кто – и на свободу. Вновь прибывающих – приближал уже я. Благо, что всегда или располагал людей к себе, или, наоборот, отторгал. Но – контролируя тех, кто меня недолюбливал,-- я делал ставку на своих помощников. Раздавая им полномочия, и закрывая, тем самым, возможные бреши в защите.

К концу первого полугодия я уже обладал достаточной властью, чтобы позволить себе не опасаться какого-то бунта против себя или восстания.

Вскоре я придумал еще одну идею – которая (после «намёка» в нужное время нужному человеку) получила свое реальное воплощение. Таким образом, позволив при каком конфликте ссылаться на меня – я стал получать добрую куш от «передач» из дома от нескольких, особо обеспеченных «пассажиров» (сокамерников, заключенных). Тем самым, став питаться значительно лучше: мясо, буженина, свиной окорок и домашняя колбаса – были у меня каждый день. В сигаретах недостатка не знал (табак в местах заключения своеобразное мерило достатка. Валюта). Вполне можно было найти, как я уже упоминал, и водку. Или пиво. Но я не пил. Как говорится, по жизни.

Постоянное напряжение, в котором вынужден находиться в заведениях подобного типа каждый подследственный (а здесь удивительным образом сочетались те, кто ждал срока еще – и те, кто получил его уже. Находясь, например, на принудительном лечении), казалось в моем случае должно было сойти на нет. Оно и действительно уменьшилось. Но лишь на время. Потому как почти тотчас же стала поднимать головы всякая шушера, мечтавшая о собственной власти. Находясь среди волков – опасно было зевать. А среда, в которой я оказался – как нельзя лучше напоминала клетку со зверями. Где чуть зазеваешься, ослабишь прессинг (рассматриваемый мной как необходимость, а не как, например, удовлетворение лидерских амбиций),--и почти тотчас же можно ожидать или удара «заточкой» под ребра, или,--что, быть может, еще опасней,--заговора.

И потому я в равной мере «опекал» и потенциальных «шестерок» (готовых при случае легко переметнуться к другому), и опытных зеков, отбывающих не первую «ходку» (срок),--и способных создать брожение в умах и «шестерок» и «мужиков».

Помнится, пришел один такой. Законченный наркоман. Пятая судимость. Всегда державший «мойку» (лезвие бритвы) в обшлаге пижамы (по иронии судьбы – полосатого цвета, как у смертников). Почти сразу после прихода он стал плести нити заговора. Сплел целую паутину. В которую. Попались не только «мужики», но и двое (как я подозревал) моих помощников. Из личной

охраны. То есть людей, всегда сопровождавших меня и своим присутствием уберегая некоторых особо ретивых зеков от попыток на меня броситься.

Я срочно собрал «братву». По всем «раскладам» - я мог быть уверен в семи своих «приближенных» (ближайших помощниках). Готовых за меня любому перегрызть глотку. Еще двое – оказались под вопросом. И четверо – находились в некой пограничной стадии моего доверия к ним. То есть я должен был решить – приблизить ли их (как они того явно желали), или держать на расстоянии. Кроме того, за меня было еще с десяток «мужиков». Которым жилось достаточно спокойно (и от других заключенных, и от возможного самодурства администрации).

Однако, козни Ворона – с ударением на первую гласную (Ворон – это «погоняло» - кличка – моего оппонента) явно вскрыли то, что я старался не замечать. Недовольство «мужиков» (притесняемых, как оказалось, теми двумя из моей команды, которые и хотели переметнуться в лагерь Ворона), накапливающую злобу «чушковых» и «беспредельщиков», которым явно не давали «развернуться». В общем – все говорило о том, что я должен был принимать срочные меры. Мой авторитет – оказался под вопросом. В любой момент Ворон мог выступить против меня. И тогда случилась бы совсем ненужная резня (несмотря на то, что алюминиевые ложки считали после каждого приема пищи, отламывая лишнее - их вполне можно было заточить, сделав холодным оружием – не только они, но и спицы, заточенные напильником и даже ножи – всегда находились в ассортименте заключенных. И при случае – могли быть пущены в дело).

Чтобы этот случай не наступил – я должен был действовать первым. Причем, хотелось придумать что-то изысканное. Хотя у меня были в запасе и другие методы. (Например, дискредитация – «подстава» - перед администрацией. Проплачивание врачам – которые должны будут «посадить» «неугодного» на курс «галочки» (галапередол) или аминазина. Или, например, подсунуть «циклу» (циклодол) и при дозе 5-6 а то и 10 таблеток – начинаются настоящие «гонки». Настоящее наркотическое опьянение – но достаточно специфическое. Насколько была способна «барбитура» (таблетки) вызвать расстройство личности. Заглушив эту самую личность, и вызвав на свободу бессознательное. Человек в подобном состоянии способен был проявить свои самые низменные инстинкты. Например, выступив в качестве пассивного гомосексуалиста. Тем самым, как бы сам себя «опускал». Превращаясь в «петуха»).

Многое я что мог сделать. И, должно быть, кое что Ворон мог сделать со мной.

Я стал обдумывать пути разрешения назревавшего конфликта. Ситуация в любой момент могла выйти из-под контроля. Каждый из нас в срочном порядке запасался сторонниками. И тогда мне пришла в голову на удивление простая мысль. Я должен был использовать тот контингент, о котором почему-то совсем забыл. Ведь почему-то никто из нас не считал сумасшедших. Настоящих сумасшедших, образу и подобию которых каждый из нас (здесь находящихся) старался

соответствовать. В процентном отношении их было не более десятка. (Почти 90 % всего контингента, ожидавших судмедэкспертизу – «косили». Иной раз – «по черному»). Но как раз на них-то я и решил сделать сейчас ставку.

Однако, и здесь следовало сделать все достаточно хитро. Чтобы не раскрылось мое участие. (А что до «заинтересованности»,--так ее же к делу «не пришьешь»). Я знал, что через несколько дней один из моих помощников отправляется на этап. И решил делать ставку на него.

Суть игры достаточно проста. Он должен был чем-то спровоцировать агрессию выбранного нами больного. И направить ее на Ворона. Причем это желательно было сделать перед самым этапом. Чтобы даже не попасть в число подозреваемых. Ведь администрация будет зверствовать.

И тут я подумал, что после ЧП такого масштаба (убийства, мягко сказать, случались нечасто) по всей видимости, перетрясут все отделение. Врачей и санитаров (с которыми были налажены «коны») «пересортируют». Перебросят на другие точки. Да и сам контингент поменяют. Большую часть отправив или на этап или в тюрьму.

То есть в одночасье могла разрушиться вся продуманная мной система выживания. И я решил переиграть. Но и отступать я был не намерен. И предложил Ворону на выбор: или поединок (один на один, без какого-либо оружия. Кто проиграет – добровольно складывает свои полномочия), или побег. Который я ему обязался подготовить.

Он выбрал второе. На прощание мы даже обнялись.

Ворон ушел через кухню. Ночью. С ним же ушли и двое моих недавних помощников.

После этого я добился перевода нескольких (как я знал – поддерживающих Ворона – заключенных) на тюрьму.

И, в принципе, жизнь вернулась на круги своя. Насколько я мог считать свое нахождение «на принудке» обычной жизнью.

04.03.85.

Покажется удивительным, но в то время меня как будто перестало мучить то беспокойство, которое наравне с тревогой (тревожными состояниями) сопровождало мою жизнь на воле.

И если уж так рассудить, то можно было признать, что уже само мое помещение за решетку – было как бы заранее и запрограммировано. К этому я стремился (пусть и подсознательно). И по всему выходило, что это было достаточно преднамеренный шаг. Своего рода проекция моей психики. Давно уже не справлявшейся с теми обстоятельствами, которые предъявляла окружающая

жизнь. Я словно запутался сам в себе. Стал задыхаться от разрывающих меня желаний. Желаний большей частью неосознаваемых. Как будто все то первобытное, все те инстинкты, которые были надежно упрятаны в бессознательное – разом получили право на выход.

Меня буквально шатало от желания сделать «что-то». И практически не было сил разобраться – «что»?

Я чувствовал в себе необъяснимую энергию. Необычайной силы душевный подъем. А вся окружающая жизнь казалась мне в некоем тумане. Словно пленкой из какого-то загадочного материала разом накрылось все вокруг. И я перестал различать очертания (привычные очертания) предметов. Все вдруг стало непредсказуемо и непонятно. Все бывшие ориентиры – сместились. Стрелка компаса пустилась в суматошный бег. И мне разом расхотелось жить.

Но в том то и дело, что разные желания почти одновременно начинали действовать во мне. Я хотел умереть. И я же хотел жить. Я мечтал об одиночестве, о том, чтобы остаться одному. И почти в то же время – мне захотелось женщину. Женщину, которая должна была быть рядом.

И вскоре появилась такая. Как ее звали – совсем не вопрос. Главное, что я с жадностью набросился на нее. И если посчитать суммарное время, затраченное непосредственно на секс – то этот было, перерывами, по 10-12 часов в день, а потом я будил ее еще и ночью. По всей видимости, явно проявлялась моя юношеская гиперсексуальность. Но за несколько часов подряд – я мог закончить несколько раз. И снова начать.

Но в этом не было ничего такого уж загадочного. Уже тогда начиналось расстройство психики. Да и к тому же у меня было достаточно богатое воображение. И я всегда мог представить на месте моей партнерши, каждый раз, что-то этакое новое. Или с кем-то – ее. Ну, в общем, чтобы до конца не признаться, что где-то совсем рядом уже подбиралась сексопатология – скажу, что после очередных бурных сцен – моя актриса куда-то исчезала.

А когда начавшие переполнять меня эмоции готовы были превратить мое психическое состояние в одну издерганную нить обезумившего клоуна-невротика – меня подхватили друзья. Внезапно появившиеся друзья, как-то с периодичностью в несколько недель повыходившие из колоний. Все они были старше меня. И что касается дружбы – так я, по справедливости, с ними только познакомился. На пивнужке. И почти случайно. Для них. Но наверняка преднамеренно – для меня.

Как бы то ни было – мы увлеклись друг другом. Они рассказывали о себе. А мне пришлось немного выдумать свою биографию. Как я уже говорил, фантазия моя была достаточно бурной. И иной раз давала совсем необъяснимый выход. Крен в сторону. В итоге, выходило, что я тоже только недавно «откинулся» (освободился). «Тянул срок» в одной из зон Средней Азии. (В Советские времена там было достаточно много колоний). Режим – усиленный. Первоход. Срок – за

«бакланку» (хулиганство). Драку в ресторане. Сам из «приличной» семьи. Папа – рецидивист. Мама... Впрочем, хватало и папы.

Так что я оказался тотчас же принят. Стал считаться «своим». А так как ничем мы не занимались, а пили напролет – то вполне понятно, что моя боль от расставания «с любимой» - сублимировалась в достаточно насыщенное общение со своими новыми друзьями.

Потом они неожиданно уехали «на гастроли» (преступления, совершаемые в других городах). А я, уверив их, что должен провернуть «одно дело» - остался. Возможен «мокрый» (убийство),-- поделился с ними я.— А потому вы должны быть без подозрений.

Кажется, кто-то из них все же начал сомневаться, и тогда я без заминки завернул ему какую-то теорию об удачливости в делах, попутно намекая на свои какие-то принципы, стереотипы, предубеждения, и, кажется, даже вкратце описав, что же я все-таки намерен делать.

Они поверили – и укатили. А меня внезапно «взяли менты». Ни за что. Но я не сопротивлялся. По моему Фрейд сказал, что преступники совершают свои преступления – преследуя одно лишь желание: подвергнуться наказанию. Своего рода испытывая чувство вины за жизнь. За подобную жизнь.

И я считал – что все достаточно закономерно. К чему меня могла привести жизнь на воле. К внутренней деградации, психическому расстройству, или же к совершению какого-нибудь страшного преступления. Хотя, признаться, настойчивость следователя меня тоже поразила. Я почти сразу заметил в нем подсознательное желание – добиться, чтобы я ответил за все преступления человечества.

Но я быть может и пошел бы ему на уступку. (И, как вроде бы сдуру подмахнул несколько бумаг). Но потом спохватились мои родители. И я оказался в ожидании судмедэкспертизы. Психиатрической. И в перспективе – должен был «соскочить». Выйти на свободу. Если все удастся у моих адвокатов, конечно.

07.03.85.

Если задержать еще на моей жизни в том, другом измерении, то, вероятно, все и было проникнуто каким-то иным восприятием жизни. И если я поначалу и ждал каких-то изменений, то потом уже вроде как и свыкся с существующим положением. Дел. Как вроде,- и не пытаюсь что-либо изменить.

И ведь нельзя было сказать, что меня так-то уж все устраивало. Почему же?.. В моей душе вполне назревал очередной конфликт. И заключался он, конечно же, в попытке высвобождения. Высвобождения сознания от хаоса, воцарившегося с тех пор, когда я дал волю бессознательному.

Допустил первичность его влияния. Совсем не заботясь, что все это может привести к достаточно печальным последствиям.

И я начал сопротивляться. Поначалу я действительно начал сопротивляться. И мое психическое состояние вновь стало готовить внутренний протест, который мог завести меня, в принципе, неизвестно куда. Значит, я должен был искать какой-то другой выход. Выход, быть может и не связанный с выходом (или сотрудничеством) с реальностью. Но когда это оказалось действительно возможно – я ощутил нечто вроде внутреннего содрогания. Достаточно неприятного ощущения, природа которых заключалась во все том же нарастающем противоречии. Противоречии между Эго и Альтер-Эго (в одночасье готовое лишиться привычного контроля). Противоречия между Эго – и Ид («Я», «Оно»- термин, обозначающий бессознательное психики). Моим бессознательным.

01.04.85.

По всей видимости, именно тогда, в тот мой жизненный период вынужденного лишения свободы, я инстинктивно начал тянуться к способам, позволяющим мне, своего рода, мимикрировать под окружающие обстоятельства.

Вырабатываемый мной (новый... совершенно новый..) стиль поведения, должен был в значительнейшей степени (своего нового восприятия) решить как минимум две задачи: адаптировать меня к различным отрицательным факторам жизни. И помочь оставаться собой в минуты наибольшего благоприятствования. То есть – я должен был научиться скрывать свои чувства.

Если сделать небольшой экскурс в природу взаимоотношений в местах лишения свободы (и особенно, в какой-то мере, на этапе предварительного следствия, когда все чувства еще напряжены до предела, и нет той, своего рода, предсказуемости, характерной для заключенных уже получивших свой срок, и значит и знающих примерный срок освобождения. Примерный, потому как – можно освободиться досрочно. А можно – тут же – получить еще один срок), так вот, если попытаться проанализировать природу взаимоотношений заключенных, то первой особенностью, явно бросающейся в глаза – будет игра. Игра порой ярко выраженная. Блеф. Блеф – это та пыль, которую стремиться бросить один зек в глаза другому.

За решеткой почти ничего не может быть правдой. В том значении слова, в которое мы привыкли вкладывать на воле. Первой задачей, которая вставала перед вновь прибывшим – научиться в полной мере скрывать свои чувства. Любое проявление которых – тут же могло открыться перед другими – места нанесения удара. Необходимо было стремиться, чтобы вас не за что нельзя было зацепить. На чем-нибудь поймать. Все должно было оставаться достаточно

нейтральным. И мне действительно казалось, что попадая туда – люди практически сразу менялись. Вынуждены – были меняться. И на первый план выходило то архаичное, доставшееся нам в какой-то мере от первобытных предков,-- что теперь задавало тон.

Можно сказать – это была чуть ли не единственная возможность выжить. Возможность отсидеть свой срок. Выйти на свободу. И при этом сохранить в себе нормальные (присутствующие цивилизованному человеку) черты, способные пригодиться на воле.

У кого-то это получалось. По моим наблюдениям, чем выше зек стоял в уголовной иерархии, тем значительнее были его способности играть. Можно сказать, что помимо приобретенных способностей значительную поддержку ему оказывали и природные качества. И уже тогда он мог себе позволить оставаться самим собой. (Хотя бы в душе). А когда оказывался на свободе – то достаточно сложно было узнать в нем уголовное прошлое (если он хотел его скрыть). И наоборот, оказываясь за решеткой – он явно излучал из себя качества лидера, вождя, главаря первобытного сообщества.

На первом месте стояли душевные качества. Какая-то внутренняя сила. Та сила, которая исходив от него, должна была заранее «обездвижить» неугодных. Лишить их права голоса. Желания как-то проецировать свою агрессию.

Где-то рядом должны были находиться (и обязательно присутствовать) ум. А также хитрость, изобретательность, решительность. И что не менее важно – презрение к смерти. Способность при случае, расстаться с жизнью. Причем совсем не обязательно было с ней действительно расставаться. Достаточно было продемонстрировать это окружающим. Заставить в это поверить. И это часто «проходило» как в имитации самоубийства (что встречается достаточно часто, в ответ, например, на какие-то «непопулярные» решения администрации. Например одно время со мной сидел Саша, по кличке «Боров!». Огромный, 130-140 килограммов, детина лет 36-37. Балагур, весельчак, у которого я никогда не замечал и капли грусти. Он прекрасно пел под гитару (свободно подделывая голоса нескольких популярных певцов). Да и к тому же был «кольщиком», накалывая «портачки» (татуировки). Что обеспечивало ему, надо заметить, достаточно неплохое существование. Сигареты и чай – были разменной монетой и в тюрьме, и в зоне. Так вот, как-то мне Саша показал свой живот. Его толстое пузо было аккуратно – поперек – изрезано красными полосками. «Мойкой» (лезвием), пояснил он).

07.04.85.

Вторым качеством лидера – должна быть сила. Та самая сила, которая способна была (при случае) оказать ему поддержку в случае какого реального противостояния в случае опасности. Это могла быть и физическая сила; и знание навыков самозащиты; и умение пользоваться подручными

средствами: «мойка», «заточка», «перо» (нож)... Но наиболее безопасное – иметь своего рода личную охрану. Зеков, готовых по любому движению – броситься на «обидчика». И потому – опытные зеки старались формировать у себя штат команды. Готовый, при случае, вступить в бой.

15.04.85.

Вероятно, я мог что-то изменить... Например инициировать бунт, сопротивление властям... Да и, наверное, где-то подобное же сопротивление должно было быть адресовано собственным родственникам... Родителям... За их, как мне тогда казалось, совсем уж излишнюю опеку.

Так выходило, что мне приходилось испытывать на себе сопротивление влияния собственных родителей. И даже в большей мере матери (отец в то время был примерно там же где и я). Достаточно властная женщина, Ираида Матвеевна действительно, как ей казалось, взяла ситуацию в свои руки. Вроде как – и раньше: никто не имел права голоса. А теперь это самым незавидным образом (незавидным – для окружающих) проецировалось на людей, волей случая облеченных властными полномочиями.

К моему удивлению, они как-то достаточно быстро подчинились ей. Смирились с натиском жизненной энергии, исходившей от нее. Причем, иной раз, настолько,-- что явно зашкаливало за норму. Хотя... устанавливал ли кто? – эту самую норму? Мне отчего-то всегда казалось, что в отношениях между людьми – все подчинено способностью подключения к какому-нибудь независимому источнику. (Находящемуся и вовсе непонятно где). Но как-то так выходило, что кто-то явно преуспел в этом больше другого. И тогда можно было надеяться, что ему и достанется больше.

Хотя вряд ли кто мог судить, как было на самом деле.

Что же до меня, то я действительно ощущал постоянное излучение, исходившее от матери. Это была та энергия, которой необходимо было подчиниться. Чтобы выжить. И уже тогда, верно, было моей ошибкой, что я наоборот, начинал с ней борьбу. Борьбу, в принципе, без какого-то заранее обозначенного результата.

Можно было даже сказать, что я просто достаточно бессознательно ввязался в то противостояние, которого на самом деле и не должно было быть. (Да так бы и было, в смысле – не было, если бы кто из нас обладал более слабым характером. Но упрямством я был в нее. Поэтому о каком-либо окончании «сражения» говорить не приходилось).

Но так же верно и то, что я уже не мог иначе.

01.05.85.

Вероятно, мне трудно будет признаться, но правдой является то, что все мое противостояние в обществе (и в первую очередь, обществу как таковому) имело достаточно значимую (и уже упоминавшуюся) первооснову: прессинг со стороны матери.

Покажется забавным, но вспоминая об этом, мои мысли практически тотчас же наталкиваются на некую загадку. Внешне, --скорее я выглядел «тираном», чем она, моя мать. И лишь только достаточно искусный ум мог разглядеть, что самое «интересное» происходит в несколько ином измерении. На уровне подсознания. А там, там я почти бесповоротно признавал капитуляцию; и неспособность продолжать борьбу в каком бы то ни было виде. Да и, причем, не только я.

Однако, я бы опасался и ничего (в данном контексте, направленности оказываемого на меня влияния) не упомянуть об отце.

Быть может внешне его фигура и не была столь выражена (никакой тебе «внушительности» и «устрашаемости» образа), но по силе заложенной внутренней силы – это поистине был монолит.

А энергии (каким-то загадочным образом исходящих от двух родителей) я совсем не мог сопротивляться. Она обескураживала меня. Предрешала собственные (ничтожные по сути, или – именно потому – казавшиеся такими) помыслы. Явно показывая мою же собственную ущербность. Не оставляя никакой возможности к сопротивлению. И почти изначально – обрекая на слепое подчинение.

Но как раз тут – возникали предпосылки для реакции. А внутренний протест – выливался в самый настоящий бунт. Который начинался иной раз с совсем непредсказуемых ситуаций. Но приводил – к изначально запрограммированным (Создателем?..) последствиям. Причем, - не могло быть и причин для противоречий. Потому как – сопротивлялся мой характер. Ибо по натуре – я был достаточно буйным и вспыльчивым. Но как-то до поры до времени мне удавалось сдерживать свою подобную агрессивность. Даже не подавляя ее, а «ловко» маскируя. До срока, как говорится.

03.05.85.

Почти независимо от действительного желания, - память вновь и вновь возвращает меня к событиям прошлого. Однако когда я уже как будто бы и готов «вспомнить все» - вступает в действие т.н. сопротивление психики (одна из защитных реакций психики по Фрейду), и все, что могло бы приблизить меня к повторению (а значит и пониманию) былых, случившихся когда-то, ситуаций – оказывается уподоблено тайне за семью печатями.

Так происходит не всегда. Иногда мне все же удается выхватить добрый кусок прошлого, и тогда наступает настоящий пир. (Но уже видно от того, что подобные моменты случаются все реже и реже, - настоящего насыщения не наступает).

Наша пенитенциарная система, казалось, делает все, чтобы оказавшаяся в жерновах правосудия личность – перестала быть таковою. А весь тот негатив, который воочию приходилось наблюдать на свободе – многократно усиливался, проступая ужасом сновидений перемешиваемых с реальностью. Реальностью, от которой и хотелось бы скрыться в те же самые сновидения, например. Если бы они были лучше.

К середине того срока, который мне пришлось отбыть (и о границах которого я узнал лишь только после освобождения), мне практически удалось создать условия для весьма сносного существования. Был авторитет. Уважение. Достаточно свободный график. Я даже попал на «расконвойку» (прогуливание по территории без сопровождения конвоира). Насколько, конечно, то место, в котором оказался я, -- можно было соотнести с лагерем. В конечном итоге, - меня даже оправдали. Закрыв дело за недоказанностью. Однако почти два года – оказались выброшенными из жизни. точнее, -- выброшенными из обычной, привычной большинству жизни. но если говорить о значимости того периода, то наверняка он сыграл (быть может даже решающую) роль в плане становления собственного характера. Жизненного опыта. Потому как – в подобных местах (когда сотня людей вынуждена изо дня в день видеть друг друга, а новый человек появляется раз в несколько месяцев) до невероятности обостряются все чувства. А понятия – чести, совести, слабости, трусости... -- принимают гиперболические формы развития. И своего проявления.

Человек становится как на ладони. Открыт и прозрачен для всех. И почти невозможно скрывать истинную (внутреннюю) сущность. Все равно рано или поздно сделаешь осечку. Проявишься с той стороны, которая и будет истиной. А все до поры до времени удачно завуалированное – предстанет в таком виде, что кто-то решается на самоубийство, кто-то – на побег; а кого – и убивают другие. Или делают его жизнь невыносимой. И нисколько не спасает даже перевод в другое место. Тюремная почта приходит раньше. И о тебе уже все знают. Так что начать жизнь с чистого листа – не получится. За все надо платить.

04.05.85.

Наверное покажется странным, но находясь за решеткой (причем по заведомо ложному обвинению) я в какой-то мере стал допускать в свою голову мысли об собственной виновности. Но виновности не в каком-то конкретном преступлении (тем более во всех тех ужасах, в которых меня

пытались обвинить), а, скорее, виновности уже в собственном существовании. То есть должны были просматриваться некие параллели между самим фактом существования обвинений, и тем, что предназначались они мне. И все попытки скрыться или избавиться от собственных мыслей о предначертанность наказания – были заведомо бесполезны.

Удивительно, но порой у меня даже не было желания оправдываться. Перед самим собой. Я даже наоборот,-- позволил себя убедить в легитимности происходящего. Как будто это происходило совсем независимо от моего желания поиска правды. А сама правда – выглядела не более чем затуманенная призрачность надежды. Надежды на избавление от кошмара. Хотя был ли этот кошмар на самом деле, или я его все-таки выдумал,-- вряд ли мог я ответить. Да и сам ответ был мне не нужен.

Мне кажется, что не бывает совсем безвинных людей. Когда-то мы все равно совершаем зло. По отношению к другим. К себе. И это может стать более понятным, если в какой-то мере расширить границы понятия зла. Попытаться выйти за пределы стереотипов. Попытаться увидеть нечто большее. То, что скрывается за рамками привычных ассоциаций. В какой-то мере даже несуществующего образа.

И ведь что должно наверняка показаться странным: я совсем не боялся сойти с ума. Тогда. Совсем не так, как сейчас. Когда подобный страх сначала подбирается достаточно осторожно. А потом захватывает. Подчиняет себе Я. И даже, несмотря на то, что ты (как будто бы) ждешь – это все равно случается внезапно. Достаточно внезапно, чтобы попытаться опомниться. Попытаться что-либо противопоставить ему. И ты даже счастлив, что оказываешься в подобной власти.

Должно быть, нет ничего страшнее безумия. Нет ничего страшнее ощущения начала конца. когда ты как вроде бы еще и живешь. Но это уже не жизнь, а лишь существование.

Но ты и не ищешь ничего другого. Хотя и нельзя сказать, что тебе это нравится. Просто, должно быть, ты воспринимаешь данный факт – как нечто должное. И в случившемся с тобой – совсем не видишь даже повода для какого-то беспокойства. Да и отчего должно быть именно так, а не иначе? Ведь это (в какой-то мере) вполне можно выдать за некую предрасположенность, ну или, -оправданность,--иллюзиям. Былым иллюзиям. И вдруг,-- внезапно свершившимся.

Тяжелее всего было ожидание. Ожидание неизвестности. Ведь совсем нельзя было предсказать того, что должно было случиться завтра. И наоборот,--почти не приходилось сомневаться в том, что завтра – все будет точно также, как и сейчас. Теперь. Сегодня.

И это – нисколько не добавляло уверенности в том, что все пройдет действительно гладко. Ровно. Без (дополнительных) потрясений для психики. Потому как я уже был почти уверен, что просто так ничего не отдав взамен, покинуть столь специфическое заведение мне не удастся. Но тогда уже почти обрисовывалась (в некотором роде) новая задача: необходимо было элементарно выжить.

Все дело в том, что (после побега Ворона и компании) сменился главврач. Вместо (в принципе приятной) женщины – пришел сморщенный (от злости или от старости?) старик, по виду – типичный параноик, да еще с некими – маниакально-шизоидными девиациями.

Вероятно, его желание (о котором он нам неприминул известить) сделать нашу жизнь «сложнее чем бы то ни было» в какой-то мере увенчалось успехом. Произошел еще один побег (точнее – неудачная попытка), схожее (по своей неудачливости) самоубийство, и нападение на санитар-охранника. (Почти не берем во внимание ряд «сопутствующих» факторов политике правления проявлений, как то: общая повышенная нервозность, участвовавшие драки между заключенными, рост числа издевательств над слабыми и убогими, и даже – обострение характерных для них заболеваний у «настоящих» больных, то есть тех, которые в отличие от большинства контингента безбожно «косивших» - были действительно больны, страдая тем или иным нарушением психики. Так вот эта самая психика теперь у них «расстроилась» еще больше. Что добавляло еще больше теней в общую мрачную картину обстановки столь специфического заведения, в котором волей случая мне пришлось находиться).

17.05.85.

Насколько может показаться странным, но я в какой-то мере мог быть и благодарен своему неожиданному «заточению». И все же мне кажется, что все это было своеобразным следствием некоей, если можно так выразиться, предсказуемостью того внутреннего содержания, от которого, быть может иной раз – и страдала моя психика. (Скорее, как раз психика воспринимала это как нечто должное. А от последствий подобного поворота событий страдал я сам).

И уже как бы то ни было, но мне приходилось вносить серьезные коррективы в собственное поведение. Я даже, бывало, страдал из-за него.

Но уже вскоре выработал определенную жизненную позицию, благодаря которой стал способен все воспринимать значительно лояльнее, нежели, быть может, это вообще было возможно. Другими словами, я приспособился к обстоятельствам. Заставил их работать на себя. А значит – это и был своего рода успех. (Тем более что жизнь – это тоже успех. Если учесть, что ее могло и не быть. Вернее – в один момент – не стать).

И ведь не сказать, чтобы я тогда (в то время – время моего нахождения в СИЗО) «благодарил» судьбу. Скорее – клял ее последними словами. Но тем не менее – я просто обязан ей и сказать спасибо, за ту возможность стажировки, что предоставила мне она. Потому как вполне мог я заключить, что данный опыт – оказался весьма кстати. Позволив приобрести достаточно своеобразные навыки. Которые оказались теперь навсегда со мной. Да к тому же способны были принести с собой своеобразные дивиденды. Оказав неоценимую услугу в трудную минуту. (Если бы таковая случилась).

Но что же я тогда приобрел от общения с контингентом, с которым волей случая почти два года должен был общаться? Да, наверное, тот своеобразный язык, на котором теперь вполне свободно мог изъясняться). Да еще ни с чем не сравнимую уверенность. Которая теперь повсюду сопровождала меня. И от которой же, иной раз, я искал спасения. Спасения, быть может, и не нужного.

01.06.85.

Так случилось, что почти в одно время с отцом мы оказались в одном месте. Вернее, - в одном общем направлении (этого места). Тогда как, конечно же, мы и не могли с ним пересечься. Хотя бы потому, что он был в лагере. Да еще и в Средней Азии. А я «на больничке». Хотя эта «больница» и называлась «принудкой» (принудительным лечением). А до самого лечения, конечно же, не доходило. Да даже, вероятно, и в планах ни у кого не было. (Да и разве лечат в тюремном отделении психиатрической клиники?).

Мне совсем было не страшно. Даже наоборот. Я как-то достаточно быстро стер в своем сознании грань между привычной жизнью номенклатурного ребенка (наблюдавшего за миром сквозь специфическую призму спец.распределителей: недоступные обычным смертным – поликлиники, столовые, базы..),--и той средой, в которой я внезапно оказался.

Вероятно мое «избранничество» (как сына своего всевластного отца) в какой-то мере сверлило меня. Хотя бы бессознательно. И я очень хотел оказаться среди простого народа. Испытывать все те трудности, что испытывал он. И уже верно потому, - судьба удивительным образом «насмехнулась» надо мной. Бросив меня в жернова пенитенциарной системы. Уже как бы не спрашивая меня самого, и вынуждая вкусить жизнь во всех ее (скрываемых от меня доселе) проявлениях. Но уже то и странно, что как будто бы именно этого мне не хватало. Именно все подобное – оказалось как раз кстати. И я неожиданно нащупал почву. Уже как вроде бы и ушедшую от меня. Верно (где-нибудь в подсознании) я и сам удивлялся: как случилось так, что именно в подобной среде, обстановке, я стал чувствовать себя вполне нормально. И должно быть было

немалое удивление у моих родителей (да и всех родственников), когда я написал им (а быть может и сказал на одной из «свиданий»), что чувствую себя вполне нормально. Как мне кажется – они нисколько не успели порадоваться за сына. А быть может даже наоборот – весьма удивились. И конечно же не поверили. (Да и смог бы поверить я сам – на их месте – скажи мне такое...). Но что до меня, то я, верно, должен был бы быть счастлив. Потому как совсем исчезли все те признаки, что каким-то непредсказуемым для меня образом склоняли проводить параллели с симптоматикой психологических заболеваний, чуть ли не явственно намекая на какую психопатологию.

Почти что разом оказалось, что ничего подобного у меня нет. И я уже почти не вспоминал о той пустоте, которая была у меня. Заставляя искать (и не находить) места. И совершать порой неадекватные поступки. (Одним из следствий которых, вероятно, и было мое помещение сюда).

Что еще пошло мне на пользу? Так это, вероятно, практика (хоть и не люблю я этого слова) по психологии. Умение достаточно быстро распознавать типы (характеры) людей, предугадывать, на что способен каждый из них – практически неопределимо в среде, где я находился. Это было своего рода залогом выживания. Умение реагировать на обстоятельства – способно было помочь элементарно выжить. Притом что условия тюремного содержания – предъявляли дополнительные требования к собственной безопасности. Вынуждая все время находиться во включенном сознании. Потому как – можно было расслабиться совсем не вовремя, и оказаться или с «заточкой» между ребрами, или с удавкой на шее. А то и просто – обронить (ненароком) слово, из-за которого в последствие может разгореться настоящая война. Или между тюремными кланами («семьями»), или – с администрацией. Которой поступит – «нужная» ей – информация.

Вообще, если сказать, что напряжение было вполне естественным состоянием моего (да и не только моего) тогдашнего положения, то, думаю, достаточно четко выражу свою мысль. Был постоянный накал. Опасность сказать (или сделать) «что-то не то». И при этом – нельзя было показывать и вида, что испытываешь нечто подобное. Ты должен был выглядеть достаточно расслабленным, чтобы никакой твой сокамерник ничего не заметил. Иначе вполне может зародиться мысль: а почему ты так себя ведешь? А если почувствуют слабину – то почти наверняка попробуют сыграть на ней. Чтобы подчинить тебя. Ведь в подчинении другого – своего рода и заключен как смысл существования большинства «пассажиров» (сокамерников), так и возможность кому-то из них «подняться». Над тобой. И – за счет тебя.

07.06.85.

По всей видимости, как раз с тех своих юных лет во мне стали назревать противоречия, которым я поначалу всячески сопротивлялся, а потом наоборот – научился использовать в свою пользу.

Но на самом деле, должны были пройти годы, пока я действительно осознал: как извлекать пользу из, казалось бы, изначально проигранной ситуации.

А чуть позже, вероятно, и сам – всячески стимулировал возникновение подобной ситуации. Нахождение же мое в том специфическом месте, где я тогда оказался, – в первую очередь, конечно же, сопутствующая той среде обстановка, – способна была расставить акценты по выявлению тех черт характера человека, которые он, быть может, и мог (искусно) скрывать в обычной жизни. Здесь же складывались действительно довольно специфические условия. Вы постоянно находились на виду. В вас, при случае, могло «впериться» (всмотреться) до сотни глаз. Просвечивая насквозь и не давая ни малейшей возможности что-либо скрыть. Потому как сыграть почти было невозможно. Фальшь чувствовалась сразу. И гниль, которая у некоторых присутствовала в душе – тотчас же заставляла их проявлять свое естество, тотчас же отбрасывая подобных субъектов вниз по социальной лестнице пенитенциарных заведений.

Другими словами, для меня это была школа. Знания, которые я никогда бы не смог почерпнуть из учебников. Своего рода – практикум. Где всего лишь одна допущенная ошибка – могла поставить крест на вашем существовании. (Причем, – или на существовании вообще, или же – на более-менее сносной – каковая у вас была доселе – жизни; в одночасье вас могли превратить в ничтожество. «Зачмырить» или «опустить»). Но и тогда люди проявлялись – кто-то мирился с подобным положением, махнув на себя рукой. А кто-то – «шел» под пули, выходя на «запретку»).

Мне сравнительно повезло. Я не только выжил в подобной среде, но и достиг какого-то авторитета. Благодаря которому в какой-то мере обезопасил себя от различных поползновений. Происков врагов. Которым – в заведении подобного рода – мог стать каждый. А чаще всего тот, кто еще вчера смеялся, соглашательски кивая и поддакивая тебе. А сегодня – уже предает тебя без зазрения совести.

10.06.85.

Вероятно к тому же периоду (как видится – я стал рассматривать свое нахождение там как некое обязательное зло) относится моя своего рода – благодарность возможности собственных философских измышлений. И прежде всего, конечно же, на первое место выходила сама способность размышлений подобного рода. Своего рода – дар, который не только был всегда со

мной, но и коему, конечно же, я должен был быть благодарен. И, собственно, я и нисколько не считал, что так быть не должно. А что до благодарности – то подобное смог осознать (все же) значительно позже. Когда начал сопоставлять все изменяющиеся (и предоставленные жизнью) факты. Причем уже имеющийся у меня опыт – пришлось как нельзя кстати. Можно было даже сказать – что именно его мне и не доставало. Потому как теперь я располагал своего рода оружием. Способным помочь мне разобраться в первую очередь с самим собой. Понять – себя. В какой-то мере даже – выявить те слабые стороны (собственной психики), которые могли негативно сказаться (а значит и, в последствие, влиять) на дальнейшее существование. Которое я, конечно же, хотел сделать достаточно сносным. (По меньшей мере).

11.06.85.

Иной раз все шло настолько удачно, что я (бывало) сдерживал себя, (зачастую) выдумывая какой-либо негатив. И (стоит заметить), подобная ошибка достаточно долго сопровождала меня. Мою жизнь. И ведь я даже не думал, что кто-то мог жить значительно лучше.

Мне кажется, это была, своего рода, достаточно странная запрограммированность на неудачу. Вернее – на невозможность испытывать, постоянно испытывать, счастье.

И должны были пройти годы, прежде чем я сумел распознать (собственную) ошибку. Зачем?.. Почему?.. Отчего я считал, что все должно быть именно так, а не иначе?.. Неужели мою жизнь действительно окружал сплошной праздник, чтобы начать бояться его?.. Ведь уже позже мне приходилось предпринимать невероятные усилия, чтобы только удержать психическое здоровье в какой бы то ни было подобие нормы. Да, да,- именно так. В какой-то момент моя психика отчего-то решила, что с ней не играют (вероятно, в игру – я собирался все обратить поначалу), и отозвалась (выстрелила в ответ) рядом достаточно серьезных симптомов. Которые уже готовы были привести меня к настоящему (психопатологическому) расстройству сознания, личности. Вероятно, дав в какой-то мере волю собственному бессознательному. Которое тотчас же отозвалось рядом внушительнейших (вышедших наружу, проявившихся) пороков. До поры до времени дремавших (глубоко) внутри. А теперь почувствовавших право на... легитимность.

Что это было? Действительно ли я сам был виновником (своих) бед? И неужели ничего не мог предотвратить? Но, опять же, если я сам это вызвал, то выходило – и не должен был так уж сопротивляться. Зачем? К чему было спохватываться тогда, когда все уже действительно было поздно? Ведь стоило только начать сопротивляться раньше. Да и можно было совсем не допускать чего-то подобного. Хотя...

12.06.85.

Я почти был уверен, что все то, что приключилось со мной, было сродни какому-то страшному сну. Причем и страх-то его заключался ни в каком-нибудь страшном да коварном смысле, а, скажем, в некой почти обязательной предсказуемости, выполняемости того что «снилось». И нельзя было никак защититься. И невозможно было спрятаться. И пожалуй вовсе нереально было попытаться избегать «кошмаров случившегося»... Оставалась лишь только – смириться. И, должно быть, даже и не пытаться, не стремиться особо противостоять суматошному бегу времени.

Тем более, что я почти и не обладал ни на йоту какими-нибудь таинственными возможностями, могущими дать мне силы противостоять, казалось, неминуемому. А за всеми ожидаемыми свершениями – угадывалась достаточно уверенная рука провидения.

Мне предлагалось вступить в бой. Заранее проиграть. И к тому же еще быть и согласным на поражение.

Возражений (каких-нибудь гипотетических) не принималось. Сомнения – не приветствовались. Отчаяние... интересно, а что же было с отчаянием? С тем возможным отчаянием, что почти наверняка должно быть возникнуть у меня. Выступить, например, следствием некоего образа; почти неминуемого (и неудержимого) в фазе своего возникновения. И точно также – нереального в пути (возможности) предотвращения наступления чего-то подобного.

13.06.85

Мне почти не приходилось сомневаться, что я смогу извлечь пользу из своего заточения. Вероятней всего, в какой-то момент, - я заставил себя верить, что: не все так страшно. Что если нельзя что-то повернуть назад, то (по крайней мере) можно попытаться хоть как-то завуалировать происходящее. Снизить значимость. Дезавуалировать это самое происходящее. Снизить излучение, исходящее от него. После чего, - можно просто перестать (его) замечать. Как бы – не обращать внимания.

Насколько подобная тактика могла возыметь свое воздействие? Насколько было реальным запланированное мной?.. Отчего-то хотелось верить, что все это, как минимум, имело право на существование. Имело, что называется, место быть.

Но почему тогда мне, иной раз, становилось необъяснимо больно? Почти нестерпимо больно от ощущаемой «несправедливости»?

К тому же, уже почти невозможно было что-то изменить. И вероятно где-то бессознательно мне предлагалось смириться. Попытаться свыкнуться с положением, в которое я был поставлен (вероятно все же) провидением. Ведь как бы то ни было, не очень верится мне, что я способен был

сам себя загнать в угол. Все-таки хотелось верить, что это произошло совсем минуя (моей) воли. Как бы – бессознательно. Независимо от (наличия) существующего желания.

Мог ли я на самом деле противостоять наличию обстоятельств, в которые я (оказывался) загоняем? Были ли возможности попытаться вырваться из того, что уже становилось... становилось достаточной реальностью, чтобы хотя бы попытаться не замечать что-то подобное.

Наверное, сам себе я задавал слишком много вопросов. Вопросы, на которые почти и не требовались ответы. Вопросы, уже в самой форме которых заключался (таился, скрывался) ответ. И мог ли я желать чего-нибудь иного? Зачем?!

20.06.85

Так вышло, что собственная память как-то незаметно (и не спрашивая) отправила детали того времени пребывания в какие-то свои особо потаенные отсеки. Оставив только какие-то крупные, масштабные воспоминания. Словно какой невидимый кукловод – надеялся таким образом убрать с поверхности сознания какой бы то ни было прошлый опыт. Стремясь, быть может, чтобы заново пережили его. Или наоборот,-- совсем бы его же забыли.

Но я все помнил. Причем, большей частью, выходило все достаточно произвольно. Даже неосознано. Словно даже и без моей какой воли.

Но вот когда потребовалось, вспомнил все я достаточно явственно. И мельчайшие картинки, словно кадры из мозаики, тотчас же образовали своеобразное полотно из воспоминаний прошлого.

Да и ни абы какого – а достаточно конкретного периода собственной жизни. жизни, которую, быть может, я и стремился забыть.

Как-то выходило, что на фоне достаточно серьезных (если не сказать – авторитетных, что было в данном случае неким синонимом) личностей, попадавших мне в тот период (которые волей providения оказывались в том же месте что и я) и, так выходило, старались первым делом сделать что-то, чтобы «отметить» свое присутствие где-то неподалеку от меня),- встречались и достаточно забавные субъекты, весь факт существования которых обозначался одним лишь (собственным) присутствием; и которые, вероятно, никогда и не имели каких конкретных целей,- нежели чем элементарное желание: выжить. И в их исполнении,- подобное могло (только) быть,- ежели бы (как полип) оказались бы они рядом (на-, в-) человека, изначально располагающего большими жизненными дарами, чем они.

Причем, конечно же, ни о каком смущении (или «неловком» чувствовании) даже не могло быть и речи. Все воспринималось как должное. Словно – и должно было так быть. Что же до каких-

то там сомнений?.. То мне кажется, не возникало даже и вопросов о чем-то подобном. Все воспринималось как (нечто) должное. И – достаточно, наверное, предсказуемое. (По крайней мере мне так казалось).

И вот уже забавно было вновь (хотя бы в памяти) встретиться с ними вновь.

Среди них как-то особо выделялись несколько. Ну, например, Юра. По кличке (которую дал ему я – уж слишком он смахивал на героя одного из мультфильмов) «Говорун». Помните?.. «Птица Говорун, отличается умом и сообразительностью...». Так вот (по крайней мере, внешне) Юра был необычайно похож на своего мультяшного героя. Лет, этак, должно быть, 35-40, достаточно высокий, с какими-то безумными (внутренне с ним было «все в порядке». По моему, шизофреник) глазами, полуплысым, прилизанным черепом, и достаточно бесформенной фигурой. С заметным животом и обвисшим (массивным) задом. Создавалось впечатление этакой «восьмерки».

И ведь при этом – он необычайно много говорил. Причем чаще всего – спонтанно, непредсказуемо (для невольных слушателей) и совсем (большой частью) нежелательно. За что был часто бит. Пока я не взял его под защиту. Взамен... впрочем,-- люди (из контингента) всегда для меня делали что-то взамен. Причем я почти никогда и не стремился к какой бы то ни было выгоде. Все должно было получаться достаточно неосознанно. (Для них... как, должно быть, и для меня...).

Мне помнится, у Юры была достаточно хорошая поддержка со стороны. С воли. «Передачи» ему всегда отличались достаточной изысканностью. (И, - на фоне коммунистического дефицита, - завидной стабильностью присутствия деликатесов)э

Что Юру еще, пожалуй, отличало – так это его поразительная преданность. Помнится, даже я всерьез не отнесся к его подобным заверениям. Но когда возник соответствующий случай, - чуть было не пожалел о собственном бессердечии.

Кстати, в какой-то мере мое «бессердечие» было не иначе как защитной маской. Будучи (от природы) необычайно ранимым – я просто обязан был искать определенные способы сохранения (собственной) энергии. Потому как – была серьезная опасность в ее (возможной) рас трате. И чтобы подобное не произошло – мне следовало как раз, пожалуй, и принять схожие меры. Защиты, если хотите.

Задумывался ли я над тем, что таким вот отношением я порой серьезно ранил вынужденных общаться со мной? Пожалуй, я просто обязан был не замечать возникновение подобных мыслей. Размышлений. Быть может даже скрываться, прятаться от них. Или их – от себя.

То есть другими словами, - я достаточно искусственно старался быть грубее, невежественнее, неотесаннее - чем было то на самом деле. И действительно, тут ничего не скрывалось, нежели чем некая личная, индивидуальная оправданность легитимности подобных (защитных) механизмов.

А от какой бы то ни было борьбы (даже любой формы ее проявления),- я просто вынужден был уходить. Так было спокойнее. Мне. Вот так вот...

Помимо Юры-«Говоруна», мне достаточно запомнился еще ряд персонажей. Например, «Филин». Сейчас даже не припомню, как его точно звали. Да и было ли у него вообще имя? И, несмотря на то, что «Филином» этого парня назвал я,- сравнение было настолько точным, что как бы его собственное (и настоящее) имя отошло в тень. Потому что он стал себя так и называть, представляясь.

Схожесть с ночной птицей была удивительна. Толстые (как бы навыворот) губы. Слегка трясущиеся и оттягивающиеся на подбородок. Обвислые щеки. Необычайно (словно специально) выпученные глаза. Да и речь,- в отличие от Юры-«Говоруна»,- достаточно сумбурная. Так что практически большей частью все догадывались, о чем тот хочет сказать, чем реально слышали. Чему, вероятно, «Филин» и не противился.

Его я тоже взял под свою защиту. И даже не потому что он был мне для чего-то нужен. Или вообще мог пригодиться. Нет. Совсем даже нет. Я просто почувствовал беззащитность «Филина». Его незащищенность от контактов (агрессивных в своем роде) внешнего мира. Мира, устанавливающего законы подчинения. Подчиненности. Необходимости подавления личностных качеств. Амбиций. В одночасье ставящихся вне закона.

Еще мне помнится, был Саша Одинцов. Держался он несколько в стороне. В какое бы то ни было общение пускался неохотно. И поначалу даже трудно было его отнести к определенному кругу. Нет, конечно же, ни к «больным», ни к «чертям» он не относился. Был даже, пожалуй, ближе к «блатным». И в какой-то мере должно быть считал себя таковым. Хотя, если честно, мне кажется что причина, мешавшая ему примкнуть к определенному лагерю – заключалась в нем самом. В его психике. Достаточно необычной психике. Диктующей какие-то свои (странные и загадочные) законы.

Однако я нашел с Сашей (Одинцовым) язык. Что до тем бесед, то, как помнится, сошлись мы на любви к белогвардейскому движению. Дореволюционной России. И к сожалению относительно того упадка,- а большей частью именно формированием нового класса, мещан-пролетариев,- который навязывался советской властью. Это (мнение) приходилось держать в тайне. Но в том заведении, где встретились мы, в какой-то мере подобная правда получала права на существование. Допускалась. Хотя и, безусловно, особо не популяризировалась.

Какое-то время я достаточно близко сошелся с Артуром Артуровичем. В прошлом это был полковник спецназа. Сейчас – пенсионер. Военный пенсионер. Так что было ему, вероятно, лет 45-50. Быть может чуть старше.

Лысый, с удивительно прямой спиной, ясным (и в то же время цепким) взглядом и периодически возникающей на его лице смущенной улыбкой. Причиной возникновения которой, - как я узнал, - была контузия. Несколько лет назад они задерживали одного преступника-террориста. Вместе с другом Артур Артурович тогда возвращался из отпуска (на службу) и в купе поезда дальнего следования (жил он на юге, в деревне Стародеревенковской, а служил на Севере, в Архангельской области) с ним оказался один рассерженный (на кондукторов) пассажир. Который вероятно спутал контролера с какой-то другой проверкой, и вместо билета (или как ему показалось что требовали паспорт) выхватил гранату.

В суматохе (это уже большей частью мое предположение, Артур Артурович на этом месте рассказ пресекал) преступник успел выдернуть чеку. И в живых остался только Артур Артурович, или успевший выпрыгнуть сам, или выброшенный взрывной волной в окно.

В общем, он отделался только контузией. А при прыжке – поезд только набирал ход, отойдя от станции – успел сгруппироваться (прыгать с поезда следует, - как он рассказывал, - спиной. А опасность – попасть в столб. Которые в параллельном порядке расположены вдоль железнодорожного полотна).

Артур Артурович держался достаточно независимо. Дружбу, вероятно, водил только со мной. Хотя и общение наше происходило большей частью на уровне подсознания. Потому как был Артур Артурович почти что глух. Но научился читать по губам. (Хотя, вероятно, все же что-то и слышал. Иной раз – больше имитируя эту самую «глухоту»).

Мое знакомство с Артуром Артуровичем произошло при достаточно любопытных обстоятельствах. Помнится, был какой-то теплый денек, и администрация дала добро на наше нахождение в прогулочном дворике. Это был своего рода квадрат (быть может даже прямоугольник), с кирпичными стенами по бокам и железной сеткой (с пущенной по ней электричеством) сверху. Туда выводили сразу после утренней поверки (пересчитывали нас утром и вечером. Перед отбоем. (Подъем – в 6.00. Отбой в 10 вечера.)

В прогулочном дворике уже стояли железные койки. Обеденные столы (вне приема пищи их использовали для игр в настольные игры). Лавки. Там же (в углу) размещался и туалет («дальняк»). Возле которого почти всегда сидел (курил)... «дырявый». Местный «голубой». «Петух». (Его «такса» была невысока. Порой хватало и сигареты – за минет). Причем, на удивление, его услугами пользовалось до 80% контингента. Если мужчину «имеете» вы, а не он вас, это не считается чем-то

из ряда вон выходящим. И ни в коем случае ни у кого даже не возникает намека на вашу причастность к гомосексуализму. За решеткой подобные отношения считаются нормой. За неимением женщин, как говорится.

Так вот, о моем знакомстве с Артуром Артуровичем. Тогда я с кем-то разговаривал. Вернее, слушал очередной отчет своего «бригадира» (молодого парня, которого я поставил страшим над одним из звеньев, звено - пять человек, всего звеньев – два). Как заметил, что привели «новенького». Небольшого роста, лысый (именно лысый а не бритый) череп, прямая спина и – улыбка. А еще – уверенный взгляд. Взгляд человека, даже не рассматривающего получение помощи со стороны. Привыкшего надеяться только на себя.

«Контролер» показал ему «шконку» (кровать), которую можно было занять. Артур Артурович тотчас присел на нее. (У него были больные ноги. После ранения).

Я уже собирался было дать команду «познакомиться» с вновь прибывшим (необходимо было «прощупать» его, и в какой-то мере помочь адаптироваться,- если возникала симпатия,- или «указать на место» - если возникал какой негатив. Информация поступала и от администрации. Что в какой-то мере страховала нас от ошибки), как кое-кто меня решил опередить. На днях к нам поступил Рамал. По национальности то ли чеченец, то ли ингуш. Как-то быстро вокруг него сплотились еще двое «абреков». (Пришедшие раньше). Я даже не думаю что они знали друг друга на воле. Но здесь – сошлись невероятным образом. Называя себя «братьями».

Ситуацию я держал «под контролем». Да и «абреки» мне казались достаточно мирными. (Насколько может быть «мирным» горец). К тому же,- где-то в подсознании,- у меня было всегда некоторое любопытство к кавказским народам. Да и эти ребята – вероятно – испытывали ко мне симпатию.

Не успел я продумать предстоящий вариант знакомства с прибывшим, как «чеченцы» уже окружили его. вернее, тот сидел на кровати, а они стоял над ним.

Находясь на расстоянии полторадесятков метров, я (естественно) не слышал суть их беседы, тем более что таковой и не было. Рамал,- зачем-то потянувшийся к лацкану пиджака «офицера» (как я окрестил прибывшего),- сначала присел, скорчившись от боли, а потом – растянулся на полу, попав на прием. Почти в ту же секунду – за ним последовали и двое его «братьев».

Когда подошел я – чеченцы сверкали глазами, потирая ушибленные места (всех – разные части тела), и, вероятно, сквозь зубы цедили ругательства. Для конспирации – на своем (по крайней мере – не русском) языке.

Артур Артурович же, почти с отсутствующим взглядом, сидел на кровати. Казалось, он даже и не вставал. Причем вполне создавалось впечатление, что (произошедший) инцидент его не касался. И не коснулся вовсе.

Мы разговорились. И я узнал о нем то, что узнал.

Я пошутил было по поводу возможности реванша со стороны чеченцев, но Артур Артурович как будто меня не понял. И действительно, уже на другой день я заметил их (чеченцев и Артура Артуровича) вполне мирно беседующими. Как мне кажется – они даже готовы были подружиться. (Этому помешал перевод всех троих «братьев» на этап. Кстати, перед самым своим «освобождением» я узнал, что все трое – погибли. Были убиты в одной из драк, «разборок», вспыхнувших в пересыльной тюрьме. Отправлялись же они – в Вышний Волочек. Служив в армии, - как я тоже узнал уже позже, - во внутренних войсках. В одной их охран одного из лагерей. И были, вероятно, просто кем-то узнаны. Хотя и «конь» (тюремная почта) работает без сбоев).

01.07.85

Каким-то странным (немного ли – за последнее время – «странностей») образом мне приходилось усмирить свое сознание. Почти независимо от реального положения (предметов да ситуаций) в окружающем мире – я просто вынужден был себя сдерживать. Сдерживать расхолодившееся (готовое и дальше разойтись в бесконтрольной светопляске) сознание. Утаивать – бессознательное. Пытаться (как то) перекраивать формировавшийся образ. Как свой собственный, так и окружающего мира.

Мне отчего-то хотелось чего-то другого. Становилось (слишком) тесно в загоняемых (действительного) рамках. Но верно была у меня и вполне заметная (ощутимая, предсказуемая) беда: я не ведал о (четких?) границах всего предстоящего. Как будто бы – и не надо было даже уверен: что (что-нибудь) способно будет наступить. И уже вслед этому – вряд ли должен был я ощущать (осознавая) истинную природу собственного бессознательного.

Что (на самом деле) скрывалось глубоко в (моем) сознании?.. Что – таилось там?.. Что – позволялось, а что – и нет. И почти за целым рядом возникающих вопросов – скрывался всего лишь один ответ: объяснение (существующего во мне) мироздания. Собственного. Выходящего, - как-то незаметно выходящего, - за рамки вообще – понимания. Вот оно как...

Достаточно характерным явлением для нашего заведения – был Юра. Он был совсем маленького роста (под метр шестьдесят). С черными (короткими) волосами. Достаточно мужественным лицом. И голосом, - впрочем, как и внешностью, повадками, жестами, - похожим на Высоцкого. На голос Владимира Семеновича, которому Юра (как я тотчас догадался) подражал.

Был Юра – рецидивистом. 144-я статья УК РСФСР (по кодексу ССР) – еще и с «малолетки». (ИТУ, где содержался несовершеннолетним) была прописала в его деле.

Сейчас – была его 4-я судимость. А еще три – были (отбыты) как раз «по малолетке». В зоне. Потом – Юра решил «закосить». И последующие три судимости – благополучно оказывался признан «невменяемым». Отмахиваясь – месяцем-двумя «принудки» (т.н. принудительное лечение. А фактически – нахождение «на больничке». А потом – выходя на свободу. Без суда. Лишь с занесением соответствующих записей в соответствующее дело).

У Юры была достаточно «забавная» наколка. («портачка» - татуировка). Сердце – перечеркнутое копьем. Татуировка размещалась под левой грудью. (Там же где и было настоящее сердце). И должно было означать... (Впрочем, интерпретация сего знака – со стороны Юры,- была достаточно забавная. Думаю даже, в ней мало что было от действительности. Лишь, опять же, тот смысловой образ, который вкладывал – или хотел вложить – в это сам Юра).

Кличка у Юры была – «Гастролер». Почему – несколько даже не догадываюсь. Быть может потому что воровал-то Юра все время дома. А отбывал (пусть в последнее время и призрачное) наказание – в другом городе. Тоже, своего рода, «гастроли».

Юра-«Гастролер» как-то быстро завоевал авторитет. Был он шизофреником. (Этакая легкая форма заболевания). И наркоманом. (Шизофрения и была как раз вызвана этим).

Собрав вокруг себя с десяток парней (большой частью уголовников, по каким-то причинам недовольных авторитетом – моим), Юра-Гастролер стал чувствовать себя невероятно вольготно. И к природной уверенности (отчасти свойственной некоторым шизоидным формам) – в его случае добавились еще и некоторая (даже) наглость. Хамоватость. (Хотя, стоит заметить, так было не всегда. И Юра, в принципе, очень даже располагал к общению. Был всегда приветлив. И улыбчив.) Так что – дело было даже не в нем. Не в нем одном. И я несколько не хотел вступать с Юрой в борьбу. Даже в какое бы то ни было противостояние. Но и дружбы как будто бы между нами быть не могло. Слишком реально (пусть и бессознательно) каждый ощущал исходящую от другого опасность. Причем действительно – неосознанно.

Но я несколько не тешил себя, что все могло «спуститься на тормозах». Рано или поздно конфликт все равно должен был произойти. И в моих интересах было это сделать раньше. Пока был готов к этому я. А не – как видится – не он.

Однако Юра был достаточно опытен в подобных «подковерных» делах. Сам опыт «отсидок» к подобному обязывает. Так сказать, тренирует. Позволяет все время держать себя в форме. К тому же совсем нельзя было исключать, что он был наркоманом. И шизофреником. То есть его мозг был устроен совсем не так, как у большинства нас. Да к тому же – дополнительно стимулировался или

«травой» (анаша, ханка) или «чифиром» (крепко заваренный чай, «заварка»). А то и коньяком, который, как оказалось, Юра-Гастролер тоже любил, и который ему доставлял один из охранников. Его земляк.

Итак, мне необходимо было «обезвредить» Юру. Причем, должно быть, не только снизить его влияние, авторитет, даже не просто его снизить, но вероятно и вовсе лишить его того. И так можно было сделать, девальвируя его влияние на остальных. А попросту – «подставив» Юру.

Если честно, делать мне подобное нисколько не хотелось. В какой-то мере мы не только находили «общий язык», но и быть может даже «подружились».

Однако я знал, что в любой момент Юра может предать. Подставив. Причем даже не по своей какой-то воле. А из-за болезни. Ведь и шизофрения и наркомания – это болезнь. Трагедия. Легитимное нахождение в измененном состоянии сознания. А значит – все было достаточно непредсказуемо (для меня, так же как и для других).

Так вышло, что я обратил внимание: Юра слишком часто бывает «у врача». Или общается с одним из «контролеров». (То, что это был его земляк – знал только я. И то – не от Юры, отчего-то решившего на свою беду держать это в тайне, а от бригадира контролеров, Михайловича, который мне отчего-то симпатизировал. Впрочем, как и двое других: Петрович и Кириллович.) И я решил сыграть на этом.

В последующие дни мои люди распустили слух: Юра-Гастролер «стучит» администрации. (Пришлось даже «якобы сдать» санитарам-охранникам одного из своих «подопечных»). Причем выходило, что «сдал» его Юра. «Только он» знал, что у моего человека в кармане была «барбитура». («Колеса», таблетки успокаивающего или анти-депрессивного назначения, оказывающие – при «правильном» применении – наркотическое воздействие).

Кроме того, достаточно тонко я создал еще ряд ситуаций, воздействуя на подсознание некоторых «пассажиров» (находящегося со мной контингента), и создавая какую-то неосознанную (но – как мыслилось – существующую) ситуацию предательства Юрия.

Волна недовольства накалилась. Каким-то шестым чувством Юра это угадывал. Но отчего-то упустил самое первое время, когда быть может еще можно было что-то предотвратить. Сейчас же было уже поздно. Ну, скажем, относительно поздно. И тучи действительно собирались над ним. Я даже прочитывал в мыслях некоторых зеков достаточно явное желание «пописать» (порезать ножом) их недавнего авторитета. Кто-то вполне серьезно предлагал его «опустить» (изнасиловать, тем самым опустив на самое дно в тюремной иерархии, сделать «петухом», пассивным гомосексуалистом). И уже на фоне всего этого, наиболее гуманным мне казалась мысль: просто

лишить Юру авторитета. Перевести его в разряд «мужиков». (Ведь, как мне виделось, реальных доказательств не было ни у кого).

В общем, назревал «разбор». Где Юра,- не в пример прошлому,- должен был оказаться: по другую сторону барьера. Что для него – уже было потрясением. Стрессом. Кризисом. В итоге – он не выдержал «напряжения». И за день до объявленного ему предварительного времени «разбора» - вскрыл себе вены. Что косвенно убедило зеков (инсценировавших разбирательство – я был как бы в стороне) в «виновности» Юры-«Гастролера». Убедило их – в их правоте. В том – что Юра действительно «напорол косяков» (оказался виновным, совершил промах, действие – не соответствующее «тюремному закону», тюремным правилам).

Его перевели в другое место. А я тем самым лишился возможного соперника. Подстраховаться, как говорится, было никогда не поздно. И сама среда вынуждала, так или иначе, подстраиваться к ней. Играть по другим, ранее как будто и непривычным, правилам.

07.07.85

Насколько я вообще был способен обезопасить свои воспоминания? Ведь мне нисколько не хотелось бы возвращаться обратно. И все же – то было мое прошлое. И как-то так выходило, что оно становилось для меня несравненно ближе настоящего. Того, что происходило сейчас. Могло бы произойти в будущем. Отчего-то я жил именно прошлым. Но отчего?

08.07.85

По-моему было несколько достаточно серьезных попыток принизить мой авторитет. Мою значимость. Быть может даже попытаться превратить мою личность в ничтожество. Обратить в минус начинания. Достижения. Саму жизнь. Да и быть может лишить этой самой жизни.

Как раз в том моем жизненном периоде следует искать развитие того качества, что известно как мнительность. Вполне может быть. Вообще я нахожу, что в какой-то мере именно анализ прошлого – способен привести к лучшему пониманию (а то и вообще пониманию) настоящего. То есть себя самого. Устройства (термин-то какой – неживой. Механический) но, тем не менее – устройства собственной психики. И в итоге, это не только достижение гармонии с собой. Но и, что главное, возможность влиять на настоящее. Как раз на то настоящее, что служит залогом формирования будущего.

Как я уже упоминал, с подобными «попытками» моих оппонентов – мне удавалось справляться. В некоторых случаях, как я предполагаю уже сейчас, по прошествии почти полуторадесяти лет, я использовал т.н. превентивные удары. Как говорится: подстраховывался.

Но даже подобная тактика была достаточно оправдана. А то и необходима. Сейчас я как-то не помню точных деталей. Но однажды я проделал поистине гениальную (как мне особенно казалось на тот момент) операцию. Не только рассорив между собой двоих своих бывших (и достаточно влиятельных в той среде, где мы были) приятелей, но и спровоцировал их на физический конфликт. Драку. Притом что как раз вдвоем они должны были напасть на меня. Но...

Если честно, то мне не совсем хочется вспоминать нечто подобное. У несведущих людей (не прошедших подобную «школу») вполне может создаться впечатление о моих не слишком «честных» наклонностях. Каком-нибудь низменном характере.

Однако это было, конечно же, не так. Просто я был вынужден принимать навязываемые мне правила. Играть по тюремным законам: или ты – или тебя.

Неужели мне следовало поступать иначе?..

09.07.85

Стоит ли пытаться бежать наперегонки с судьбой? И что скрывается за стремлением завидной участи? Но если вновь и вновь попытаться анализировать уходящую юность (и, главное, переход между юностью и зрелостью, еще не мужеством, но уже возмужанием), то уже беззаговорочно могу признать: попал я тогда в западню. Западню, инициированную самой жизнью. Точнее – моим отношением к жизни. Той жизни, перспектива самостоятельного начала которой в какой-то степени уже вырисовывалась передо мной. Причем – все было достаточно призрачно. Большой частью – основано на стереотипах и ложных (выдуманных) образах. Образах (а значит и нормах поведения) навязываемых окружающим бытом, отчасти – кинематографом, и, безусловно, литературой.

Но вот что касается литературы – большей частью было все наигранно и недееспособно. И даже не был то плен иллюзий. Потому как эти самые иллюзии – власть – не допускала. А советские читатели – были лишены возможности ознакомления. Они – но не я. Возможности родителя своего я использовал. А потому – и открывались (отсюда) какие-либо другие, новые возможности. Но это было чуть раньше (событий, описываемых сейчас). В юности. А теперь (вернее, - все равно: тогда) я готовился второе десятилетие собственной жизни встретить в тюрьме. И стоит заметить – встретил. Без барбитуры, анаши, водки и женщин. Хотя все это – вполне стало (для меня) возможно достать. Причем плата (могла быть) даже не деньгами – а отношением. А это – я считал несравненно выше. Но именно (возможность) этого – вынуждала меня все время находиться в напряжении. Потому как (совсем) нельзя было расслабиться. Расслабление – могло выйти боком.

10.07.85

Порой мне становилось страшно. Но я мог позволить себе лишь на время придержать в себе страх. А потом надо было избавляться от него. Иначе – чуть-чуть – передержишь его. и – изменялось твое сознание. Становился ты добросердечней. А значит – и ранимей. Даже значительно – ранимей.

А как раз этого и ожидает твой враг. И это не какая не паранойя. Или еще какая схожая симптоматика (начинавшегося?) заболевания. Совсем даже нет. Тюрьма (просто) не дает расслабиться. И не только днем, но и ночью вы должны постоянно контролировать себя. Памятуя, что не только любое сказанное слово может быть обращено против. Но и жест, движение, не вовремя сделанный кивок головой. Или взгляд: отсутствующий да внимательный.

А попадались еще такие любители, которые «специализировались» как раз – на подвохах. Сами говорили – постоянно – двусмысленности. И в словах других – ожидали такого же. И при этом – почти не способны были просто так, нейтрально, впитывать в себя информацию. Оставаясь безучастными. Наоборот – она отскакивала от них. Наполняясь уже новым (и зачастую совсем иным) смыслом. И было это сродни заряженной бомбе. Готовой в любой момент разорваться. И был только вопрос времени: когда?

Инстинктивно не только я хотел держаться подальше от подобных личностей. Хотя это несколько не спасало. Все зависело от того – когда в голове этого, достаточно «мутного» субъекта – защелкнутся какие-нибудь невидимые контакты. После чего – побежит по нейронам новая идея, мысль. И еще через мгновение – найдет она воплощение в словах. Рождающихся – поступках. И (в большинстве случаев) совсем непредсказуемыми бывали поступки. Но чаще всего – уже изначально возникало предчувствие чего-то нехорошего. Гадкого. Мерзкого. И чувство возникало такое, словно обманули годовалого ребенка. Или – потерявшего разум близкого человека.

Я инстинктивно старался держаться подальше подобных личностей. Однако самым безопасным было – подружиться с ними. Вернее – сделать их своими друзьями. Это было залогом того, что каких-либо нападков с их стороны – избежите вы. Однако при случае – я избавлялся от таких людей. Или – сажая их на все большие дозы героина (это были опытные зеки, не первой «ходкой» пришедшие «топтать» зону. А потому – чаще всего наркоманы. Ведь наркотики создают ту самую иллюзию, которой не хватает большинству из нас. А особенно – за решеткой. К тому же наркотики в какой-то мере помогают выжить. Увидеть мир в другом цвете. Что иной раз тоже – праздник). Тем самым – вынуждая дольше находиться в состоянии измененного сознания. А значит – невозможности (в полной мере) влиять на происходящее.

Или же – я использовал таких людей. Их в какой-то мере «искусство». Для отравления жизни негодным. То есть – достаточно тривиально натравливая подобных личностей – на негодных мне. А в какой-то мере и обществу. Ведь почти не было среди нас действительно невиновных. Были невинные перед законом (тем его вариантом, который придумали менты да коммунисты). Но, пожалуй, совсем не было невиновных. Ни перед кем. Так же как практически не могло быть кристально честных людей. В зависимости от того куда повернуть – можно доказать вину любого человека. Весь вопрос – какими критериями мерить. Ведь и убийство негодяя – может быть еще не виной. (Порой от подонков надо избавляться). А обидное слово, брошенное близкому человеку, наоборот иной раз совсем не заслуживает прощения. Требуя – самого жестокого наказания.

Мой почти двухлетний срок – конечно же и не мог привести к моему исправлению. Тем более что и суд меня признал невиновным. Ноя совсем никого не корил. Не писал жалоб. Не скурвился. (Вернее – если не скурвился я раньше – то почему должен уподобляться ничтожеству теперь?!). и, с одной стороны, мог рассматривать эти два года как своеобразную проверку. Духа. Характера. Какой-то даже закалки личностных качеств.

А с другой – мое вынужденное отмежевание от жизни – служило уроком. Уроком платы за когда-либо нанесенные мной оскорбления. Совершенные подлости. Гадости. Принесенные – несчастья.

Ну и, конечно же, я просто обязан был обратить внимание на свое исцеление. Моя (неустойчивая было) психика внезапным образом окрепла. Справедливее сказать – вынуждена была окрепнуть. Потому как – будучи поставленной на Рубикон (перед пропастью) – мне просто не оставалось, как сделать правильный выбор. Я просто в одночасье – лишился возможности (счастливой в принципе) казаться слабым. И вынужден был значительно упрочить (потерявшее было) влияние на бессознательное. Еще более усилить влияние цензуры. Не пропускающей (разом ставшей готовой не пропустить) слабость помутневшего рассудка. Вернее, - начавшего мутнеть рассудка. Моего.

Но это было уже в прошлом. Искусственная мобилизация сознания (вызванная собственным сроком) исцелила меня.

Это вполне можно было признать. Жизнь почти в одночасье заставила играть по другим правилам. Принять (навязываемые) законы.

А значит – не было и времени для сожалений. Приходилось все принимать так – как есть. Вернее – было. Уже – было. Потому как больше я не имел конфликтов с законом. Отсидев как говорится «за того парня». И все для меня осталось в прошлом. Лишь в прошлом. Потому как

память (иной раз) прокручивает пленку назад. Вынуждая меня достаточно философски подходить к случившемуся.

Вот так вот.

Часть 10

03.08.85

Порой мне совсем не хотелось, чтобы время замедляло свой ход. Должно быть наоборот. Пусть мелькает все в суматошном беге. В неподвластном желании, и неразличимом – нашему восприятию. И тогда откуда-то появлялся совсем как будто справедливый вопрос. А вскоре и сам убеждался. Сначала сознанием. А после,- уже сопротивлявшимся сознанием.

Но, то было лишь до поры. Я просто обязан был принимать все: как есть. Было. А что до тени сожаления?.. Так как вроде бы возникала она. Но как-то неуверенно – неохотно. Словно сама сомневалась в своем собственном поведении. После чего – уходила почти без тревог и волнений. Словно было так должно. Предрешено. А то и – уготовано.

Но кем? Я задавал себе вопрос. И не находил ответа. Но оттого – желание разгадки – лишь еще больше мобилизовало меня. И я уже почти не сдерживал себя в желании. И в стремлении... Конечно же,- и в стремлении. Приблизиться к истине.

В последние год – два я жил с ощущением вины. Само это чувство как будто еще и не до конца способно было заполнить мое сознание. Что-то еще могло противиться ему. Но все же, в глубине, в самых потаенных уголках, души, я понимал: будет так продолжаться не долго. И в итоге мне придется смириться.

Но я догадывался: как только наступит это - почти тогда же все и закончится. Потому как – не буду я в состоянии (до конца; верно; правильно; адекватно) оценивать информацию. И наступит лишь иллюзорная неразличимость, расплывчатость. А за ней – и пустота. Та пустота, которую мы если и способны когда бояться – то только образно. Как бы понарошку. Но когда действительно наступает она – мы уже и не способны к восприятию. Реальному восприятию. Восприятию адекватной действительности.

И тогда уже все перед нами – лишь бутафорский миг. Сродни, опять же, все той же пустоте.

И принимая ее – никто и не требует платы. А ведь теперь – никакая плата и не нужна вовсе. Теряется вообще понимание, оценка ситуации. И как-то быстро, подавшись вроде бы и сам не зная

чему – принимаешь новые правила игры. Погружаясь в эту самую игру. И как вроде бы уже и не желая ничего.

Но действительно ли принимая?

Я ведь совсем не хотел говорить чего-то плохого. Сейчас словно остановилось время. И даже некогда, - а то и доселе, - присутствующее ожидание чего-то, что почти непременно должно было произойти – разом даже не исчезло. А перестало различаться. Или это только я перестал справляться с отличием. Отличием от чего-то иного. То же, в принципе, весьма и до невероятности неразличимого мной.

Но стремился ли я изменить данную ситуацию?

Разумеется.

Но отчего-то сейчас замечаю – что и скал достаточно легкие пути. Или же наоборот – до нереальности сложные. Причем, думается, даже боясь задаться целью: задуматься: зачем?

И воспринимаемое словно перст судьбы происходящее: где-то было (могло быть) единственным; что принималось.

01.09.85

Я часто думаю: почему из изначально, в принципе, запрограммированной на успех жизни – вынужден по сей день преодолевать определенные трудности. Стремясь достичь вновь того же, что было, казалось, было дано изначально.

Судьба (если позволить себе верить в судьбу) с каким-то незavidным стремлением вновь возвращается к кругу. К, пожалуй, единственной геометрической фигуре – проявляющейся завидную предначертанность в жизни. В моей жизни.

А ведь так, иной раз, хочется выбраться, вырваться за пределы предначертанного существования. Достичь чего-то иного.

Но вновь и вновь я вынужден задавать извечный философский вопрос: почему?

Если брать во внимание успех, а тем более извечную и уже обозначенную ранее предначертанность – то почти непременно мое сознание натывается на некую расплывчатость понятий. Сути – понятий. И за цепочкой (почти невидимых; ну или, - становящихся таковыми) размышлений – вероятно как раз и скрывается призрачное ощущение гармонии.

Я без сомнений уверен, что все зависит от нашего собственного восприятия. Можно видимо иметь в виду одно – но говорить совсем о другом.

Но, вероятно, даже говоря о другом – мы уже так или иначе натываемся в своем восприятии на истину. Истину – завуалированную действительностью. Истину – так или иначе скрываемую.

Истину, быть может совсем и не предрасположенную к пониманию. К нашему пониманию действительности.

А что за ней?

Все та же – пустота...

02.09.85

Когда отец вернулся – я сразу было и не заметил каких-либо изменений в нем. Но подозревал – мой взгляд был обманчив. Достаточно обманчив. И на самом деле его психика стала другой.

Она просто должна была стать другой. Изменился. Так же как и изменится – восприятие к жизни.

На удивление (большой частью мое, но в какой-то мере – кто его знает) отец достаточно стойко перенес осуждение. Почти в одночасье – он потерял все. Звание генерала. Должность директора института. Положение... Но самое главное – свободу. Почти на семь лет вслед фальсифицированным обвинениям он оказался за решеткой.

Сейчас ему все вернули. Звание Героя Соц.Труда. Распределители.

Но в институт он не вернулся уже сам. Будучи ученым, профессором, понимал: наука ушла вперед. Ее догонять – бессмысленно. А новая предложенная должность (в обкоме) была, как говорится, «не его». Слишком много воды утекло.

Но на самом деле, мне кажется, отец был разочарован в системе. В системе, которой беззаговорочно верил. Системе – предавшей его.

Мне почему-то казалось: он переживал свою выброшенность. Ненужность. Быть даже персональным пенсионером – совсем нелегко: если возраст еще совсем не пенсионный. Тем более – если мозг привык к деятельности. Безостановочной. А энергия, несмотря на пережитое, явно «зашкаливала».

А по всему – я радостью воспринял, когда он сообщил мне о желании писать книгу. И быть может это должны быть не мемуары (что, как я понял, тоже предусматривалось), а вполне научный материал.

Однако, как оказалось, сфера научных интересов моего отца за время его нахождения в лагере поменялась. По всей видимости, вынужденная выброшенность из жизни и должна была отозваться таким вот образом. Наступило переосмысление. В том числе и своего взгляда на жизнь. К тому же, находясь за решеткой, отец совсем не терял времени даром. Используя кое-какие

оставшиеся связи – он получил возможность доступа к литературе. И помимо художественной, – были это источники по философии, теологии, истории, культуре.

Мне кажется, сыграло роль сосредоточение в одной точке множества различных обстоятельств. И уже как бы то ни было, после освобождения и вынесения оправдательного приговора после пересмотра дела - в течении полутора лет отец последовательно защитил две диссертации. И к своей докторской по химии – прибавил кандидатские по истории и философии. А к тому же он написал (еще находясь в лагере) несколько книг. Вернее – рукописных вариантов будущих книг. И, по большому счету, я оказался несколько обескуражен подобным «размахом». А также тем – что отчего-то отец скрывал сей факт от меня. Причем, как я видел, даже не доверял. Нет. Совсем нет. Просто, видимо, арест был для него действительно потрясением. К тому же, у него была расстрельная статья. И дело даже шло к тому. Поэтому вполне вероятно, что все это – должно было привести к серьезному потрясению. Удару – по психике. И уже оттого – вероятно – как некий защитный механизм, психика должна была отреагировать таким вот образом. Сублимировав в творчество – весь тот негатив, который, при иных раскладах, разрушил бы ее.

02.09.85

Я совсем не таился в воспоминаниях. И не страшился ничего. Но вот от чего свербело так от почти нелепого предчувствия собственной гибели. Как будто точно знал – не выживу свой срок. Жизненный. И уйду раньше. А то и – значительно раньше.

Гнал я подобные мысли. Но как-то вяло и неохотно. А они ненавязчиво возвращались ко мне. И где-то в подсознании – смирился я с ними. Так было нужно только для того, чтобы не возвращались они больше. Не хотело того я. Тем более знал – так будет.

Вот только срок все никак не был точно установлен. Думается – между 40 и 50. Или – вначале. 40? 50?

Отчего я уверен, что не прожить дольше? Внутреннее предчувствие?!

И уже как бы то ни было – подгонял я жизнь. Стремился вобрать в один год – десяток. И испепелял изнутри (собственное) сознание. Даже не пытаюсь задумываться – плохо это или хорошо?

Даже мысли (подобной) не возникало.

Как-то незаметно (и ненавязчиво) принималось все как должное. И я уже не стремился – разуверить себя. Зачем?.. Наоборот: я (всячески) убегал от (подобной) мысли. Ведь искать в чем-нибудь спасения – было не по мне. Почти – не по мне. Иной раз – совсем: не по мне. И тогда я стремился всячески отмежеваться от идеи. Отсрочить – наступление мыслей сих.

Благо, что были другие проблемы, от которых думалось.

Я как-то достаточно быстро не заметил, что мысли о сроке начала конца достаточно прочно овладели мной. И, несмотря на то, что оказались они вытесненными в бессознательное, я знал: мне не стоит никакого труда вернуть их обратно.

Но как-то смирился. Не замечал их. Ну или – не хотел замечать.

Но иной раз – я стремился удержать убегающее сознание. Словно было оно – не мое. Оказывалось – чужим. Не моим. Совсем. Как будто бы.

Я готов тогда был пуститься «во все тяжкое». Но внезапно – возвращалось все вновь на круги своя. И тогда...

А иногда я и не успевал насладиться победою. Словно не зависело все это от меня. Словно чужд я становился себе. Но уже знал – о временности происходящего. Подозревал – что не зависело то от меня самого. А значит, не было причин для сожалений. Беспокойств. Треволнений.

И оставалось принимать все как должное. Но вот только – было ли оно? Не выдумал ли я сам все это?

Потому как стал внезапно подозревать: что на самом деле, собственно, ничего и не зависело от меня. Я не был волен – неволить. Так же как и не мог – сопротивляться.

Все шло своим путем. И я должен был – принимать то: как должное.

04.09.85

Когда я стал подозревать, что восприятие окружающего мира уподобляется тому, словно я был: в маске?

И эту маску, этот вымышленный образ – я позволил беззаговорочно напялить на себя. Дал возможность уподобиться собственному величию.

Вымышленному... Конечно же – вымышленному.

Но от того – почти нисколько не таился я осознанию этого. Словно смирившись – с подобным положением. Дав как-то быстро себя убедить в необходимости его. Вот так вот.

05.09.85

Но я сдаваться не привыкал. Правда цивилизация (а еще точнее – цивилизованность моя), да культура,- опять же: среда, в которой воспитывался,- наложили свой (быть может – значительный) отпечаток. Я изменился. Но на самом деле – было это лишь только внешняя оболочка. Наносное. А на самом деле... в душе... я оставался совсем даже другим.

Но таким – о каком, и себе даже не могу признаться.

Можно даже сказать, что по первости (неопытности да малолетству) я еще чурался того, что сидело внутри.

Хотел я спрятать то – глубоко. Быть может даже – попытаться забыть. Ну, или точнее, изжить то в себе.

И лишь только повзрослев: понял как оно должно быть. И с совсем недавних пор даже наоборот – стремился не только удержать имеющиеся качества, но и всячески развивать их. Лелеять. Подкармливать, иногда, разрешаемыми самому себе пороками.

И что быть может кому-то покажется удивительным – я нисколько не корил себя, что стал вдруг таким. Нет, нет, и нет. Совсем даже нет.

Наоборот. Считал я это достижением. Собственным просветлением. Потому как,- (и это знал уж только я),- было все подобное залогом выживания. Сохранения своего Я.

И задачи теперь решались значительно свободней. И проблемы как-то незаметно перестали возникать.

И я было совсем не пытался себе объяснить – в чем суть перемен. Но уже было это – значительным моим достижением. И попробую объяснить почему.

Как в свое время вывел Фрейд – психика современного человека отличается от психики первобытного – цивилизацией, культурной средой, влиявшей на первого. Больше – они ничем не отличаются. Просто современный цивилизованный человек – научился скрывать свои эмоции. А первобытный – нет. (Да и зачем это было ему?)

Но тогда уже, наряду с достижениями цивилизации – современный человек должен был понести и, своего рода, кару. Расплату – за блага. И подобным наказанием было развитие болезней. Психотических (нервных), психопатологических, психосоматических... То есть тех – зоной поражения которых оказалась психика. Она приняла на себя первый удар. Она повлекла за собой развитие заболеваний души (и тела в том числе).

То есть цивилизация расставила своего рода ловушки. И что было действительно тревожно – попадали в эти ловушки люди сплошь грамотные да интеллигентные.

А хамам да негодьям – как-то удавалось обходить стороной.

Подметив это, я вывел (для себя) достаточно простой закон: желая исцелиться – надо на время становиться хамом. Мерзавцем. Поддонком.

Вполне достаточно, если это будет только в душе. То есть, если удастся отыграть подобное состояние. Мысленно. Искусственно. Ведь совсем не обязательно становиться таким же. В жизни. в действительности.

И я начал потихоньку становиться таким. На время. Быть может даже – на совсем короткое время. Почти что миг. И как-то я так приспособился – что хватало и его.

07.09.85

Однако я как-то незаметно сопротивлялся этому. Порой становилось до прогорклости обидно: и тогда стремился убежать я. Но куда?! Можно разве было скрыться от самого себя? Или стоило принять, вместить, вобрать в себя то единственное, что быть может еще позволяло мне как-то выживать?

Но уже вскоре – исчезло все это. Становилось по-настоящему больно.

А боль-то... боль была какая-то... неосознанная... Быть может – не различимая даже.. И тогда хотелось попросту забыться....

Но так было не всегда.

В какие-то разы (хаотично пересекающиеся периоды жизни) я подозревал, что все мои свершения – почти бесполезны, по сути.

Это были устремления к чему-то несуществующему. Нереальному. Быть может даже – иррациональному.

И тогда вслед уходящему мигу – стремился я насладиться своим затуманенным сознанием. Так и не реализовавшимся сознанием.

И где-то вслед этому – еще теплилось у меня желание – разрешить загадку «сфинкса».

Хотя «сфинксом» тем – был я сам.

11.10.85

Отец почти ничего не рассказывал о жизни – в том мире. Словно хотел забыть – семь лет. Словно пытался попросту выбросить их из жизни. И я ни в коем случае не стремился «разговорить» его.

Я вообще никогда не стремился навязывать свое присутствие. Как-то ненавязчиво оставляя человека наедине с самим собой. Вероятно – как любил находиться сам.

Но за чередой пронесившихся лет, видел я потаенную грусть. От того что все вышло так, а не иначе. От того что невозможно было удержать уходящее мгновение. От того что был мой отец такой, а не другой.

Но вот что меня поистине всегда в нем удивляло, так это возможность совмещения диаметрально противоположных качеств.

Внешне отец всегда казался веселым. Точнее – оптимистически настроенным.

Но быть может знал только я – что была это, своего рода, маска. Скрывавшая – сентиментальность. Да романтизм.

Эта самая маска - была непременно и достаточно вынужденной. Защитной. Прочной, надежной, вынужденной – защитой.

Без нее – тот, который скрывался в душе – совсем бы не прожил. Точнее – не выжил.

И потому в минуты накатывающегося на него безумия (что почти однозначно случалось, когда он давал волю своему бессознательному, пускавшемуся в пляс благодаря ослаблению цензурных оков Альтер-Эго),- отец становился бесконтрольным и неуправляемым. Казалось, он пытался в короткий миг (сколько длилось алкогольное опьянение?) выплеснуть все подцензурные страхи. Которые он вынужденно загонял вглубь себя.

Но так было лишь иногда.

Я даже думаю, отец сам боялся такого состояния. И достаточно неохотно шел к нему.

Быть может даже – это была поистине вынужденная мера. Ведь мало кто из поистине талантливых людей – стремиться расслабить себя.

И уже тогда – необходимость постоянно держать себя в строгости – было чем-то сродни обязанности. Безопасности. Да, да, скорее даже безопасности.

Потому как, в существующем мире мы стремимся все время контролировать себя. Опасаясь проявить качества, которые могут не только не правильно интерпретировать окружающие. Но и воспользоваться ими.

Что до меня, то я был, вероятно, точно таким же. Насколько могу сам себе признаться – почти постоянно жил с ощущением тайны. Тайны, которую держал в глубине души. Тайны, так или иначе довлеющей надо мной. Тайны, иной раз изъедающей меня.

Но мне нельзя было открыться. Совсем нельзя было даже признаться в существовании ее. Словно если случится так, то выйдет она наружу, а значит... а значит ей смогут воспользоваться окружающие. Среди которых могут быть и совсем нечистоплотные люди.

И я не знал насколько долго смогу удерживать это в себе.

Но, вероятно, все же тяжелее было отцу. Почти в сорок лет лишившись всего. Всего, что, надо заметить, достиг самостоятельно. Без какой-либо поддержки извне.

И оттого, уже мне, становилось еще обидней. За обстоятельства, поворачивающие колесо жизни в одну им известную сторону. За обстоятельства, над которыми мы как-то внезапно теряем контроль. Над обстоятельствами, способными превратить нас в ничтожество. Стоит только поддаться им.

И потому приходилось все время контролировать себя. А значит и не дать проявить личностные качества в полной мере.

Но вот что касается отца... Я всегда восторгался удивительной способности его совмещать как будто и не совместимое. И тогда если опросить людей знавших его, то почти наверняка предстанут перед интервьюером различные ответы. Личность отца характеризующие. И сложится мнение, что не об одном и том же человеке идет речь. А о совсем разных людях.

И здесь, вероятно, придется отделять людей как вроде бы близко его знавших, от случайных знакомых. Однако иной раз случается, что «случайный знакомый» знает об интересующей вас личности несравненно больше. И связано это с тем, что как раз перед «случайным» человеком можно позволить себе не сдерживаться. Открыться. Тем самым поведать о себе несравненно больше. Нежели чем «удастся узнать» тому, кто думает что знает вас. Хотя знание это зачастую заключается лишь в том, что общается этот человек с вами больше по времени, чем кто другой. Но ведь «длительность общения» нисколько не синонимична знанию. Также как и пониманию. И это только призрачную надежду рождает. Да и только.

А на самом деле...

На людях отец никогда не показывал того, что было на самом деле в душе.

Быть может считал то слишком личным, чтоб доверять кому.

И уже от него, можно сказать, перенял и я ту способность. Но, правда, не в совсем той степени, как хотелось. Ему. Но он видел – то, что видел.

А мне должно было становиться стыдно, что на самом деле я не до конца соответствовал образу,- некое подобие, ну почти что копия,- что создал он – у себя – обо мне. Нет. Пусть как бы иной раз не хотелось мне, на малые доли не соответствовал я. Хотелось бы... Но – не было этого.

А мне... Тогда мне, если честно, было почти как-то и не до этого.

Да и, признаться, не понимал я до конца.

Но и нисколько не расстраивался из-за того...

Можно было сказать даже, наполняла меня какая-то нелепая самоуверенность. Ошибочная, в своем роде. Но чтобы знать о том,- (или, если хотите, догадываться),- следовало пройти тот жизненный путь, что есть у меня сейчас.

Притом что и сам-то стал понимать я только недавно; только в последнюю очередь – нежели чем должно бы быть.

И это была действительно серьезной ошибкой, стоящей мне...

И уже от этого, было мне еще отвратительнее на душе. Потому как знал я: ничего, совсем ничего не стоила мне та ошибка. Кроме одного – предательства близкого человека. Предательства, которое он и не воспринял-то так. Боялся. Не мог. И внутренне меня прощая – ему хотелось верить в хорошее...

01.11.85

Была у меня одна «забавная» черта, от которой не уверен, удалось ли избавиться доселе. Вероятней все же как дамоклов меч нависает она надо мной. Руководит поступками. Направляет мысли. И даже почти невозможно сказать, сам ли повинен в существовании ее. Или – хочу избавиться, да не могу.

А суть вероятно в следующем.

Была своего рода игра. Характера ли, психики? Но это вот желание играть – рождалось все же само собой. Как-то независимо от собственного восприятия действительности – все как будто внезапно поднималось во мне и закручивало психику в достаточно странный хоровод мыслей, поступков, желаний...

Вероятней всего, эти самые желания... Желания были направлены на то, чтобы вначале причинить себе какой вред; поставить как вроде бы в совсем безвыходное положение. Чтобы потом – наоборот – всячески стремиться выпутаться из него.

И иной раз случалось – дело заходило совсем далеко. Загонял себя я,- в самый настоящий угол. Так что (вроде как) и надежду терял совсем: смогу ли выпутаться.

А потом наоборот... Выбирался.

Потому как – мобилизовался, тогда я, полностью. Находя (и несуществующие вроде) резервные возможности психики. И, вероятно, уже они спасали меня.

Спроси кто меня: зачем поступал так я – и ведь не ответил бы.

Не потому, что не знал сам. Хотя вроде как и совсем не знал. Но уже с другой стороны, выходило, что расчетливо я действовал. И словно искусственно вызывал в себе подобное состояние.

Быть может,-(но зачем?)- это необходимо было мне.

По всему выходило – что так.

Но... ведь не было ничего этого. Да и – не могло быть.

А за стремлением сделать себе хуже: было даже не это. совсем не это. но тогда что?..

01.12.85.

В какой-то момент я стал понимать, что попадаю в тот же капкан, в котором оказался чуть раньше – мой отец. Вероятно, как раз этим объяснялись его периодические протесты против пошлости. Засилья – ничтожества. А я, помнится, когда видело нечто подобное «в его исполнении» - то отчего-то наоборот: принимал точку зрения других. А не его.

И это поистине было страшной ошибкой. Ошибкой, всю пагубность которой я смог оценить лишь позже. Когда уже быть может и исчезла необходимость в моей поддержке.

Собственно говоря, могло ли быть иначе? Вернее, было бы до необъяснимости замечательно, если бы так (когда?) произошло.

Но ведь это все – почти такая же утопия. Как, должно быть, и вообще мое существование. Существование, ошибочность наличия которого я осознавал и раньше. Но только в какой-то мере сейчас понял истинную сущность всего, предназначавшегося мне.

Но вот отец... отец не таясь бросал в лицо ничтожеству – что оно ничтожество! А глупцу и проходимцу (удивительным образом иной раз сочетающиеся понятия) – не подавал руки. А то и – выливал (смачивая хитренькие глазки и подхалимскую улыбочку) в лицо рюмку водки. Бокал вина. Шампанское. Вермут. Виски. Самогон... Все то, что было тогда на столе. Потому как – случалось «откровенничать» ему таким образом – на банкетах, вечеринках, да прочих праздничных мероприятиях.

На которые неизменно приглашали его. И во время которых же – все становилось на свои места. Или,- иными словами,- принимало привычные очертания. Те, которые и должны были быть. Но из-за свойственной большинству ложности да стыдливости – так или иначе принимаемой за вежливость да интеллигентность – зачастую молчаливость да завуалированность всем, чем только можно. То есть – тактом. Тактичностью. Гуманностью... Хотя, удивительно, насколько порой смысловое значение одного слова подменяется другим. Вообще, гуманность, интеллигентность, тактичность – достаточно явственно бросается в глаза синонимичностью понятий. И это одна из ошибок, потому как, на мой взгляд, тут уже подменяется одно – другим.

Но так, должно быть, можно при случае оправдывать себя. Других. Объясняя боязнь говорить правду – гуманизмом. Тактом. А еще опаснее – порядочностью. Нет. Конечно же, нет. Это трусость. Вполне типичная трусость. Но, зачастую, трусость вызванная не страхом присутствия какой-то опасности, а боязни вызвать недовольство окружающих. Выйти из привычного стереотипа. Навязываемого, как, впрочем, и принимаемого, обществом. То есть, своего рода, почти точно такая же «вынужденная» мера – как и – случай с предыдущим примером. Причем, в данном случае, совсем не требуется какого-то разрешения конфликта. Он образуется или не образуется – сам. По себе. И какое-то влияние извне – бесполезно. (Иной раз – для него же самого).

Но я был, конечно же, не таким.

И даже больше того – относился к людям на редкость снисходительно. Словно и не замечая их слабости. Нелепые привычки. Общую приниженность жизненной позиции. Недостаток, недоработанность – ориентации. То есть уже изначально – все во мне было настроено именно на снисходительность. Хотя также, как и отец – знал: вокруг бездарность да ничтожество. Людишки... Людишки... И от этой мрази иной раз чернело в глазах. Но я боялся... Я порой до ужаса боялся поддаться общему (напрашивающемуся) настрою. Боялся даже – не перестать играть в навязываемую обществом игру, а опуститься до безразличия восприятия этого самого ничтожества. Перестать замечать его.

Нет. Так было нельзя. Потому как означало бы это, что в какой-то мере я сам уподобляюсь этой грязи. Мрази. Грязной – мрази. Вокруг.

И так было, конечно же, нельзя. Следовало удивительнейшим образом не забывать контролировать себя. Но на фоне не показываемости, сокрытия напрашивающихся выводов – все равно делать, обязательно продолжать делать их. Но только – как бы – про себя. Ограничивая прорывающиеся возможности. Желания. Камуфлируя их чем-то, по возможности, нейтральным. А то и,- чтобы окончательно сбить с толку,- странным да загадочным. Абсурдным. Необъяснимым...

02.12.85

Случалось иногда – я действительно начинал приближаться к пониманию. Себя. Я был почти уверен в том, что таит собственное подсознание. Что хранится там достаточно ответов. Главное, как мне думалось (да почти уверен и до сих пор) – там было то, что могло мне помочь понять себя. Внутренний мир. Мир, который иной раз бывает закрытый. И в нем не просто прячется – а теряется, без надежды на возврат, - теряется то, что еще можно, как думается, было бы извлечь наружу. На поверхность. На поверхность – сознания. «Достучавшись» до глубин подсознания.

03.12.85

Мне совсем не нужно по-настоящему отчаиваться. Можно даже признаться, что я боюсь подобным образом признаться самому себе. Потому как – почти наверняка это будет означать и исчезновение всех тех завоеванных позиций, которые я отобрал у собственной психики. У отступавшего – сознания. В какой-то мере даже, - у разбушевавшегося подсознания. Потому как – почти нет ничего страшнее, кроме как признания в собственном бессилии. И, должно быть, опасения признаться в подобном – еще меня держит. Способно держать.

Но как будет дальше – я совсем не знаю. Точнее – не могу быть уверен. И мне кажется, что все трудней и трудней приходится в борьбе с психикой. Направившей для меня несколько необъяснимое желание – к дисгармонии.

А отсюда – совсем рукой подать и до катастрофы. До превращения в некое амeboподобное существо. Без каких-либо выраженных целей. Задач. Проявлений эмоций.

То есть почти означает это – смерть. Психическую смерть; совсем не отличающуюся, иной раз, от смерти биологической. Физической. И уничтожение личности – наверняка (по крайней мере – для меня) страшной.

Но вот как случится на самом деле?..

15.02.85

О чем, быть может, сожалею... Достаточно поздно осознал: способ избавления от зла, перекраивающего мысли – литература. Творчество. Сублимация в творчество – приносящая удовлетворение. Избавление. Избавление от кошмаров, бреда, и... помешательства.

Так случилось, что открыл я то для себя. И с настойчивостью в конец запутавшегося человека – пытался избавиться от того. Выплескивая на страницы причину затуманенного разума. Все то отвратительно неизведанное, что совсем и не должно было открываться. Совсем незачем. Незачем добиваться того – для самого себя. И несмотря на довольно мрачные периоды собственного бессилия – знал я – одерживаю победу. Просто потому, что это был единственный путь. А другого – и не дано (как будто)...

Но все было бы так просто... Начинаясь безумие совсем не готово было отступить. Смириться – с запланированным мной – поражением. И потому наша борьба просто обречена была на (вечное?) продолжение.

Да хотя бы и потому, что победа любого из нас: означала (интеллектуальную или физическую) смерть для другого. А такого допустить...

Совсем скоро мир вокруг меня стал принимать иные очертания. Стремясь, было, поначалу этому как-то противостоять – я наконец-то осознал, что подобное мое поведение тоже своего рода ошибка. Но ведь и потакать ему было бы не совсем верным. Что же тогда стоило делать?

Как ни странно – ничего. Ну, или почти ничего. Как-то незаметно открыл я для себя, что решение, иной раз, лежит на поверхности. И вроде как совсем не предрасположено к собственному «разгадыванию». А если случается такое – то происходит вроде как само собой. Так, что в нашем сознании и не откладывается сей факт. (Словно произошел он независимо ни от кого. А значит и не требует какого бы то ни было разрешения).

Случается, так происходит – что за беспорядочной чередой хаотичных мыслей как будто и скрывается истина. Но зачастую она завешана пеленой стольких ненужных вещей, что вовремя и не замечаешь ее смысл. А когда навряд бы и случается такое – то уже наоборот: пропадает способность распознать (в открывшихся частицах гениальности) ту единственную первооснову, что позволит в дальнейшем выстраивать цепь действительно необходимых умозаключений. Почти каждое из которых будет необходимо.

Что есть, по сути, мое творчество? Не думаю, чтобы в полной мере способен был то я сам осознавать. Но и создавать ребусы, должно быть, тоже бы не хотелось.

И уже тогда, желал бы я вырастить читателя. Своего – читателя. Способного понимать – непонимаемое. Непонятое. Нераспознаваемое. Но, по сути, что с того, что стал я писать. Ведь, в первую очередь, надо это было для самого себя. А уж потом – для тех (духовно близких) людей, которые быть может попали в ту же ситуацию, что и я. Людей, переживавших начало внутреннего сумасшествия. Начало того небытия, которое, вероятней всего, было обеспечено. Еще одним этапом. Безумия. Собственного – безумия. И тогда уже, если собственный пример способен кому-то помочь избежать – как будто бы намечаемого, своего рода миссия могла быть выполненной. А задача, на само деле вероятно никогда и не ставленная – разрешенной.

Но вряд ли,- думается мне сейчас,- доходил в своих мыслях до подобного. Само творчество – действительно рассматривал (мысленно... мысленно...) как – исцеление. От бреда собственного небытия. И чем дальше я мог отдалять – как-то все равно наступаемое – тем просто я обеспечивал возможность жизни. В первую очередь – собственной.

И в этом деле мне совсем не нужны были помощники.

(Хотя,- были ли они?..)

22.12.85

Подступает, порой, убеждение в собственном бессилии. И даже ранее нащупываемое как будто бы решение – уходит в сторону. Грозит – исчезнуть совсем. А я знаю, что стоит толк начаться такому: и не смогу уже удержать. А расписываться в собственном бессилии?..

Самое время подыскать какое новое решение. Но вот беда – что-то внезапно начинает мешать. Как будто угадывается само собой. И уже отсюда – близится и вовсе затуманенность перспективы будущего.

И тогда рождается справедливый вопрос – а какое оно должно быть? Ведь не каждое будущее – необходимо. А если возможно внести коррективы... так вроде бы и ошибочно от этого отказываться. Или – незачем. Попросту – незачем.

К собственным тридцати годам (прошел уже почти десяток...) я наконец-то почувствовал, как-то интуитивно нащупал – верное решение. Нет, пожалуй, еще было далеко до какого-то истинного понимания. Но уже появилось видение проблемы. Ситуации. Или все же... все же это была проблема. Пусть и не достаточно четко выраженная. С какой-то стороны – и не существующая вовсе. Но сам факт ее присутствия – оправдывал и кульминационную череду различных ассоциаций; рождаемых, опять же, упоминанием наличия сего факта.

Но так было, опять же, с одной стороны. Наблюдать, если, с одной плоскости. (Почти не стоило надеяться на многомерность изображения. Признавая лишь его существование).

А с другой – проблемы, как будто бы, и не существовало. Ведь почти наверняка насколько не чувствуют даже внутреннего недовольства, весь этот мещански настроенный плебс, недоумки, - сознание факта собственной ничтожности коим мешает, выступая своего рода – заград.отрядом: интеллект. Отсутствие оно. И вот тут уже напрашивается почти что парадокс (парадоксальность) бытия: несколько и не нужного для подобных – амебоподобных – субъектов: какое бы то ни было восприятие проблемы. Они просто не видят ее. Не различают. Не отличают грань потусторонности – и достаточно явственного реализма. Бросающегося в глаза. И совсем даже не требующего доказательств в обратном. В существовании обратного. И даже более – оно воспринимается как нечто неправильно существующее. Ошибочное. Своего рода – ошибка. Ошибка уже собственным существованием определяющая возможность наличия какого-либо иного факта. Обратного. Но – обратного чему?

И ведь, если пытаться смотреть только так – действительно вроде бы и нет ничего больше. Ничего, как вроде бы, и не выходит из норм. Из норм – привычных. Восприятия. Бытия.

Стереотип... стереотипное мышление угадывается лишь только если смотреть таким вот образом. Ни в коем случае невозможно тогда различить нечто большее. Выходящее за рамки подобного восприятия.

И уже если смотреть иначе, если попытаться откреститься от вымышленного (и на само деле обманного и обманчивого) восприятия, то откроется перед нами иной мир. Тот, который предложенным ранее способом и не увидеть вовсе. Не понять. Не оценить. Не разгадать совсем – предложенного. Фактора. Оценки.

И так вот, если смотреть теперь по новому, все напрочь меняется. Ничего не узнаваемо уже. А мир... окружающий мир отвратительно плох. До тягучей и ноющей боли – безобразен. До «без сомнения» - безнравственен. Грязен. Отвратительно нереален.

И тогда уже поистине беспутство, что он как раз такой и есть. Неразличимо невнятен – своим существованием. И в подобной всеподчиняемости своей нелепости – имеет почти такое же право на существование, как и тот... другой... Быть может лишь только за совсем малым исключением - подобное видение дано разгадать далеко не каждому. Для подавляющего большинства – все выглядит достаточно ясно, четко, понятно, осознанно... И лишь только незначительной части – поистине избранных – доверено постигаемое приближение, приобщение, выход – за глубины подсознания. И как раз в этом бессознательном – скрыт ответ на, зачастую, не задаваемый вопрос. Находится... разгадка...

Почти необъяснимо для меня выходило,- что достаточно долго принимал я за истину – существование первого слоя собственного восприятия. Ии весь мой анализ, в своем роде ошибочный да неудачный, сводился к тому, чтобы научиться как-то подчинить то производное первого слоя, что было. Что – являлось мне.

И вот ведь – подспудно (как будто бы) и угадывал, что что-то не так. Но не привыкший отступать – наступал, в стремлении разрешения. Быть может даже больше стремясь ответить на собственный вопрос – почему? Но вот что было действительно – «почему»? – так это то, почему я не оставил, не осознал всю пагубность существования несуществующего. Нет, себя, конечно же, не корил. В какой-то мере – это даже больше сподвигало на собственные свершения. Измышления. Большой частью, как оказалось, ошибочные. Но уже так необходимые. Оправданные. Ставшие – таковыми.

И произошло так оттого, что наметился новый – и совсем иной – путь. Способный действительно вывести меня из лабиринтов сознания. Точнее – подсознания. (Сознание осталось там, на первом уровне. Оно, вероятно, отказывалось понимать существующее. Но и задача заключалась, своего рода, в выключении его. Только чтобы не мешало. Не мешало...)

23.12.85

Мне думается, что почти наверняка, способности к подобным измышлениям были продиктованы условиями существования. В какой-то мере – трудностями, испытанными, испытываемыми, и в будущем – ожидаемыми.

Хотя, конечно, идеальный вариант (просто – имеющий право на существование) заключался в предотвращении наступления чего-либо похожего. Но, с другой стороны, ничто и не могло мне до конца мешать. По сути – не могло. По принципу. По... Но – мешало.

Я не разрешался стремлением к предотвращению начала. Хотя и достаточно явственно понимал – всю пагубность наступления сего факта.

Но если честно, порой, в большей мере я задумывался над тем, что пришлось пережить отцу. Ведь – в отличие от меня – он всю жизнь занимался, как он признал, совсем не тем делом. И будучи человеком достаточно талантливым – он попросту выбрал направление, которое ему было доступно (звание профессора, генерала, должность директора НИИ и медаль – Героя Социалистического Труда говорят сами за себя),- но не настолько близко, как, должно быть, та же: философия, коей он мог позволить себе заниматься только на пенсии. И ведь, по сути, достаточно явственно напрашивалась вынужденность ситуации. Ведь мало кто ожидал, что практически в одночасье рухнет выстроенный мир. Причем на первый план выйдет даже не поспешность свершившегося. А, если позволить себе заметить, основательность осуществимого. Так, чтобы совсем невозможно было вернуться не только обратно, но и быть может даже и в жизнь. (Как-то обронил отец фразу: сколько стоило ему уйти от высшей меры...).

И вот тут как будто бы вступают в силу совсем иные варианты.

Словно бы иная жизнь (даже не зеркальная, а потусторонняя) неожиданно вдруг получила единственный шанс, коим и воспользовалась. И то, что должно было произойти и раньше – действительно получило право на существование. То есть в какой-то мере – априори выступила (загнанная чуть ранее в угол) закономерность. И все вернулось на круги своя. Правда... пройденные годы... Но ведь, должно быть, совсем было бы ошибкой утверждать что свершаемое ранее было бесполезно. Нет. Считать так, поистине достаточно опасно заблуждаться. Причем на самом деле, и почти точно также достаточно трудно было бы утверждать что именно из-за того, что первоначально был выбран такой путь (каков он на самом деле был) – сейчас, как раз сейчас – и не стало возможно то, что возможно. А само обращение к философии именно на этом отрезке жизненного пути – и будет наиболее продуктивным. Необходимым. Эффективным. (И вот в этой самой необходимой эффективности – мне как раз и несколько и никогда не приходилось сомневаться).

24.12.85

Порой – мне хотелось сделать для него – что-то хорошее. Необходимое – ему. Я поймал себя на мысли – что совсем не помню: благодарственные глаза отца. Так выходило, что всем только и надо было что-то от него. Всем – в том числе и мне. Но наряду с этими безликими «друзьями» - совсем неожиданно (для меня... для меня...) терялся и я. Смущался – ровной затуманенностью образов. Превращаясь – в точно такую же – безликость.

И вот что было (и теперь будет навсегда) – я нисколько никогда вообще не задавался вот этими нынешними мыслями – тогда.

Отчего-то принимал все как должное. Не чувствовал, не осознавал – наличие – присутствия благодарности. Оправдывая, иной раз рождаемые подсознанием, намеки – собственной жизни. словно дал он ее мне – а у меня совсем не спросил. И не нужна она мне вовсе. А раз пришлось мучиться – то в чем же тогда благодарить его – должен?

И ведь за всей абсурдностью существующих мыслей – должно быть и впрямь: что-то скрывалось... Но совсем не мог я тогда разглядеть – «что»? Да и хорошо – в какой-то мере – когда-нибудь это мне осознать. Быть может даже – мысли подобные – подогревают тепло рождения собственных измышлений. Не только оправдывая необходимость их. Возможность существования. Наличие рождения. Но и в какой-то мере – вообще: способствуя выстраиванию подобных умозаключений. Располагая к ним. Всячески... располагая... к ним...

А ведь, по сути, я гад и мерзавец. Но пытаюсь оправдываться тем, что если не хотелось (разгадав? Вероятно разгадав!) родителям использовать дополнительные попытки к изменению ситуации, так быть может где-то бессознательно рассматривали они наличие подобного факта существования в том, что и... необходимо оно... А?.. Насколько правомочно сейчас отметить подобное мнение? По крайней мере, оно не только имеет право на существование, но и в какой-то мере, способствует дальнейшему пониманию самого себя. Меня, то есть...

Да я нисколько сейчас и не хочу отказываться от сути подобных измышлений. В какой-то мере это тоже, своего рода, запланированный итог.

Но что таится за ними?.. Справедливее, должно быть, разгадать то, чем вызвана запоздалость «открытий»? Отчего нужно было так, чтобы понимание пришло позже. Несравненно позже. Тогда как, в какой уж раз думаю сейчас – стоило бы «прозреть» мне ранее...

Но, по всей видимости, и достаточно распространенной ошибкой было бы идеализировать фигуру отца. (Равно как и матери). И, видимо, выходило так, что на тот момент (момент, растянувшийся на десятилетия – в описываемых мной воспоминаниях) я и действительно не замечало ничего, что могло бы – изменить мое поведение. Ведь вел я себя так, как считал нужным. Тогда. А все нынешнее признание ошибок...

Но так может размышлять действительно чудовище. Будущее быть может и дано – чтобы человек научился,- (поумнев),- распознавать собственные ошибки. Совершенные – в прошлом.

А преимущества литературы – в том чтобы донести ошибки до других поколений. Не дав совершить. Наступить на уже обозначенные грабли.

И в это я в какой-то мере и должен был видеть свое предназначение. И в этом же видел свой путь отец. Вот только вызывало сожаление что до сих пор так и не удалось обществу воспользоваться трудами его. Но думается мне, это вопрос времени.

По всей видимости, тогда уже стоило задаться целью задуматься: почему он вдруг расхотел публиковать собственные рукописи? Первоначально как будто и подготовив те? Что таилось, скрывалось за этим? Почему-то казалось мне, внезапно посетившее отца опасение что смогут прочитать их не те люди. Быть может – неготовые к такой вот правде. Ведь за неготовностью могла скрываться невозможность оценить. Вынести компетентное решение. А любая критика для его возраста – а главное, психики – могла быть чревата.. Своими, пожалуй, слишком предвиденными последствиями.

Коснуться истории – скольких гениев погубило мнение глупцов! Один Андрей Белый (Б.Н.Бугаев) чего стоит.... А где-то там и Булгаков, и Пастернак, и Платонов, и Ходасевич, и Блок... Выстраиваются в печальный ряд – Гумилев, Цветаева, Бабель, Мандельштам... В прощальной колонне – вырывавшиеся из плена мракобесия – Бунин, Гиппиус, Максимов, Владимов, Солженицын, Войнович, Аксенов... История...

27.12.85

Хочу исправить ошибку. Раскаиваясь – вновь возвращаюсь к прошлому. Прошлому, из которого как бы выпал образ матери. Или был – не совсем правильно сформирован.

Порой подступает ком обиды. Впечатление появляется, что готов я изобразить своих родителей совсем не такими, каковые они были.

А когда пытаюсь исправить допустимые ошибки – вроде как и вовсе пропадает их изображение.

Или подается мной в искаженном, и на само деле в искаженном виде.

Что была для меня мать? Сколько ни пытаюсь объединить разрозненные воспоминания – почти осаждаю себя: все не то. Не так. И даже более того – приходит почти точное убеждение, чтобы не рождалось в моей голове, как бы я ни пытался, как мне кажется, достаточно точно изобразить ее образ – видение ошибочности всего происходящего ясно, слишком ясно – встает передо мной.

Скрыть это невозможно. Изменить – ошибочно. Вот, разве что, попробовать перевести... в иную плоскость восприятия? И уже тогда – мать моя совсем даже мне не мать. Нет, конечно же, я всегда ее считал своей собственной, родной матерью. Хотя такую, как оказалось, она мне не была.

Женщина, которая меня родила, и которая по праву считается биологической матерью – погибла. Мне тогда было всего несколько месяцев отроду, и помнить ее даже при всем желании я не мог. Хотя мне, должно быть, очень хотелось. Вернее – хотелось бы, чтобы это произошло сейчас. Мне бы очень хотелось бы увидеть ее фотографию (по каким-то неизвестным причинам в доме нашем не было ни одной). Услышать – рассказы о ней. Чтобы, быть может, попытаться восстановить, точнее – заново нарисовать, - ее образ.

Но так видимо было совершенно невозможно. Отец, повинувшись какому-то совсем необъяснимому желанию, скрывал от меня правду почти тридцать лет. Женщина, которую я считало своей матерью, и вовсе до сих пор предпочитает молчать. Братьев-сестер у меня никогда не было. Бабушки и дедушки вероятно никогда бы не сказали мне всей правды, находясь под полным влиянием (как я считал и считаю до сих пор) отца. Кто-либо другой – рассказывать мне о том тоже не решался.

И это при том, что узнал-то я обо всем достаточно случайно. Притом так, что первое время (растянувшееся почти на год-два) я нисколько не был уверен в поведенном мне. И должно быть, тот кто хотел сохранить тайну – сделал все, чтобы эта самая тайна – оставалась такою. По крайней мере я всегда ощущал силы необъяснимых (наступавших) противоречий, мешающие разобраться в переданном мне «открытии». Казалось, все было направлено на создание во мне убежденности: в вымышленности полученной информации. Как будто была она, и ее – не было. Как будто наступало ощущение какой-нибудь иллюзии. Иллюзии – в ошибочности – подлинности правды. И, вероятно, я готов был поддаться зову спускавшегося на меня убеждения, и чуть ли не убедить самого себя что ошибся. Ничего такого и не было. Но стоило мне действительно начинать разувериваться, как словно наступало внезапное прояснение. И уже вся эта ложность да призрачность уходили на другой план. Почти что в небытие. В некую потусторонность. И в плоскости искаженного изображения подступало ко мне истинное (как я внезапно догадывался) видение проблемы. Проблемы, которая таковою, конечно же, не являлась. Потому как это тоже было – достаточно

затуманенным обманом. Обманом собственного бытия. И что мне тогда хотелось больше всего – так это узнать настоящую правду. Правду, к которой я, собственно, всегда и стремился.

Когда я родился, моя мать была одинокой женщиной. но почти библейскому сюжету мешало одно обстоятельство – у меня был отец. (Мой, мой, собственный отец). И правда была в том, что был мой отец женат на совсем другой женщине (той, которую. Я столько лет считал – и в какой-то мере продолжаю считать – своей матерью). Тогда как моя истинная мать... Моя родная мать – была одинокой женщиной. По-моему, она никогда замужем и не была. К возрасту моего рождения (и почти вскоре – собственной гибели) ей было семнадцать. Семнадцать лет. Сама почти что еще ребенок. Да еще и приходилась племянницей моему папаше. (Истинному кровосмешению мешало то, что она была не родной племянницей. Дочерью второй жены его брата. Летчика-испытателя, погибшего при одном из неудачных запусков ракеты: вполне прозаическая смерть – он попал под обломки космического аппарата, разорвавшегося на старте).

Для меня совсем необъяснимо было – как все вышло у отца с племянницей. Это было почти государственной тайной. Для меня. И все мое стремление хоть что-нибудь разузнать – наталкивалось на такую волну отчуждения со стороны родственников (вероятно – все же запуганных отцом. Как, впрочем, и теми, под незримым которых он находился). Да меня, признаться, что-то и удерживало предпринимать действительные усилия. По каким-то необъяснимым причинам – я как-то быстро смирился с существующей тайной. Не пытаюсь проникнуть дальше, чем то было разрешено для меня.

Даже о смерти матери я готов был довольствоваться достаточно туманным объяснением. Знал только что ее убили. Но кто? За что? Почему? Как это произошло?

Просто в один из дней ее нашли с простреленным сердцем. И количество выпущенных пуль (семь) говорило об убийстве. (Кстати, вместе с матерью оказались убитыми и ее мать и ее бабушка и дед и даже какая-то подруга ее матери, приехавшая из другого города и в тот злополучный день – произошло все днем, выходным днем – оказавшаяся в их загородном доме. Кстати, достаточно любопытная деталь: отец в тот же день – попал в аварию. Причем водитель его – погиб. А он – лишь волей случая оказался жив – в искореженной машине: они врезались в резко затормозивший грузовик с прицепом, перевозившим трубы.

Инстинктивно предугадывая число тайн – большее, чем намечавшихся ответов – я как-то незаметно для себя создал вокруг всего того, что было связано с собственным рождением – частокोल из табу. Но и даже после подобных запретов, какая-то предательская мыслишка нет-нет да пыталась пробиться к сознанию. Желая, видимо, привести к общему осознанию произошедшее.

Но видимо я сам был к этому не готов. Нет, с одной стороны, я ни когда не отличался какой-либо закоренелостью. Был даже, своего рода, противником того. И при определенных условиях – вполне мог взорваться вполне искренним гневом, перемешивающимся с негодованием и злостью – если даже только подозревал что нечто подобное может случиться.

Но вот с другой стороны... Почти где-то на уровне бессознательного... что-то незримо указывало на то, чтобы я и не ворошил прошлое. Нет. Не то... У меня как будто создавалось некое ощущение... что при всех моих попытках (насколько их можно считать – полноценными?) я наталкивался на (для меня) необъяснимое внутреннее сопротивление. Словно вот-вот я приблизился к тайне, а психика предостерегает от подобного шага. Пожалуй, действительно так: я чувствовал – не запрет, не нежелание поверять мне что-то, - а именно предостережение.

И должно быть это меня и смутило. Остановило. На каком-то этапе – действительно остановило. Хотя и, признаться, я знал: это ненадолго.

Да и, признаться, уже где-то после второго десятка лет – я начал разувериваться в собственной возможности давать какие-то гарантии. Все было необъяснимо – непредсказуемо. Почти с четкой (присутствующей) долей – нереальности. Ирреальности – всего происходящего. И то, что когда-то виделось мне без каких-либо даже намеков на непрозрачность: вдруг совсем необъяснимым (и – неожиданным) для меня образом – пропадало: из видения. Загромождалось в сознании практически непреодолимой (и, главное, так непонятной) дымкой... После чего картина грозила уже измениться напрочь. Полностью. Принять мотивы (и направленность) совсем, даже, необъяснимые.

05.01.86

Какая была моя мать?.. Как-то удивительно, но не осталось не единой фотографии ее. Правда, если честно, мне отчего-то не совсем верилось в это. Но так выходило, что я не искал.

По совершенно случайным, брошенным порой не задумываясь фразам, которые я заботливо укладывал в своей памяти – про запас, для меня самого начал постепенно сформировываться тот образ, который, вероятно, еще был достаточно далек от оригинала. Но мне отчего-то так казалось, что этот мной создаваемый образ – никогда и не будет приближен к первоначальному. Потому что, быть может, в какой-то мере и не существовало вовсе. Ведь разве не выходит в большинстве случаев так: проецируем на как будто бы реальный объект видевшегося нам человека – не какое-либо, опять же, реальное преломление, а лишь только некую нашу иллюзию; создавая в своем подсознании достаточно вымышленные черты. Которые мы, впрочем, спроси кто нас, таковыми – не считаем.

И совсем удивительно, что схожее мировоззрение – вызревало во мне по всей видимости давно. И точно также, совсем было уже интересно для самого себя: когда – в первый раз – пропускал я ростки (столь нового) для себя – видения. Хотя уже, должно быть, на самом деле – совсем как будто и нельзя было отстаивать первозданность чего-либо подобного. Потому как, отчего-то, был я уверен: почва уже изначально была подготовлена. И в создававшихся – годами – условиях: должно было пройти совсем незначительное время (само понятие времени – достаточно призрачно и размывчато), чтобы произошло то, что и должно было произойти.

А я как будто служил неким проводником между существующей нереальностью – и каким-либо истинным положением вещей. Назревавшей ситуации. Намечаемой, но видимо по сути – неосуществимой – программы действий. Решений. Намечаемых – планов.

01.02.86

А вообще-то, ко мне все чаще и чаще подступало призрачность собственного существования. Еще точнее – скорее даже: призрачность собственного восприятия бытия. Действительности. Которую я как будто бы и ни в коем случае не разделял – на существующие в реальности и... потусторонности... И тогда уже, по всему выходило, что именно потусторонность диктовала, начинала диктовать собственные условия. Мне казалось, что именно так, именно так все и было. И не иначе. Да и могло ли что быть совсем по-другому? Ведь я даже не искал уже объяснения. Вернее,-- то, чему я раньше, бывало, искал как раз объяснений – теперь наоборот – принимало форму какой-либо затуманенности.

02.02.86

Знал я: ориентированность на ощущение разгаданности собственного мироздания – почти наверняка должна была приблизить меня к... выживанию.

И пусть не покажется это странным. Да и могло ли создаться такое ощущение? Потому как выходило, что помимо грусти – ничего, совсем ничего – и не должно было быть. И даже сама эта грусть – казалась какой-то необъяснимо затуманенной. Так, словно и не было ее. И – была только она.

03.02.86

Я все больше и больше стремился окунуться в пучины бессознательного. Отчего-то казалось, что это было именно то, что мне было нужно. Что так необходимо было для меня. Чему должно было возрадоваться то, что таилось где-то в глубинах подсознания. Скрывалось там в какой-то

мере. И чему должна было быть положено совсем незначительное нечто – дабы возродить, быть может – оживить то, что наверняка способно было попросту вынуждено появиться. Возникнуть. (В какой-то мере – ничуть и не ожидая согласия. Моего).

Почти неосознанно понимал я: где-то тут – таится истина. Ведь, вспомнить если, с чего начал я эти записи (уже почти два с половиной года назад)? Не с желания ли – заполнившего и переполнявшего меня: исследовать природу несчастий. Неприятностей. Противоречий. Тех противоречий, которые назревали в собственной психике. Затуманивая ее. И приводя – к совсем неожиданным последствиям. Точнее – пока еще (на тот момент) неизведанным. Но наверняка которые способны были привести... Почти ничего хорошего не ожидал я от них. Скорее даже наоборот – ощущение подступавшей грусти от, опять же, осознания – лабиринта. Лабиринта – сознания. Почти неразрешенного (а то и неразрешаемого) лабиринта сознания, - лабиринта, в которое – попало сознание; и уже где-то здесь – маячила судьба: приобщения... Но – к чему?..

Скорее даже – если попробовать перевести мои тогдашние (юношеские) предчувствия в разрез психопатологической плоскости – то явно просвечивалась симптоматика надвигающегося безумия. Сумасшествия. Шизофренического галлюцинаторного бреда. С присутствующими, иной раз, фобическими состояниями. А то и – параноидальными вспышками.

Но вот как раз тут и скрывался, поистине, секрет. Потому как, несмотря на то, что все, нечто схожее перечисленному, я в какой-то мере действительно ощущал в себе, - стоило мне предстать перед действительно специалистами – тут же разом исчезало. Да и практически бесследно. Так что почти и невозможно было уцепиться адвокатам, желающим ухватиться (совместно с врачами) за какой-либо симптом. И, вероятно, в этом «ошибка» была даже больше моя. Но насколько я осознавало тогда свои действия. Или – сказать справедливее – насколько желал я осознавать то, что желали от меня.

Словно включились в моей психике защитные механизмы. И стала она функционировать в режиме, направленном, как ей казалось, на ее собственное исцеление. Ну, или сказать чуть мягче – спасение.

И было то спасение совсем каким-то необъяснимым для меня. Словно сопротивление – одно из защитных механизмов психики – не только включалось в полную силу, но и грозило не пустить распространение всего того, что, как мне казалось, необходимо было: мне же. И уже тогда – готов был я – направить все свои усилия, дабы попросту помочь самому себе.

И вот что достаточно долго оставалось для меня непонятым, - как вышло даже не то, что заболел я, а как в первый раз заметил все то, что позже подпало под симптоматику... заболевания.

И что мне кажется – быть может (да и вполне – а?) выходило так, что и... не болел я вовсе. И даже не было у меня схожести и признаков намечающегося (как я, было, решил) безумия.

Что как будто бы ничего схожего и не было. Да и быть, пожалуй, не могло.

05.02.86

Открыл я для себя, - что почти всегда должен находиться в состоянии бессознательном. Ну, или, - в состоянии пограничном между сознанием и (получившим карт-бланш) бессознательным. И если поначалу приходилось задумываться, чью сторону принять? То сейчас – я почти смирился с существованием в себе двух различных начал.

С одной стороны, мне почти нельзя было выходить за рамки сознания. Подобная практика была чревата нанесением себе достаточного вреда. Потому как психика подвергалась неминуемым самоистязаниям. (И только позже я понял, что это так). Тогда как поначалу находил я: необходима борьба. Вечный – бой. Бой, заключающийся в попытках изменения самого себя. В первую очередь, конечно же, психического устройства. Устройства этой самой психики, о которой думал я... Загадка, что на самом деле думал я. Что думал я тогда. Ведь наверняка, стал я различать, что это все (заметно?) отличается от того, что было на самом деле. И оттого что, значит, думал теперь я.

Не знаю отчего, но мне все же более ближе было приобщение ко всему тому, что давало бессознательное. Так выходило, что поистине озарение случались у меня: только когда я отдал себя на откуп – бессознательному. Подсознанию. Здесь я словно окунулся во что-то близкое и желанное мне. Очутился будто бы в своей среде.

Выходило даже, что я и не хотел (не собирался, не желал) выходить из этой своей среды, принявшей меня. В какой-то мере даже приблизившей к пониманию (а значит – и осознанию) действительности.

А сначала – мощное сопротивление росло в моей психике. Словно что-то мешало, удерживало ее от падения. От – поражения. От того – чтобы пропустить, поддаться – главенствованию чего-то иного. Но – объяснимого.

Но продолжалось похожее противостояние долго. Не на один год растянулось оно. А даже, быть может, обхватило собой десятилетие.

И насколько я замечал – затягивалось противостояние за главенствование сознания и подсознания – настолько же пропадала во мне уверенность, что когда-нибудь разрешится оно.

Должно быть, я мог в какой-то мере разрешить существующий конфликт. Но в этом случае – мне пришлось бы явно принять чью-либо сторону. Да я, признаться, в какой-то момент уже и готов был согласиться на нечто подобное.

Более того – пробовал даже.

Ну в этом случае – конфликт грозил принять еще большие последствия. Разрастись, выйти из (как будто бы) отведенных ему рамок. И в этом случае – я и вовсе потерял бы в дальнейшем способность к какой-либо борьбе. А так как смириться бы не смог – то создавшаяся патовая ситуация могла и вовсе привести к какой-либо катастрофе.

Конечно, я ни в коем случае не оставлял собственных попыток в чем-либо смириться. И справедливо даже было признаться: всяческими способами искал возможности разрешить противоречия.

К счастью, конфликт, противостояние между двумя началами в собственной психике, начал разрешаться сам собой. И при этом я не шел ни у кого на поводу. Не принимал чью-то сторону. Не соглашался принимать (равно как и противостоять) чью-либо защиту. Все словно случилось само собой. (Конечно, так это не было. И самой схожей ситуации предшествовала достаточно длительная работа. И в первую очередь, - все же необходимость, более-менее осознанная необходимость к, собственно, наличию самой возможности необходимости этой самой возможности выбора).

Просто, в какой-то момент я понял: совсем не нужно ломать себя. И если существуют уже эти два начала, два – противоречия, то, должно быть, следует рассматривать их как «плюс». Обязательно как «плюс».

То есть – их надо заставить работать на себя. Быть – за себя. А значит и унять конфликт. (Да он уже и сам, в этом случае, сойдет «на нет»).

Однако, быть может, стоит прояснить суть схемы действия. Извольте.

Еще с юношеских лет я разрывал свою психику в желании необходимости хоть как-то дифференцировать, приблизить понимание ее к какому-либо сознательному восприятию действительности. Прежде всего, конечно же, пониманию этой самой действительности.

Долгое время сделать ничего подобного не удавалось. Я даже не мог по-настоящему надеяться – что это удастся когда-либо.

И, по большому счету, все вообще готово было перейти в небытие (или, - что мне было нужно, - забыться), - если бы – как оказалось, продолжавший назревать конфликт не привел бы к неким печальным последствиям. Заставившим мобилизовать возможности. Собственные. Психики. То есть, своего рода, резервные эти самые возможности.

Но незадача – возможности эти хоть и существовали, но в полной мере включиться (да и вообще – заработать) смогли только по пришествию достаточно длительного срока. (Времени, которое, быть может, уже и не имело такого уж значения).

И даже более того: в психике, в том моем внутреннем состоянии, которое приходилось мне чувствовать да лелеять – начали происходить вполне ощутимые (для этой самой психики) сбои.

Я стал задумываться над тем, чтобы удержать (хоть как-то) в рамках начавшийся распад личности. Личности, которую все трудней и трудней удавалось контролировать. Личности, о которой как будто бы и не задумывался я больше. Вернее, - не мог уже отслеживать былую ровность, нейтральность – ее.

Как раз, должно быть, к тому периоду моей собственной жизни относилась начавшая череда сложностей, которые грозили перерасти в совсем даже не контролируемый порыв: начала – конца.

И вот я, по всей видимости, и ослабил поводья управления. Быть может даже в какой-то мере – упустил (еще не наметившийся, но уже существующий) контроль за бессознательным. Ошибочно полагая, что следует не противиться ему. Не пытаться противостоять силе... для меня достаточно необъяснимой силе.

И это было ошибкой. Ошибкой, которая (если бы я не разглядел пагубность последствий) могла напрочь лишить меня (как, оказывается, было) преимущества. А значит, опять жен, подвести под ту черту, от которой я все время стремился отдалиться.

И уже здесь, должно быть, мне следовало серьезно задуматься. И как вроде бы так почти и произошло. И что-то как будто бы свыше – воспротивилось наступлению этого. Не дало – свершиться. Подмять под себя – начинания.

И я – вырвался из тисков. Оков – надвигающегося... Разобрался, что вполне можно найти компромисс. И даже – не идти на зло. Не наступать – на горло. Не разрушать, не переиначивать, а... почти что смириться.

Но сделать это так, чтобы не заметил никто произошедшего. И спряталось бы все – за метафоричностью бытия.

Я вновь оказался – с присутствием возможности – быть собой. Мне не нужно было юлить. (Что я, по сути, ни когда и не делал). Подстраиваться. Хоть даже под что бы то ни было. А свое бессознательное... Я располагал теперь возможностями – даже не подчинить его себе, - и не смириться с существованием его. А – «подружиться». Прийти в то согласие, которое, по сути, было подчинением. Но не моим – а его. Мне. Но о том... не подозревало...

И при этом понял я, что такая форма существования наиболее оправдана. Я могу позволить себе оставаться собой. И при этом – все равно добиваться, достаточно незримо добиваться, одному мне необходимых (и, по сути, известных) результатов.

И при этом – без назревавших конфликтов с чьей-либо стороны. То есть – существовать в согласии. Необходимом, в общем-то, и мне самому.

Так спокойней, что ли...

Часть 11

01.03.86

Совсем – пронеслись – годы. А мне хотелось, чтобы еще быстрее – проходили они.

Отчего-то (я всегда догадывался отчего) я всегда хотел быть старше. Мечтая накинуть, годков, этак, десять – и минуют проблемы, обуревающие «сейчас» меня. Вероятно, во мне была какая-то интуитивная убежденность: с возрастом встанет все на свои места. Значительно легче будет восприятие действительности. Да уже и сама эта действительность – не будет казаться такой... отталкивающей.

Если прочитать сейчас мои юношеские стихи – почти явно бросался в глаза трагизм бытия. Пессимистичностью было проникнуто все в этих строчках. Пессимистичностью – и совсем даже неверием в будущее. В то, что сможет когда-нибудь измениться.

Было ли так на самом деле?

Наверное, было. Если учесть что поэзия (даже в большей степени, чем проза) - суть наше бессознательное. То, что сидит глубоко, является: скрыто от сознания.

Да стихи и рождаются точно также. Внезапно. И если пробуете вы специально писать: наверняка не выйдет ничего. Кроме, разве что, графоманства.

Потому что поэзия – это то, что находится глубоко внутри вас. То, что неразлично совсем. То, что...

Вероятно, потому я и хотел вырасти поскорее. Стать старше. И в первую очередь – желание то было продиктовано своим позиционированием в глазах окружающих. Потому как только недавно (да и то – лишь в какой-то мере) научился я не зависеть от мнения их. Да и то – чуть ли не убеждая себя: если человек глуп (или интеллектуально неразвит) – к чему мне мнение его? Следует ли прислушиваться к нему? И если что следует – так только лишь: как бы не сделал этот человек какого зла.

Другими словами – я должен был лишь угадывать опасность. Обезопасить в последующем себя от нее. И почти ничего более...

Но к подобным выводам пришел я не сразу. И юность, и молодость приходилось мне бороться с собственной неуверенностью. Неуверенность настолько плотно въевшейся в мое сознание, что до сих пор еще замечаю следы ее. Изгоняю – этого дьявола – из себя. И, как ни странно, помог мне в том отец.

Вот кто был уверен в себе всегда. В любом состоянии. При любых обстоятельствах. И заряжал он этой уверенностью всех. И подчинял своего влиянию тоже всех.

И мне кажется – получалось это у него больше автоматически, чем целенаправленно. По всей видимости как-то интуитивно нащупал он верное поведение. И с тех пор не расслаблялся. Совсем – не расслаблялся. И при любой ситуации – это был сгусток энергии. Энергии – подпитываемой собственным величием. Величием – самопознания.

И никто не мог сломать эту волю. (И даже лагеря не сломили его. И там он был в авторитете. Также как и на воле. Также как и всегда!)

Отец часто учил меня, пытаясь вселить хоть часть того, что было у него. И тогда я стал обращать внимание на тот образ, который ассоциировался у окружающих моей фигурой. То есть тогда, еще тогда, когда они видели меня, но еще не слышали. И замечая изначальный трепет, у кого – ужас. Стремление к подчинению. Но начиная говорить – моментально разрушал я завоеванное природой. Генетикой. Потому как был я необъяснимо добр. Излишне интеллигентен. Невыразимо застенчив.

И уже приходилось бороться мне с подобными качествами. Но не искоренять, а прятать. Припрятывать до времени. До срока. До общения с действительно интеллигентными людьми.

Ведь что характеризует стереотип поведения интеллигента? Забитость! Забитость – его. То, чем пользуются окружающие. И то, что никак не мог я позволить прodelывать с собой.

А значит уже отсюда – во мне зарождались, как минимум, два противоречия. Порой излишняя податливость. И вместе с тем – желание дать в морду – зарвавшимся подонкам.

Вот ведь как.

И совсем необъяснимо, как уживались во мне эти два начала. Но должно было пройти время, прежде чем научился я справляться с ними. Играть. Являя, в зависимости от обстоятельств, тот или иной образ. Образ, почти ничего родственного не имеющего с моим истинным состоянием души. Образ, который должен быть маской – сберегающей меня (мою душу) при контактах с окружающим миром.

Быть может потому, я так любил одиночество. Любил находиться наедине с собой. Предаваться нескончаемым размышлениям. Потому как – это было действительно необходимо. Мне.

02.03.86

Для меня самое страшное – разлад с собой. Практически на грани этого разлада пребывал я в юности. 13, 15, 16... 18 лет – это тот возраст, который прошел под знаком становления некой внутренней мужественности. Поиска – своего «Я». В тот период у меня и не было своего «Я». Нет, – уже проявлялись задатки и воли, и характера, и каких-то еще необходимых качеств... Но это было не то. Не совсем то. Почти – ничего.

А самое важное – я все же интуитивно догадывался: мне просто необходимо сформировать для самого себя модель поведения. Или, опять же, образ. Тот образ (самого себя), которому был я должен следовать. С которым заставил бы других – считаться. Образ, который бы, в принципе, был мой. За небольшим исключением: он был бы – выдуманным. То есть – надуманным.

Но – велика ли трагедия? Насколько мог заметить я – большинство людей живут в соответствии с навязанными им стереотипами.

Своего рода «одурачивание» сознания – начинается с детства. Даже с тех пор, когда ребенок еще не родился. Ибо уже «одурачиваются» его будущие родители. А через них – генетически передается этот самый обман – чадам.

И ситуация эта неизменна: независимо от страны проживания, или от существующей власти. Потому как – напрямую исходит из закона существования цивилизации. Цивилизованности граждан общества. А потому...

К тому же я вполне заметил, что люди готовы обманываться. Они просто предрасположены к этому. Да и, зачастую, живут все теми же образами. Ассоциациями – с тем или иным героем фильма, книг, мультфильмов... Находясь в плену того или иного стереотипа поведения отдельно взятого человека. Причем, чтоб доказать это – совсем не надо каких-либо масштабных проектов исследований. Базу для наблюдений дает наша собственная жизнь. Стоит лишь присмотреться к ней. Повнимательнее.

Иной раз мне становилось страшно от своих «открытый». Но все же это было больше свойственно т.н. первоначальному периоду «ознакомления с правдой». Тогда как уже позже, – я вполне пришел к безобидному заключению: любое мнение лежит в плоскости соответствующей модели поведения. Восприятия этого самого поведения. Восприятия вообще ситуации. То есть другими словами, – если (хотя бы искусственно) не замечать какой-либо ситуации, – не вызывать от нее резонанс в собственной душе – то вроде бы и «все в порядке». Ситуация сглаживается. («Сглаживается» эффект от ситуации). А значит...

Кстати, не поэтому ли рождается определенная порода людей. Уже изначально – «твердолобых». Не привыкших принимать близко к сердцу получаемую. Информацию. Но это так... К с лову...

11.03.86

Почти поймал себя на мысли: почему нет ни строчки о любви? Но уже самому же хочется ответить побыстрее. Чтобы только не возвращаться к этой теме. Потому как... Потому как сформировалась у меня к этому жизненному периоду определенная философия. Которая исключала женщин в собственной жизни. Как нечто чуждо-коварное, и... совсем не нужное.

А ведь геем не был тоже. А что до мнения подобного к женщинам?.. Так, должно быть, это своего рода – вынужденная мера. И сформированная, главным образом, уже к третьему десятку.

Если проследить эволюцию моего общения с противоположным полом, то сама парадоксальность ситуации заставит кого хлопать в ладоши, а кого качать головой. И на фоне с сумасшедшей скоростью пересекающейся смены пристрастий: от безудержного желания – к полнейшей апатичности,- я в итоге пришел к подобному выводу. При этом – добившись всего, что можно только. И потеряв все, что даже не мыслилось.

И уже совсем не хочется говорить о них. Об этом странном племени, имеющим равные права с нами, мужчинами. И так уж вышло, что разделял я их на, своего рода, ряды. Самым близким (и приемлемым) для меня – были женщины-товарищи. Женщины-друзья. Большею частью к ним принадлежали женщины умные. Красота – совсем не важный факт. Быть может даже способный – нарушить привычный стереотип. Фигура – тоже не важна. Хотя более нравится – этакий «мальчиковый» типаж. Без каких-либо округлившихся форм. И, естественно, без сексуальных привязанностей.

Секс в данной категории,- столь любимой мной,- исключался. Полностью. И это максимально располагало к общению. Приоткрывая запредельные границы сознания (как, впрочем, и бессознательного; значительной долей которого – разбавлялась наша реальность).

Еще один тип женщин,- с которым одно время допускал общение я (а потом – с такой же настойчивостью – избегал),- это т.н. доступные женщины. Совсем даже не легкого поведения. Точнее – не обязательно. И почти – не проститутки. А просто – бляди, со специфической жизненной философией. Которая позволяет им: спать с первым встречным,- но разыгрывать из себя «недотрогу» - как только замаячит выгодная кандидатура на брак.

Их – любил я. Они – любили меня. Все было – достаточно просто, трезво, расчетливо. Совсем не нужно было – играть. Мы действовали – как будто отбросив постороннюю мишуру. Отдаваясь – словно в последний раз. Не думая - сдерживаться, скрывать чувства, эмоции, ощущения.

Эту категорию женщин тоже любил я. Но раньше. А потом, словно в одночасье, перестали они вписываться в мою жизненную философию. Как будто – нарушить могли единую целостность бытия.

Ну, или мне то казалось.

И ведь не было какого-то явного отрицания (по отношению к ним). Да и желание – никуда не думало исчезать. Просто – вынужденно было подчиниться мне. В моих опытах – жизни. Действительности. И, прежде всего – собственной философии понимания действительности. Во что, в общем-то, все и упиралось.

Еще одной категорией женщин – были просто женщины. Они вполне могли быть хорошими хозяйками. Матерями. Женами. Любовницами... Быть может они даже были и теми, и другими, и третьими... А может были чем-то совсем другим. Другими. Почему нет?..

Вопрос только в том, что они совсем не интересовали меня. Быть может своей простотой, серостью, обыденностью... Быть может – «правильностью»... Или?

Нет. Они просто – не интересовали меня. И все.

Были и еще типы женщин. Выстраивающихся в ряды моих собственных представлений о них. Но, то ли оттого, что подразумевал я: взгляд мой – достаточно специфический. То ли – теория, бродившая в подсознании не совсем точно пересекалась с той, что уже была пропущена в сознание. Но уже как бы то ни было – не считаю сейчас продолжение собственной философии по данному поводу достаточными. Пусть и сформированными, - но не завершенными. И уже как бы то ни было, - скажу: были и другие типы женщин. Но для меня они были точно также неинтересны. И, если честно, у меня намного больше доверия к мужчинам. Хотя и привычней все же одиночество. Сам себя ведь не подведешь, не предашь. А искушать других – присутствием своим. Еще Христос – предостерегал от этого. «Не искушайте – да не искушаемы будете»...

21.03.86

И ведь совсем не хотелось писать о чем-то подобном.

Но словно вновь и вновь воспоминания выхватывали их уходящей жизни мгновение.
Стремясь сохранить. И, иной раз, до невероятности растягивая.

Но разве мог я – вспоминать все о тех, кто был поблизости когда-то.

Совсем не нужно это – не им, ни мне (даже мне, думается, в первую очередь).

И уже тогда замечу только, что в наших отношениях с (любимыми на тот момент) женщинами - также как и вообще с кем-либо: действует одно правило: общаемся мы с теми – кто кажется нам близким на тот момент.

И это совсем не обязательно, что так будет всегда. Что все это будет долго. Длительно.
Длительное – время.

Совсем даже нет. А что до временного периода – так он и вовсе способен показаться быстротечным. (И что уж точно – совсем никак не устанавливаем). И иной раз кажется, что провел лишь ночь (вечер, день), а в памяти остались намного более сильные впечатления: как если бы это было бы - значительно дольше. И также – наоборот.

Но все это было (и осталось) в прошлом.

А среди фигур?.. Да надо ли?..

01.04.86

Но верно надо... Но не буду никакой конкретики. Совсем не нужно мне узнаваемых имен. А исказить образ – совсем, на мой взгляд, пустое занятие.

И уже тогда,- выскажу, быть может, какие-то общие мысли – восприятие – прошлого. И начну с того, что тому типу, к которому принадлежал я – совсем не нужно было общение с женщинами. Общения – с другим полом. В юности,- и даже в зрелой юности,- было вполне осознанное избегание их.

Быть может – еще неосознанное. Точнее – не прочувствованное на собственном опыте.

Но перед глазами,- словно выныривая их памяти--бессознательного,- были многочисленные образы героинь произведений. А потому как чтение было для меня всегда на первом месте,- я как бы многократно переживал опыт других. Я насыщался жизненным опытом людей, живущих вместо меня - и верил,- и... не верил им. Хотя, должно быть, я не верил – сознательно. Ибо в подсознании все-таки прочно сидели все эти образы. Направляя мои поступки. И руководствуясь действиями.

И ведь не хотелось начинать какую борьбу. Да и мне всегда проще было выработать компромисс. Договориться,- другими словами.

Хотя, иной раз, это и значительно противоречило самому мне. Вынуждая искусственно возводить мосты причин. Готовых рухнуть от любого более-менее твердого осмысления ситуации.

Да я, признаться, и не стремился к таковому.

В какой-то мере меня устраивало то, что получалось и так. Тогда как – в причинах – зарождавшихся вопросов я вполне мог увидеть причины совсем даже неизвестно чего. И уже потому – даже не то, что опасался их. А и просто – не желал.

И все же, должно быть, должен выжать из себя нечто подобное выводам. Общим, конечно же. Потому как – никак не горю желанием пускаться в пространственные измышления (итог воспоминаний) относительно каждой.

Тем более мне сейчас в какой-то мере хотелось бы свести влияние их – на мою жизнь на нет. Совсем на нет. Но до конца и не получится. Хотя – есть явное желание.

Итак, сначала я всячески оправдывался в собственном сознании возникающими причинами, чтобы не общаться. Я не испытывал к этому никакого желания. Физическую предрасположенность считал чем-то неестественно-нереальной, дабы прилагать какие усилия к удовлетворению страсти. В какой-то мере даже отсутствующей страсти. Потому как своих невольных (и возможных, по крайней мере – теоретически) спутниц я пропускал через призму такого увеличения, что явно просвечивались (скрываемые, мне особенно казалось – скрываемые) черты. Черты, ставящие абсолютно вне закона какое-либо обоюдное (еще даже – не совместное) существование наше.

И я вполне сознательно – отрекшавал себя от них. Совсем не желая, иной раз, даже общаться. И уж тем более, не могло быть и намека даже – на возникновение каких отношений.

И в какой-то мере это могло быть странным. Точнее – не быть, а казаться. Но с другой стороны, почему оно должно быть таким? Ну, юношеский возраст. Ну – да. Ну, уже даже ранняя молодость. Ну и что же? А что если природная замкнутость. Порядочность. Интеллигентность. Юношеский максимализм, по крайней мере.

При желании я мог вполне безболезненно найти десяток первостепенных оправдательных причин. И по большому счету, мне было абсолютно наплевать, что думают окружающие.

(Но, вероятно, я в какой-то мере где-то краем подсознания все равно задумывался об этом. И потому нашел для себя нормальные причины оправдания. Неделания возможности какого-либо контакта с женщинами. Ссылаясь, например, на увлеченность другим. Наукой. Литературой.)

Потом, во времена относительной молодости, организм неожиданно начал брать свое. И уже почти без разбора, а то и наоборот – выбирая для близкого общения как раз тех, от кого раньше бежал в первую очередь – «общался» я. Причем присутствовали все атрибуты настоящей влюбленности. С мучениями, кошмарами, да жуткой ревностью. (Причем в ревности, пожалуй, кроилась одна из форм «частной собственности». Мол, хотелось одному обладать объектом любви.

И еще был вопрос – взаимный ли?) От подобных периодов почти удавалось (на время... на время...) освободиться мне. Но иногда они засасывали совсем до неприличия. И тогда совсем терял я способности (и надежды) на спасение. Но спасение было ничто перед опасностью... исчезновения... нормального (читай – адекватного) восприятия действительности. Ну хотя бы потому, что вполне было у меня подозрение о том что значительно (в моем случае, или в случае со мной) растекаются границы пространства. Границы, - всегда как вроде бы и существовавшие, - собственного контроля реальности. Реальности, распадающейся теперь на множество (порой совсем отличных друг от друга) составляющих. Так что зачастую совсем было невозможно угадать – чем, и как – удастся вернуть. Вернуть былое «изображение». Так же как и – вернуться назад.

Ну а хотел ли того я? Да, хотел. Почему не хотел. Хотел. Конечно же.

Но уже что-то, видимо, совсем нереальное окружало меня. Потому как стал внезапно я замечать, что совсем не в состоянии контролировать, удерживать – сознание.

И даже если пытаюсь сделать то, совсем невозможно гарантировать какой-то результат. Все выходит спонтанно – да непредсказуемо. Вот так вот.

02.04.86

Сказать даже трудно: какой типаж нравится больше. Должно быть – и не ставил никогда я перед собой каких-либо единых границ – критериев восприятия женщин.

Но почти наверняка – в них должна быть некая особая черта – своего рода – изюминка, позволяющая вырываться из пучины однообразия. Приподнимая в вашем подсознании какие-то новые пласты восприятия этой самой действительности. Даже не искажая ее. Совсем нет. А подавая в совсем новом свете. В ином. Недоступном большинству однообразию... видению... действительности. Действительности, которая в моем восприятии – вдруг переставала быть таковою.

И понимал только позже – видел я искаженное изображение. Не то, что видели другие. У остальных, быть может, рождалось удивление. Почему такой выбор? Но я... я попадал под излучение неизвестности. Управлявшей с тех пор моими действиями.

Я к тому, что сам ничуть, нисколько не отдавал себе полноценный отчет. Кто, что, зачем?.. Тем более – не могло и быть мысли: сколько это все будет продолжаться?

Я попадал в плен своим же иллюзиям. И пребывал там столько, сколько это требовалось. Кому? Не мне, по крайней мере.

В них должна была быть – изюминка. Чаще всего – во внешности. Иной раз – встречалось – и в каких-то внутренних жестах. Чертах. До конца, быть может, и не приоткрывающихся мне.

Но все дело в том, что я жил (почти исключительно) образами. Каким-то необъяснимым – интуитивным чутьем.

И насколько новое восприятие попадало в унисон - почти только от этого и зависело мое поведение. То есть руководящий мотив поведения, который направлял с тех пор меня. И которому совсем не было сил сопротивляться.

Да об этом и не помышлял я даже. А то и наоборот – с готовностью (и каким-то до дикости необъяснимым желанием) бросался в приоткрывающийся мир, совсем не отдавая отчет – в каких измерениях смогу понять (да и до понимания ли? Осознать? Осознавания тогда),- то, что происходит.

Но вот не думал я ни о чем этом. А то и наоборот – стремился еще и еще... С каким-то неестественным удовольствием отмечая свою пропащую идиому сознания, не нужное наверное никому, ибо – не поймут.

Но совсем не стремился ничего изменить. Но совсем не хотел ничего переиначивать. С вырисовывающейся потусторонностью отмечая происходящее. Причем, без какой-либо оценки.

Да она и не могла быть в том состоянии, в котором пребывал я.

Какая-то реальность? Какое там тестирование реальности. Хаос спускался на меня; заполнял – изнутри; накрывал – снаружи.

И какую-либо способность осознавать все вокруг – потерял я. А еще точнее – и нет: понимал, продолжал понимать, как будто я все. Но все выходило так, что и не понимал я этого вовсе. Не понимал – в том ключе восприятия, в котором (догадывался) видят все окружающие.

И за таким непониманием приходило и неосознание. И даже смирение с этим.

И ведь никакого внутреннего протеста. Все, абсолютно все, принималось на веру.

И уже, должно быть, оттого – и имело такие, по сути, разрушительные последствия.

Но тогда я этого не осознавал. Быть может еще и потому, что начинал сам играть в игру – собственного сочинения. Разыгрывая партию, в которой изначально отводил «возлюблено» (как, впрочем, и остальным героям) второстепенную роль.

И уже дальше – поддавшись этому суматошному бегу, начинал играть и в вовсе невообразимую игру. Запутывая сам себя. И запутывая других.

И это притом, что, проецируя какое-то непонятное излучение на окружающих – я заряжал их своей энергией. Заставляя верить в сказочные композиции. Отчего-то – в моем исполнении готовящиеся стать – былью.

И ведь было все не так.

И ведь было все не совсем так.

Но за чередой туманных недоразумений – внезапно (и совсем необъяснимо для меня) как будто все менялось.

Словно менялись мы ролями.

И уже то, что в моем тайном восприятии должно было быть игрой – передвигалось на иные позиции. (Совсем незавидные для меня).

А то, роль которому отводилась совсем второстепенная – внезапно обретало силу.

И я вновь испытывал на себе этот хоровод. Так что, нисколько не способен был до конца отдавать отчет. А то и не пытался – разгуливать оказавшуюся ситуацию.

Но даже если, словно опомнившись, и предпринимал какие шаги – супротив,- почти изначально не верил в это и сам. И на самом деле – как-то бессознательно – приобщался к таинству. Так, что совсем даже не было у меня какого реально оформившегося желания. А все было настолько... с примешенной потусторонностью, что копошился я... и ничего не выходило из того.

Лишь смеялись особы женского пола...

03.04.86.

Почему-то как-то стремился я «нянчиться» с теми, кто (надеюсь – волей случая) оказывался рядом.

Кем были эти женщины? Если попытаться коснуться возрастных пристрастий – то почти наверняка можно было говорить об отсутствии таковых. Хотя и, по большому счету, где-то в бессознательном – те, которые были старше – заметно больше привлекали меня.

Причем, если становился я старше – тем более явственной вырисовывалась тайная страсть к геронтомании.

Но было бы так – если бы я своими реалиями не разрушал границ перверсии. Ибо, если совсем ненамного мне удавалось перекинуть границы собственного возраста, и уже оттого – сохранилась, должно быть, до сих пор моя любимая дуальность: 18-28-38 (или 19-29-37).

Желательно – не перешагивать границы верхнего предела.

Не опускаться – ниже. И сохранить себя в пределах средней дифференциации.

Что, должно быть, в какой-то мере невозможно. А потому – и не стремился я особо к тому. Но если возникала какая возможность – охотно пользовался моментом. А почему бы и нет?

Тем более, что никогда я не был сторонником каких-либо строгих ограничений. Считаю, что необходимо максимальное самовыражение. А какие способы при этом используются... это, если позволите, издержки жизни, т.е. вообще – отношений.

И все-таки с моей стороны было удивительное пересечение различных линий: это и до сумасшествия – влюбляемость, и до жуткого протеста – отторжение вообще каких-либо отношений. самого факта, самой возможности возникновения их.

И наряду с этим – какая-то необъяснимая игра: желание необходимости не отступления, и ни в какие разы – не прекращения своих экспериментов.

...А вот ведь и правда. Экспериментами были эти все попытки обретения гармонии. (Ведь к чему иному как ни к гармонии я стремился и был всецело предрасположен).

И вот за этой скрытой, большей частью подсознательной, и оттого непроизносимой вслух, не пропускаемой в сознание, экспериментальностью – таилось, как ни странно, до боли, до слабости отчаяния, ранимая душа. И быть может, иной раз, своей незащищенностью привлекала (и распяляла) к возможности общения.

Чувствовал ли я какую вину?

Да, конечно же – да. Вот только всячески старался скрыть сей факт, быть может, и от самого себя.

Но уже знал, что практически невозможно достижение сей истины. Потому как, независимо от моего желания – эта самая жалость всячески разъедала меня. Заставляя принимать совсем до парадоксальности незавидные (а попросту – вредные и ошибочные) для себя решения.

Принимать, а потом – предпринимать всяческие усилия в стремлении искупить вину. Вину – уже перед другими.

И получалось, что я все время находился «на передовой». И собираясь уже сделать что-то – почти наверняка знал: вызовет это гнев у других. То есть, для кого-то – манна небесная, а для кого-то – самый горький яд. И проходила жизнь в неумении найти компромисс. (А на каком-то этапе показалось даже – что и нее было, не существовало его вовсе).

И тогда мне приходилось еще больше пускаться в тяжкое. Тем самым – стремился я набрать побольше грехов. (Где-то подсознательно, опять же, забавляясь неразрешимости загадки причисления к ним).

Да и кто на самом деле мог быть судьей мне? Кому вообще дано право решать изначальные загадки?

Нет таковых людей.

Не существуют они.

И это было моей наиглавнейшей ошибкой. Потому как, решая «все сам» - я почти наверняка отбрасывал себя назад в собственном развитии. Потому как совсем упускал то что было даровано самим собой. Я сейчас имею в виду существование родителей. И безусловно их огромный опыт.

Жизненный – помноженный на интеллектуальное богатство да генетическую предрасположенность.

Да, за меня был опыт предков. Где в прослеживаемом в памяти роду – были все исключительно представители интеллигенции. И помимо деда генерала, был еще удивительный «штат» профессоров: медицины, права, философии, истории... А также представители духовного сословия. (Быть может потому – наряду с атеистическими взглядами – во мне живет архетипическое уважение к церкви. Даже большей частью. Быть может к служащим церкви. И в этом я не вижу противоречий).

Но вот за этими всеми филогенетическими схемами – скрывалось по всей видимости ошибочность отвергания того, что могли предложить (и более чем настойчиво – предлагали) мои родители.

Каким-то совсем до сих пор необъяснимым образом, я отрекался от всего того, что подавалось со стороны их.

И был я преисполнен порой необъяснимой злобы – отстаивая ошибочность (вот в чем суть – ошибочность) своих утверждений. Несуществующих – истин. Призрачности – намерений.

И в этой неоправданности собственного величия – упускал я возможность пройти «за одну милю – две». И в какой-то злобе – вновь и вновь обрекая себя на барахтанье на месте.

И ведь еще более обидно было оттого, что проходили годы. И я в итоге все равно начинал использовать тот способ, что предлагали мне они.

Вот только прошло уже время. Точнее – упущено время. И теперь с суматошным нетерпением – наверстывалось оно.

К чему может привести все это? Разумеется, к тому же, что должно было быть случиться ранее.

Но обиднее было оттого, что не мог я забрать назад те душевные раны, чему виной был мой необузданный нрав. Нрав, большей частью, искусственно необузданный. (Потому как, по своему внутреннему содержанию, я был сродни агнцу божиему. Но видимо обстоятельства самым незавидным образом влияли на меня. Так что иной раз я был совсем милым созданием, а в другой – уподоблялся гиене огненной. Фурии. Не только не стеснявшийся собственного сумасшествия, но и с какой-то нереализованной злобой извлекая из себя стремление к разрушению).

04.04.86

В течении жизни, особенно когда возраст все больше и больше отдалялся от тридцатилетней отметки – я осознавал, что присутствие в моей жизни женщин – одно из ключевых зол, одна из главных ошибок.

И большей частью выходило так из-за жуткого и непрекращающегося предательства с их стороны.

Нет, конечно же, подобное случалось не со всеми. Но выходило так, что в общей массе передо мной проходили те женские характеры, от которых порой не ведал я: куда скрыться.

И думаю я, эффект от подобного «предательства» был ощутим еще больше оттого что (первоначально) я доверялся, открывшись этим особам – полностью.

Баз какого-либо и намек на утаивание – я доверял им порой слишком личную, порой слишком близкую, конфиденциальную информацию. При этом было продиктовано подобное лишь единым: хотел я как можно открытее показаться своей спутнице на тот жизненный период, и совсем не хотел, чтобы оставалась хоть одна тайна, сомнение, недоверие по отношению к моей персоне.

Конечно, в ответ я хотел все той же откровенности. Потому как значительно легче предугадать какое негативное поведение человека, когда ожидаешь от него предсказуемых для тебя действий.

Быть может с моей стороны это был своего рода способ хоть как-то обезопасить себя. Ведь заглянув в приоткрывшийся внутренний мир другого – можно тем самым предугадать его действия в том числе и против себя.

И было все так.

В той степени, что удавалось мне все это. И если говорю я о каком предательстве – то я имею в виду предательство ожиданий. Того, что я рассчитывал увидеть в своих визави, и чего не было. Отчего наступало разочарование.

Я обманывал себя сам. Я придумывал в своем затуманенном сознании образ, образ женщины. Этот образ я каким-то необъяснимым образом проецировал на свою новую знакомую. То есть другими словами, опять же – обманывало сам себя. Причем был своего рода двойной обман. Ибо обманывал себя я, и обманывал я – ее. Ведь если рассудить – попадала эта (женщина, девушка) в силки хитросплетенной комбинации, своего рода – капкан для доверчивых особей.

Ведь в какой-то мере я давал им все что они хотели увидеть. Вполне исходя из того, что в подсознании почти каждой из рассматриваемых мной (то есть встретившихся и заинтересовавших меня) женщин – сформирован некий стереотип идеального мужчины. Причем, идеал этот в какой-то мере разнится в каждом отдельном случае. (Да он и не должен быть никогда одинаковым).

И тогда – задача ваша состоит в какой-то мере в том, чтобы: а) максимально быстро просчитать что данная представительница женского пола хочет в вас увидеть; б) максимально возможно предоставить ей эту возможность.

Причем, мне как-то интуитивно удавалось разделять встречающихся женщин на потенциальных любовниц (жен, подруг, секс. партнеров), и – противников. Таких же потенциальных противников. То есть тех, у кого моя персона явно вызывала недовольство. (Были и такие, а почему бы и нет).

Данных особей – обнаружив – я старался держаться подальше. До тех самых пор, пока в какой-то мере не научился обеззараживать их. И прежде всего своим явным демонстрацией не заинтересованности в них как любовницах (тем более что чаще всего это были или откровенные феминистки, или лесбиянки, или просто сумасшедшие или истеричные дамы с жутким внутренним неврозом и склонностью к маниакальным состояниям, то есть как минимум психопатологические личности). А наоборот – интереса как к неким равным. Равным, конечно же, в их восприятии жизни. В их видении ее.

Я никогда не приветствовал подлость. Но у кого-то верно может зародиться ложная мысль о моем потворствовании подобным людям. А то и следовании в собственном поведении подлости.

Это не так. Так я не хотел. Противился. Хотя и не обличал. Как и не был пособником каких-то решительных мер, предпочитая иной раз даже не замечать происходящего.

Ну, или другими словами, предпочитая не показывать свое видение ситуации. Проблемы. По сути, конечно же, проблемы.

Но делал я все как будто – не касалось это меня. И оттого быть может давал повод усомниться и в моей собственной порядочности.

Но большей частью могу заметить, что подобное мнение было свойственно приблизительно таким же людям. Ибо почти убежден я: негодяй всегда поймет негодяя. А подлец – подлеца. И увидит, разглядит, выделит из толпы – его же. Быть может, чувствуя какую незримую предрасположенность к подобным людям. А может... что гадать. Выходит зачастую так. И к чему пытаться утверждать обратное.

06.04.86

Могу заметить, что в моем желании разобраться со всем тем, что окружало меня, было исключительно стремление не допустить подобного теперь.

Но, по сути, так уже и не могло, на мой взгляд, быть. Хотя бы потому, что предыдущий опыт (неудачный – но обязательный) накапливался. Каким-то ему известным образом перемешивался, и сквозь сито взросления – просачивался удивительный опыт собственного общения с женщинами. Опыт, который в последующем должен был мне помочь не совершать ошибок.

И ведь что скрывалось за всем этим? Опять же – попытка... понять самого себя....

10.04.86

И ведь не видел ничего такого уж отвратительного я в своем отношении к женщинам. Да и, по сути, характер моего общения был продиктован исключительно стремлением к пониманию. Стремлением, опять же, стремлением к достижению внутренней гармонии.

И все мои заблуждения в итоге сводились к одному: я слишком большое внимание уделял женщине. Женщине – с большой букве. Женщине – как мифическому существу. Достойной – всемирного восхваления.

И уже именно такой образ (навеянный классической литературой 18-19 веков) представал в моем воображении – стоило только возникнуть на горизонте...

Это была моя ошибка. Ошибка, сопутствующая всем моим начинаниям. Начинаниям – заканчивающихся ненужными и нелепыми свершениями. Поступками. Приносящими в последствии лишь раскаяние от разочарования.

Да и вообще, если рассудить, никто и не смог бы со мной жить в привычном понимании этого слова.

Потому как проходило время, и во мне закипало внутреннее разочарование. Не этого я желал. Не об этом думал. Размышлял. И... опять же (ошибка в том и заключалась), что размышляя – я создавал в своем воображении достаточно обманчивый образ. Тот образ, которым наделял я соответствующую особу. И тот образ, который, к сожалению, на самом деле ей не соответствовал. Ибо она не подходила.

Но, несмотря на явную ошибочность выбора – я вновь и вновь наступал на те же самые грабли. И как прежде, непомерно увлекшись вначале, невероятно мучился после разочарованием. И даже не столько сколько в «избраннице», сколько в себе.

Ибо, по сути – виновен был я лишь один. И партнерша лишь двигалась по проторенным мной дорожкам моего воображения.

И порой невероятно грустно становилось мне. Всячески пытался я разрушить устоявшийся стереотип собственного поведения. Но при всем желании в то время не мог ничего поделать. Потому что видимо подобное было мне на тот момент попросту уготовано судьбой.

А потом внезапно все изменилось. И я совсем не заметил, как это произошло. И наверное оттого принял свершенное за случившееся без моего участия. Но ведь так не бывает. Все что происходит с нами – имеет общую закономерность. Следование (и сопричастность) оттенкам прошлых впечатлений.

И совсем не хотел думать я о каком-то сверхъестественном вмешательстве. Потустороннем влиянии. А еще точнее – собственному восприятию такового.

А для себя я открыл философскую истину. И истина состояла в том. Что необходимо было следовать лишь собственным впечатлениям. Внутренним, бессознательным мотивам управления собственными движениями и поступками. И за всем этим скрывалось не иначе как лишь собственное желание, опять же, гармонии. Той самой гармонии, к которой я каким-то образом все время то приближался, то удалялся от нее. И вот теперь...

И суть-то «открывшегося» - проста. И заключалась она в одном правиле: заниматься ничем иным – как только творчеством. Сублимировать в творчество собственное «неблагополучие». И тем самым избавляться от него, или как минимум – не замечать.

И в этом проводилась некая аналогия с «Башней из слоновой кости» Флобера. И в этом желании спрятаться, скрыться от посторонних глаз – был я, конечно, не нов.

Но все дело в том, что в варианте со мной – подобное желание вполне уподоблялось тому искаженному смыслу, что принимало почти абсолютно все, что было уже связано со мной раньше. Точнее – совсем тем, что окружало меня. И прежде всего, что делал я. И в этом вот хаосе случившихся метаморфоз – находил я давно устоявшуюся закономерность. Предрасположенность ко всему тому, что происходило со мной.

15.04.86

Уже нахожу я, что все, что касается моих взаимоотношений с женщинами, не иначе как было подчинено единому стремлению к собственной самоидентификации.

Да и что еще мог я увидеть в них? (Как в женщинах, так и в отношениях).

И потому, наряду со стремлением еще больше отдалиться от того безумия, что зовется любовью, я почти также стремился избежать, скрыться, удалить от себя все, что так или иначе характеризовало эту самую любовь.

И вот в этой вот полярности суждений и противоречий – я пребывал в течении минимум десятилетия. Тогда как второе десятилетие – то есть до сих пор – я исповедовал учение жизни – без женщин.

Совсем это, конечно же, не удавалось. Но вполне осуществлялось подобное в том смысле, когда я смог в какой-то мере действительно абстрагировать свой разум от их влияния. Даже не выбирая одиночество. А в то же время – пребывая в нем.

И понять подобное возможно, только если принять во внимание все изложенное ранее. И конечно же, мою собственную позицию в отношении женщин. Женского пола. Женской истеричности. И... глупости. Потому как, большая часть этих особ – характеризовалась всеми теми отрицательными чертами, которые отпугивали мужчин. А жизнь остальных – делали невыносимой.

Но тогда уже здесь я каким-то незаметным образом подобрался к той разгадке, которая способна была (при условии постижения тайны; да даже не тайны – а своего рода, закона бытия) сделать из отдельных мужей – философов. А из других – женоненавистников.

И не берусь даже судить - к коим принадлежал я больше. Потому как давно уже не мог изжить из себя привычку следования вымышленного образа. Образа, который хоть и придумал я доля себя сам, но, тем не менее, как бы вынужденно подчинился ему. И уже давно лишился способности отделять правду – от вымысла.

Часть 12

01.05.86

Постепенно у меня сложился свой определенный взгляд на систему образования. Ранее, помнится, мне приходилось всяческим образом скрывать собственную позицию по данному вопросу.

Вероятно, инстинктивно подозревая ошибочность собственных суждений, я тем не менее не хотел так просто избавляться от них.

Правда, в детстве (юности, ранней молодости...) я просто обязан был подстраиваться под общее мнение. Изменяя (вымышлено... вымышлено...) свое.

Потому как в полной мере это была вынужденная мера – на самом деле ничего не происходило. И с годами я только укреплялся в собственном суждении.

А суть моей теории достаточно проста и... специфична. Но, опять же, не сказать, что была она нова.

Но уже здесь важно было отметить, что время возникновения ее у меня – как будто само за себя говорит, что не мог в те годы позаимствовать я мнение других. Потому как... нет.

Действительно не мог. Ведь сложилось у меня подобное убеждение уже в начальных классах школы (а быть может еще и до них). Тогда как в биографической литературе находил подобные мнения, высказываемые «великими» вероятно все же позже.

Суть же теории (и моего сегодняшнего убеждения) в том, что классическое образование как таковое совсем не нужно. Можно даже сказать, что вредно оно. И вредно в том плане, что мешает выявить и развиться собственным природным способностям, так как система экзаменов и зачетов зачастую наносит непоправимый вред рождению собственных идей. Потому как напрочь уничтожает способности к собственным измышлениям.

И вопрос-то тут большей частью психологический. Ведь и экзамены и зачеты создают тревожность. И любое приближение т.н. экзаменов изменяют, нарушая, внутреннее состояние. А какое возможно творчество, если мысли молодого человека совсем даже другим.

Быть может потому, я всегда ратовал за самообразование. И в полной мере могу заметить, что наибольших знаний добился именно занимаясь подобным образом.

Однако, данная точка зрения совсем не означала, что был противником я обучения в учебных заведениях. И точно также считаю, что только фундаментальное образование способно дать ту базу, которая способна будет привести отдельного индивида к вершинам самораскрытия личного потенциала. И суть тут в том (а также, как мне видится, разрешение возможных противоречий), что обучаясь в учебном заведении (конечно, главным образом именно в заведении высшей школы), человек снимает внутренние барьеры. Запреты, вызванные (сформированные) сложившимися стереотипами. Стереотипами, достаточно мощно закрепившимися в нашем подсознании и превратившимися в своеобразные архетипы, передающиеся филогенетическим путем.

А потому я, конечно же, учился. Но предпочитал изначально расположить к себе преподавателей, чтобы только не мучили они меня расспросами. И в моем случае – наиболее приемлемый вариант был, когда проставляли оценки за экзамены мне автоматом.

02.05.86

С моей стороны, в моей форме обучения не было обмана. И если рассудить – я отдавал время получению знаний значительно больше, чем остальные. Потому как проводил часы с книгой постоянно, зачастую неохотно прерываясь даже на выполнение обязательных условий жизни в

обществе. Чуждо... чуждо мне было это. Хотел я учиться все время. И большей частью – мне нравилось именно читать.

С детских лет (уже умел читать года в 3-4) читал я достаточно много. Быть может удивительно много для тех лет. Но в какой-то мере ошибкой моей было то, что чтение, зачастую, было достаточно хаотичное. И ведь почему-то никто не объяснил, как и что следует читать. Правильно читать. Читать – в первую очередь.

Не знаю... С одной стороны, было как будто приветствование сего факта со стороны родителей (сформированность почти трех тысячной «детской библиотеки» говорит само за себя), но с другой – отчего не помочь советом, а то и наставлениями в самом начале пути.

Но верно и то, что по моему внутреннему мировосприятию, как ни странно, мне как раз ближе было изучение литературных источников – наедине с собой.

В какой-то мере может даже именно желание погрузиться в мир художественной литературы (что, как известно, не требует помощников) способствовало формированию у меня любви к одиночеству.

Или наоборот – уже тайное, бессознательное желание одиночества, стремление к нему, способствовало поиску адекватного решения. Коим в какой-то мере и являлась художественная литература.

Если рассудить, то преимущество в собственном интересе именно художественной литературы – поначалу и не было таким уж подавляющим.

Да и то, сказать, только на одном каком-то отрезке жизни – интерес именно к художественной литературе стал превалировать над желанием изучения научных источников. Тем более было это достаточно кратковременным. И, по сути, никогда не занимало каких-либо лидерских позиций. И уже наверняка – для меня был характерен просто интерес к чтению как таковому.

Но, по сути, и это было не плохо. Тем более что понял я уже позже, что книги как таковые (и главным образом литературные сюжеты представленные в них) помогают нам прожить не одну нашу биологическую жизнь, а множество. Тем самым, что уже само собой разумеется, стать мудрее. Опытнее. Потому как мы вбираем, анализируя, опыт других.

Я читал... Я с жадностью, с какой-то даже бесцеремонной поспешностью врвался в судьбы других. И, должно быть, с ранних лет во мне стала формироваться еще одна особенность, которая по большому счету могла (а со временем и стала) напоминать и черту характера.

А дело было все в том, что я стал подозревать (причем первое зарождение во мне подобного видения было неосознанно и прошло достаточно незамеченным для меня, а когда обратил внимание – то стало казаться что чуть ли и не родился с этой особенностью), так вот, стал я подозревать, что та другая жизнь – жизнь, которая так незатейливо да ненавязчиво (а на самом деле за простотой скрывалась хладнокровная методичность) раскрывалась передо мной – эта жизнь намного ближе мне. Комфортнее? Да, в какой-то мере и комфортнее мне было в ней.

И так получалось, что я незаметно стал противопоставлять своей настоящей жизни – вот эту вот призрачную, по сути, жизнь. Жизнь как будто совсем нереальную. Но становившуюся настоящей именно вследствие того бессознательного значения, что я придавал ей.

У меня несколько не возникало сомнений, что так не должно быть. Насколько помнится, у меня действительно не возникало никаких сожалений по этому поводу.

Словно так и на самом деле должно, обязано, вынужденно было быть. И уж точно – не возникало и тени сожаления, когда заметил что все так и происходит.

От пожара своей собственной души я ничем не избавлялся. Поначалу. И потому, упустив момент, я стал разрываться от внутренних (раздирающих меня) противоречий.

Пытался ли что-то изменить? Пытался. Наверняка ведь пытался. И за суматошным хаосом принятия совсем как видимо неосуществимых решений – я уже так или иначе приблизился к пониманию единственного средства исцеления. Коим была, конечно же, литература. И как в еще более сделанном акценте – собственное творчество.

04.05.86

С недавних пор я стал замечать, что почти только в собственном творчестве находил я ту отдушину, то успокоение, то спасение от вмешательства мира, которое по всей видимости и искал все время.

Выходило так, что у меня словно сместились акценты значимости (а то и иерархичности) внутренних восприятий действительности. И уже творчество мое поменялось своей важностью с творчеством других. Нет, не заменило их. А именно – поменялось местами. И теперь именно в возможности самоанализа (а так или иначе – творчество, по крайней мере в моем варианте, примерно это и означает) – я находил ту необходимую и так желанную отдушину, которую пытался искать, анализируя творения других.

Совсем нелепо было бы гадать: плохо это или хорошо. Просто так было. И, по сути, было главное.

07.05.86

А все-таки, что ни говорил бы кто, но в воспоминаниях детства находим то покинувшее нас счастье, которое – пускаясь на различные уловки – стремимся возвратить.

И тогда уже, для меня самое обидное было то, что не распоряжался в свое время я тем что имел. Но видно все-таки схожая ошибка была свойственна не только мне, потому и любил я так читать мемуары – воспоминания других, находя в них тоже самое – нерастраченное горе. Да сожаление. Да суматошную радость что-либо вернуть, когда как будто бы хоть что-то намечалось похожее.

И ведь нисколько нельзя сказать было, что было больше в тех воспоминаниях? Действительно – ностальгии. Ностальгии – по сути. Ностальгии – сожаления по ушедшему времени. Или быть может это было просто недовольство днем настоящим. Уже не стремлением даже что-либо изменить в нем, а просто желание – забыть. Сменить картинку. Явить в своем сознании образ совсем былого. Другой жизни. Вернее, конечно же, не другой, нисколько не другой, а той, что была у тебя когда-то. И которую как будто бы прожил ты, но совсем не жил даже.

И ничего кроме сожаления не испытываешь...

И ничего кроме раскаяния, кроме желания изменить, кроме... недовольства самим собой...

И тогда уже – ничего кроме недовольства самим собой и не испытываешь ты больше.

Да и хочешь ли иного сам? Берет, например, меня вполне серьезное подозрение, что ты сам (а «ты» - это я...я), что ты сам виновник бед своих. И вина твоя не какая-то там гипотетически нереальная, а самая что ни на есть серьезная, с неизбежным раскаянием – осознанием случившегося... И почти с таким же настойчивым стремлением изменить что-то. Да, да, да – на самом деле возникает у меня вполне настойчивое желание изменить свою нынешнюю жизнь. Сделать так, чтобы я как будто бы и жил в ней, но в то же время – находился в другой, прошлой, жизни. И при этом (что было неценно важно) – оставался в здравом уме да твердой памяти.

Задача поистине и неосуществимая вовсе. Но за стремлением добиться хоть чего-то похожего - и вырисовывался круг моих нынешних интересов. Творчество. Конечно же, творчество. И та мемуарно-дневниковая (исповедальная) форма его – которая выручала меня неизменно. Спасала. Возвращала к жизни. (К жизни, саму суть которой подчинил я анализу да «возвращению» прошлого. И вот этим – и существовал. И не желал изменять что либо).

10.05.86

Несмотря на спускавшиеся периодически тучи (выливавшиеся в мрачность) собственного сознания – я тем не менее мог заключить, что вполне доволен происходящим.

Хотя, по сути, конечно же, заблуждался. Но тогда уже – это мое «заблуждение» было из той серии, когда «и рад – заблуждаться».

Можно было заметить, и на самом деле это было так, что всяческими силами стремился заглушить видение обстоятельств мира нынешнего. Как будто в каком-то необъятном стремлении желал оставить все «как есть». Без каких-либо серьезных изменений.

И не замечал того, что... проходит жизнь. А я все живу – прошедшим. Находя подпитку дня сегодняшнего – в прошлом. В прошлом... Именно в прошлом... И при этом, конечно же, почти совсем не оставляю себе сомнений, что нужно было оставить там все как есть. Нет. Конечно же, нет. И потому...

И потому все время подчинен почти одному я желанию – все изменить в беге нынешнем. А еще вернее – не изменить даже, а привести в соответствие с тем, что было уже раньше. Тогда, когда я считал что все настоящее – должно было наоборот – пройти скорей. То есть точно также – измениться. Измениться, приняв очертание чего-то совсем иного. Будущего?

И вот ведь... за почти неразрешимой загадкой – никак не мог я разглядеть явный парадокс. Заключавшийся, опять же, почти в явной (как иной раз виделось мне) ошибочности выбранного пути.

И что за всем этим скрывалось на самом деле. Почти ни к чему ясному я не мог прийти в собственных измышлениях. Но стремился, стремился, быть может, самым невероятным образом.

Но скрывалось за всем этим... пустота (точнее – начинавшаяся опустошенность), да необъяснимое желание начать все сначала.

11.05.86

Вот что расстраивало всегда меня. Ну даже, пожалуй, и не совсем чтобы расстраивало (потому как – позволив выиграть я чему подобному – и пиши пропало. Не смог бы удержать в покое свое внутреннее состояние. А как-то выводило из колеи, что все-таки было надо признаться.

И причина всего подобного заключалась в моей переполняемости способностями, заложенными природой.

Было так, что за что я ни брался (если не касался этого чисто механически, например физический труд, который я никогда не рассматривал как необходимый мне), так вот, к чему не прикасался – все самым загадочным образом получалось у меня.

И поначалу помнится сам себя «загонял» непомерными увлечениями своими.

Верно с того (анализировал я уже позже) все признаки намечавшегося расстройства психики. Но только позже я смог более-менее внятно разъяснить самому себе, что было это не какая-то там симптоматика психического расстройства (что подумал я поначалу), а просто нарушалось мое эмоциональное состояние. Тогда как походило это все скорей на какое-то недоразумение. И что уж точно – совсем не являлось причиной, по поводу которой стоило бить тревогу.

В итоге, все разрешилось само собой.

Но до того момента когда пришло настоящее понимание сего факта – прошло совсем немало времени. Но почти совсем необходимо было это время, чтобы начать бить настоящую тревогу.

Но тогда... тогда, когда случились, собственно говоря, все признаки, по которым я мог судить что что-то происходит, я был достаточно юным, чтобы грамотно все анализировать. Или придать этому то значение, которое требовала ситуация.

Вместо этого я обрекал себя на жуткие мучения. И в стремлении избежать их – заходил еще дальше.

Но один положительный момент я, пожалуй, все-таки мог извлечь из данной ситуации. И этим моментом была моя возмужавшая и крепнувшая со временем – любовь к одиночеству.

Сколько раз мне хотелось пропеть гимн этому поистине подарку человечеству. Сколько раз я бы мог поделиться своими самыми тайными откровениями с собственным одиночеством. И, должно быть, самое прекрасное было то, что за всей метафоричностью ситуации – я на самом деле испытывал настоящее блаженство. Блаженство от возможности приобщения к чему-то, к чему наверняка допущен будет не каждый.

И всему обязан я должен быть тем редким, по сути, способностям, которые уже с ранних лет стал замечать в себе.

Сначала я даже пытался проводить что-то вроде эксперимента: за какую область изучения не брался – ощущал внутри необычайный порыв к знаниям, к возможности постижения тут же начавших приоткрываться тайн. Приобщения к ним. И уже как следствие – достижение через них той гармонии, которая помогла бы мне управлять миром. (Метафизически выражаясь, конечно. До патологии сознания – на радость – было еще далеко).

Но вот именно здесь я попал в ту ловушку, которую расставляет природа, самосохраняясь и обезопасивая себя таким образом. Потому как, вместо того чтобы уже господствовать над миром – я получил невероятный разброд в собственных мыслях. Разброд, явившийся следствием повышения психоэмоционального напряжения.

Это было причиной моих юношеских волнений. Это являлось следствием введения необходимой корректировки в собственное поведение. И получается опять же – выходил я так или иначе на психоэмоциональное состояние.

Мог ли я что изменить? Да мог, конечно. Но отчего-то получилось так, что изменял я себе многие и многие годы. Юность, молодость, затронув даже начальные периоды зрелой жизни. Пока не осознал, не понял, как правильно надо было действовать. Пока не вывел своего рода закон (закон причин и следствий) – отчего происходило так раньше. И что нужно было предпринять, чтобы не допустить этого вновь. То есть неким образом «устаканить» то, что уже есть.

И как видится, суть моих планируемых действий должна была сводиться даже не к каким-то конкретным действиям, а к изменению общей политики, ориентированной на успокоение, признание того, что следовало достигнуть. Ну и конечно же – нахождение выхода из создавшейся ситуации.

Что до моих исканий? Так они практически полностью замыкались (и самым независимым образом исходили) из тех природных предрасположенностей к получению знаний, которые во мне открылись.

Началось все с того, что я со всей настойчивостью (доставшейся от природы) начал предаваться мыслительным поискам того, чем мне следовало заняться. Какую область применения (а поначалу и овладения) знаний следует выбрать.

По всему выходило, что не выберу я – все подходило.

Но ведь так было не должно? Забавно, но какое-то непреодолимое чувство заставляло меня все же приблизиться к какому-то берегу. И за всем тем стремлением к более-менее идеальной систематизации – я тем не менее (достаточно подспудно, правда) угадывал что то что будет – будет выбрано верно.

Но вот что?

Среди знаний как будто бы самолично желающих (если допустить хоть намек на душевную суть неодушевленных вещей, реально осознаваемых только в многомерности ошибочного, по сути, изображения) быть выбранными мной – я постепенно выявил совсем несколько, которые, на мой взгляд, должны были не только заинтересовать меня, но и в будущем пригодиться. (Хотя нет. Возможно ошибка моя заключалась в том, что я никак не делал принимать во внимание какой-либо материализм сущего. Для меня намного ближе была – загадочная недосказанность. Хоть призрачная, но надежда на нечто не существующее в реальности, но явно существующее на самом деле). И уже потому,- я мог надеяться на более-менее правильный выбор. Тот, к которому, по сути, стремился. И тот, который, несмотря на мое стремление к нему, так от меня удалялся.

.....

Но иногда... Иногда на меня накатывала совсем суматошная тоска. И тогда я на самом деле не знал, в чем заключался выход из проблемы. Если бы я такового создал.

Искусственно, искусственно создал.

Но почти наверняка мне бы и не следовало решаться на такой уж суматошный шаг. Хотя бы потому, что проблема на самом деле жила внутри меня. И была... мной.

Ко времени, когда я собирался действительно покаяться – и большей частью даже простить нечто, живущее внутри меня – я стал медленно разочаровываться... в происходящем.

Но помнится, еще как-то вымучено удерживал в себе это желание. А потом, когда удавалось, почти точно также - стремился от него избавиться.

Иногда мне казалось, что в полной мере не отдавал себе отчет что происходит. Были какие-то суматошно-сумрачные мысли, которые в хаотичном порядке перемешивались в моем сознании, затуманивая его. Самым невероятно-непосредственным образом – затуманивая его.

И вот в этом вот (хаотичном... на самом деле ведь хаотичном) постепенно устанавливаемом порядке... я жил все это время. То время, которое наверняка позже – я постараюсь забыть. Вычеркнуть, высвободить свое прошлое от него. И уже вместе с этим – я с каким-то незавидным терпением стремился приблизиться к нему. К своему прошлому... Я никак не мог избавиться от него. Не мог, даже если бы невероятно сильно – пожелал того.

12.05.86

Кипучей страстью проносятся мысли. Беря основу из собственного подсознания и по вымощенной временем провидения задатками только открывающихся, по сути, возможностей,- устремляются в неизведанную даль. Действительно неизведанною. При моем кажущемся отрешении от романтики да романтичности (переболел этим в юности),- я тем не менее ощущаю в себе сейчас именно взгляд с подобной плоскости на жизнь. И не какую-то там абстрактно-могущественную жизнь, а на самую что ни на есть реально существующую. И в этом томлении вспомнившейся юности – я будто бы вновь возвращаюсь обратно. Начиная с того, с чего, вероятно, и должен был начать. И тогда уже совсем верно будет бытующее утверждение о том, что независимо от путей развития нашей собственной жизни – мы все равно, независимо ни от чего, возвращаемся на ту колею, которая считается «своей».

Меня достаточно много раз обуревало настоящее (невероятно искреннее) сожаление, что нельзя вернуться на двадцать лет назад, начав сначала.

Я много раз ловил себя на мысли, что было бы, как повернулся, изменился бы мой собственный путь – если бы не замедлился (а по сути – переиначился) тот ход, та направленность моей жизненной ориентации, отношения к жизни?

Так случилось, что представ (в 18-20 лет) в восприятии жизни типичным романтиком, я принимал невероятные усилия, чтобы изжить в себе подобные начинания. А ведь, по сути, я как раз тогда начал свою литературную практику. И даже, помнится, повстречал Учителя. Имя ему было Сергей Квитко. Был он старше меня на 20 лет. (Собственно, мой теперешний возраст). Да и упоминал я уже об этом. Но видно, потому что вспомнил еще раз – можно было сказать, что оставил Сергей в моей жизни достаточно яркий свет. Свет, большей частью заключающийся в надежде, которой я не воспользовался.

И вот теперь прошли те самые 20 лет, что разделяли тогда нас – и я вновь вернулся к литературе. Литературе, к которой подошел я теперь почти совсем другим человеком. В какой-то мере можно сказать – сформировавшимся. Хотя и в моем случае – эта самая сформированность на мой взгляд имеет достаточно условные позиции. И виной тому – мое непрекращающееся (до сих пор, и я надеюсь – не прекратится оно в дальнейшем) стремление к знаниям. Причем, опять же, в варианте со мной, знания дают мне не какое-то там стремление к достижению материальных благ (это было бы достаточно поверхностным для меня), а – стремление к совершенству. Что, по сути, говорит о безграничности данного пути. Стремления. Поиска.

Другими словами, я уподобил сам себя тривиальной «белке в колесе». Обрек себя на вечный поиск. Поиск совершенства.

Но если бы было все так просто. Здесь, как видится мне, вполне явственно намечается некая двоякость, двойственность позиций. Ведь с одной стороны, чтобы достичь даже относительных высот в том же самом собственном познании – необходимо иметь достаточно индифферентную к различным перегрузкам (вызванным – как в некоторой степени массивированным получением нового материала, так и общим восприятием жизни) психики. Но уже с другой, чтобы максимально познать себя (а значит и других – ведь психика, следуя Вундовскому закону интроекции – устроена одинаково) – желательно нести в себе некоторый выход из нормы.

А вообще-то, здесь и не было парадокса. Каждый выбирает какой-нибудь путь для себя. И уже в соответствии с ним – может рассчитывать на те или иные свершения.

13.05.86

В моем случае, я смог приблизиться к какому-нибудь ясному пониманию только в последние годы. И в какой-то мере, действительно было обидно, что не случилось того раньше. Например, в юности.

Сгусток противоречий, начинавших клокотать в моей душе в то время, противоречий, приводящих в неопикуемый разброд собственные мысли, и в том хаосе – что-то заставляло меня жить. Хотя, помнится, не очень-то и хотелось.

Но уже как бы то ни было, именно мое тогдашнее состояние – сподвигнуло меня ко всем тем поискам, в которых, по сути, пребываю я и по сей день.

Все началось с того, что я просто обязан был привести к какому-то подобию гармонии свое психическое состояние. Причем, потому, что, по всей видимости, мне не удавалось то поначалу – я косвенно мог судить: мои поиски способов осуществления подобного – будут продолжаться долго.

Однако я вполне допускал, что где-нибудь (на каком-то этапе размышлений) я мои расчеты могла закрасться и ошибка. И потому, - вполне оправданной выглядела попытка начать все сначала.

Ну, по крайней мере, вернуться к тому периоду, с которого, как я подозревал, все и началось.

Но уже стоило мне вновь начать анализировать свой жизненный период, в моем сознании случилась вспышка, инсайт, внезапное озарение неожиданно пришедшей мыслью.

А дело все в том, что я неким незавидным образом расставался со всем тем, что по всем критериям выходило за рамки старшего подросткового, юношеского возраста. Тогда как совершенно случайно вспомнил я: самое страшное было для меня не в 16-17 лет. Те годы как раз характеризовались началом серьезного жизненного осмысления. (Результативного, потому что не каждое размышление способно закончиться правильными выводами). А для возможности последующего, то есть предпринимаемого сейчас, анализа – своего рода тестирования реальности – следовало (и это было сегодняшним откровением) обратиться к периоду младшего и среднего подросткового возраста.

И уже здесь – для меня начинались действительно откровения.

Ну, начнем с того, что совсем уж детский возраст я все же мог отбрасывать смело. С чистой, как говорится, совестью. Там не было даже признаков на какую-либо последующую проблематику во взаимоотношениях с внешним миром. И, разумеется, с самим собой. Да, по сути, этого-то и не могло быть. Хотя и вполне допускалось. (Теоретически).

А вот средний детский возраст... Здесь, как оказалось, и был простор для размышлений.

И уже то, что поначалу (причем «начало» - затянулось) я забыл именно этот период (ошибочно отдав для анализа совсем иной), и свидетельствовало о включении, говоря психоаналитическим языком, механизмов сопротивления психики.

Другими словами, я более чем явно подозревал, что оказался на верном пути. И моя интуиция меня не подвела.

Как раз тогда, когда мне было 10-12 лет, я впервые ощутил то состояние, которое позднее сменилось уже чем-то иным. Но тогда... Тогда я чувствовал что мое внутреннее состояние вступило в явный конфликт с какой-либо (адекватной... конечно же адекватной) оценкой ситуации внешней среды. Причем, хоть какая-либо сбалансированность не думала начинаться.

И здесь же, пожалуй, это стоит отметить, впервые проявилась одна особенность моей психики. Та особенность, которой после я не раз находил объяснение. И выражалась она в том, что мой внутренний мир был как бы всегда за меня. Причем, своего рода идиллию ничто не могло разрушить. По всей видимости, это одно, что у меня оставалось. И потому цеплялся я за него самым, что говорится, надлежащим образом.

Но не это было сейчас главное. А по всему выходило, что состояние, которое сопровождало меня на протяжении школьных лет, могло характеризоваться как ужасное. Причем (пытаюсь вспомнить сейчас, а любое воспоминание – суть переживание заново) наталкивалось на всяческие (невидимые, но достаточно ощутимые) преграды, расставляемые памятью. Быть может и не стоит действительно вторгаться в эту область? Навсегда «похоронить» информацию, вытесненную (по законам психоаналитического жанра) в бессознательное психики. Но уже потому, что вытесненное – совсем не значит уничтоженное – я напрягал (усилием воли) собственную память. И как мне кажется, у меня начало что-то получаться.

Во-первых, тот период можно охарактеризовать возраставшим противоречием (с соответствующим возрастанием конфликтных ситуаций) с собственными родителями. Отец, как помнится, еще находился на свободе. Хотя нет. Пожалуй... пожалуй как раз можно каким-то образом объединить начало усилившихся во мне противоречий – с тем сфабрикованным приговором (через семь лет его официально признали таковым), по которому отца уже забрали от нас. От меня с мамой. (Другие родственники большей частью всегда были отдалены от нас. По крайней мере я никогда всерьез не задумывался об их существовании. Да и они, должно быть, сами находились под влиянием значимости моих родителей, и прежде всего, конечно отца. А потому – держались на расстоянии. Пока не позовут.)

По всей видимости, именно тогда, в тот период, когда мама была всецело поглощена – сначала судебным процессом (по причине значимости родителя – один пост чего стоил – его судила выездная комиссия Верховного Суда СССР), потом приведением приговора в исполнение (как

узнал позже – невероятно много сил ушло на то чтобы «подобрать» более-менее «оптимальную» зону, где бы он мог находиться), еще позже – маме уже приходилось удерживать (от наклонной плоскости) собственную карьеру, в общем именно тогда я как-то пошел по своему пути. Маме приходилось нелегко. Друзья отца (и ее) – предали, разом поспешив заняться своими несуществующими проблемами (ибо проблем в миру ничтожности занимаемых постов у тех попросту быть не могло). А маме... маме и правда разом стало невероятно трудно. Что, думается, отразилось и на мне. На моем психическом состоянии. Потому как и без того достаточно ранимая психика попросту перестала справляться с возложенными на нее нагрузками. Практически в одночасье рушился мой внутренний мир. И все попытки как-то удержать его – даже не то что были безрезультатными, а привели в итоге к тому, к чему, собственно говоря, и привели. То есть я как-то внезапно становился врагом самому себе. И, должно быть, для меня это был действительно замечательный (если можно так выразиться) урок. Урок – последствиями разрешения которого я мог быть поистине благодарен и по сей день. Потому как выработал своего рода важное, невероятно важное, правило: никогда не сдавать собственных позиций. Позиций – внутренней гармонии. И уже после – несмотря на потрясения, которые, в принцип е, постоянно вследствие какого-то злого стечения обстоятельств консолидировались, сосредотачиваясь возле меня – мое внутреннее состояние никогда не нарушало свойственной ей гармонии. Гармонии собственного «Я». Гармонии моего сознания.

Другими словами, при любых условиях я оставался в гармонии (понимании) с самим собой. И для этого вероятно и следовало испытать все то, что испытал я. Когда любое слово (независимо от того – специально оно было обдуманно или случайно обронено) явно настраивало собеседников против. Когда не только в результате каких-либо действий, но и даже самим своим присутствием вызывал еще в еще недавних товарищах протест, озлобленность, непонимание... Причем, зачастую, излучаемая с их стороны агрессия была такова, что вынуждало меня еще больше (хотя, по сути, куда было «еще больше») замыкаться в себе. И искать компромисс с самим собой. Я как-то интуитивно почувствовал, что это было сделать значительно легче. И каким-то образом предполагал видимо я далее, способно будет наладить контакт с окружающими.

По большому счету, это уже была самая настоящая борьба. Борьба себя – с самим собой же. Борьба – за сохранение гармонии, успокоения, внутри собственной личности, все время норовящей выйти за рамки уготованной для нее якобы нейтральной позиции.

И, несмотря на явное (а порой и возрастающее) сопротивление психики – можно было сказать: мне удавалось одерживать еще вверх в собственных начинаниях. Тогда как... Тогда как – было это все – все же достаточно призрачным. И, по сути, совсем ненужным.

Мне приходилось бороться с самим собой. И я совсем не мог поделиться об этом с окружающими. Слишком опасался я неверной оценки происходящего. Боялся неверного слова, взгляда, жеста.

Слишком хрупким было достигнутое равновесие. И любая деталь могла разом отбросить меня назад, загубив все начинания.

14.05.86

Однако, иной раз создавалось впечатление, что мои собственные успехи в деле анализа прошлого – не только наталкивались на вполне явное сопротивление, но и, что пожалуй было наиболее печальным, уводили меня в сторону – в том самом анализе действительности.

Вообще-то, если разобраться, какие-либо попытки сделать заключение на основе воспоминаний – уже как бы изначально могут иметь крен в сторону. (И иной раз достаточно ощутимый).

Поэтому на каком-то этапе я уже даже было отказался от них. Вернее – не от самих воспоминаний, а от заключения каких-либо выводов.

Впрочем, прошло еще какое-то время, и вновь вернулся к прежнему.

Просто выходило так, что у меня ничего и не было кроме этих воспоминаний.

А значит – память вновь и вновь начинала возвращать меня в прошлое. Да я этому, признаться, и не противился. Ведь это было если хотите – возможность. Выживания. Залогом. Залогом, некой, пусть и призрачной, гарантией выживания в обществе. Адаптации к среде.

И уже здесь можно было заметить, что одной из причин начала воспоминаний – была попытка, помимо всего прочего, и разобраться в причине собственных страхов.

И при этом я мог почти что утверждать: страх – почти единственное, что не сопровождало мое развитие (и, соответственно, становление как личности, как индивида – члена общества, одно из звеньев в нескончаемой цепи составляющих социума) с самого начала более-менее осознанной жизни. Даже наоборот – я вполне мог бы утверждать, что впервые в полной мере ощутил я подобное (более чем незавидное, по сути) состояние – всего каких-то... лет десять.... Скорее – пятнадцать назад. Причем поначалу даже не обратил на возникновение страха никакого внимания. Ну, точнее, никакого особого внимания, которое бы заставило меня по меньшей мере задуматься о природе его возникновения. Ничего такого не было. Я просто как-то неожиданно стал испытывать что-то вроде тревожностей. А ведь даже, что интересно, беспокойством это не назовешь. Тревожность... именно тревожность, каким-то необъяснимым для меня образом в последствие переросшее в страх. И страх-то был... Страх, мой страх, не имел какой-либо конкретной направленности. Он ни к чему не был приурочен. Не имел (даже где-то вдали) какого-то

конкретного лица, предмета, да и вообще – ничего. Вроде как был страх – сам по себе. Страх – совсем ни к чему конкретному не обращавшийся. А лишь предназначался он мне. Я жил с ним. Он жил во мне. И, собственно, на каком-то этапе я даже перестал задумываться о нем. Для меня это стало совсем обыденным. Почти привычкой. Вредной привычкой. И независимо от вредности (или полезности) привычки – от нее не так-то легко было избавиться. А то и вовсе считаешь даже нецелесообразным делать это. все происходит как бы само собой, между прочим. Без возникновения ситуации. И потому... И вероятно потому – я не замечал ничего, что заставило бы – бить тревогу. Не замечал, пропустил тот момент, когда я – обрати внимание: быть может способен бы был – хоть как-то повлиять на ситуацию. (Не говоря о том, чтобы вообще изменить, нивелировать смысл происходящего).

И ведь у меня действительно не было оснований полагать тогда, в молодости (25 – чем не молодость) – что разраставшаяся во мне тревожность – пришла навсегда. За что и заплатился после.

Сама по себе тревожность – являвшаяся уже визитной карточкой состояния собственной психики – несла в себе поистине разрушительные последствия для моей душевной жизни. Уже как следствие ее – была моя замкнутость. Моя (искусственная по сути) отчужденность от жизни. Нежелание даже вообще выходить «на люди». Показываться в обществе. Тревожность – уже являлась следствием беспокойства. Внутреннего беспокойства. И постепенно это становилось достаточно характерной деталью меня.

15.05.86

А ведь присутствовала достаточно долго в моем детстве еще одна черта собственной психики, которая значительно укорачивала мне жизнь. Негативно окрашивала восприятие этой самой жизни. Нарушала сформировавшийся в подсознании порядок миропонимания.

А выходило так, что все, чтобы ни сделал я – непременно теряло изначально закладываемый смысл; переиначивало его; и оставляло меня – в мнении окружающих – абсолютнейшим кретином. Формируя в моем подсознании стереотип неудачливости, изначально неудачливости при совершении каких-либо действий, и стереотип неудачника – в глазах окружающих.

И должно быть (воспоминания - довольно коварная штука, иной раз возможны смещения – и порой значительное – сроков давности) присутствовали и фобический ужас, и раздвоение личности (некие задатки шизофрении, но еще не она), и конечно же – все те состояния тревожности,

беспокойства, которые в какой-то мере рождались из неуверенности по отношению к себе. Ну или же наоборот – вот подумал сейчас – были следствием ее.

И уже тогда могу заметить, что подобные состояния в то время самым невероятнейшим образом затянулись по времени, и в итоге – не только во время молодости, но и даже т.н. зрелой молодости – я все еще продолжал испытывать поистине страх возвращения чего-то подобного своему давнишнему состоянию. Когда характер любых поступков носил изначально негативный окрас.

И при этом с какой-то маниакальной настойчивостью (на само деле сказывалось природное упрямство) я стремился изменить ситуацию. Что было, по сути, просто нереально. Хотя бы потому, что совсем невозможно переделать себя. Вернее – изменить в себе то, что как бы изначально свойственно лишь тебе. И что наверняка все равно проявится в тебе. Потребуется какой-никакой мобилизации внутреннего «Я». Вынужденного смириться с действительностью.

И при этом, что уже может быть достаточно характерным показателем, совсем невозможно будет переиначить, изменить, ход запланированных событий. Превратив то нечто, что сопровождало тебя – в какую-либо иную цепочку событий. Нет. Конечно же, невозможно. Но... но уже потому что я не оставлял подобных попыток – можно было хотя бы судить что я не смирился с происходящим. И в итоге моя победа была как итог, следствие настоящей работы над собой. Работы, у которой совершенно случайно (или все же закономерно?) выявился победитель.

Вообще, я заметил, что достаточно много бед (лично для меня) приносила моя неопределенность. Ведь несмотря на как будто бы наметившиеся (и так или иначе расставленные) ориентиры – я тем не менее дрейфовал (слово, кстати, наиболее выражающее мое положение) между различными видами деятельности. Причем, наибольшая сложность происходила из-за их порой кардинального отличия между собой. И пока я пристал к берегу, с которого (как надеюсь) уже не уйду – должно было произойти немало самых настоящих бед для моей психики. Потому как – шатало ее невероятнейшим образом.

Однако, по большому счету, подобное было достаточно закономерным фактом. И в какой-то мере даже исходило из тех начальных предрасположенностей, к которым так или иначе я был предрасположен самим рождением. Рождением и, уже вследствие этого, приобщением УК тому кругу, которому волей случая был причислен. Хотя, по сути, что это был за круг? Пожалуй, уместнее говорить о людях, так или иначе, его формирующих.

И тогда уже вновь я был просто обязан вернуться к фигуре отца. Отца, который сформировал ту политику (атмосферу – окружающую нас), и который конечно же повлиял на мое мировоззрение. Хотя и достаточно подсознательно. Косвенно. Ненамеренно.

Петр Владиленич, несмотря на громкое звание, должности, и весь тот ореол, который витал вокруг него уже при жизни (еще в то время когда он был «на коне») – на самом деле являл собой пример достаточно скромного, невероятно интеллигентного, и, как следствие, достаточно ранимого человека.

Как мне уже приходилось упоминать – таковым он был в быту. И, безусловно, дома. На работе же невероятнейшим образом преображался. И тогда оказывалось, что в нем была (таилась) и властность, и расчетливость, и даже жестокость (жесткость – само собой, но и именно была еще жестокость). Но это было – где-то там, в другом месте. Перед нами же отце предстал чуть ли не в роли жертвы. Вероятно, будучи сломленным не в меру властной матерью. Которая – и это часто бывало причиной споров родителей – оставалась «одной и той же» - во всех ситуациях. У нее даже и в мыслях не было меняться. Играть. Подстраиваться под окружающих.

Наоборот. Это они должны были подстраиваться под нее. Под ее свободолюбивый нрав. Под ее стремление к справедливости. И иной раз это самое стремление к справедливости являлось причиной самых жутких трений там, где появлялась мама со своей «правдой».

Но вот отец был не таков.

Безусловно понимая что подобного рода «демократическое» поведение в семье загоняло его в еще большие рамки условностей – он тем не менее предпочитал подчиниться, нежели являться инициатором какого-либо конфликта. Своего рода – это тоже можно было отнести к так называемым защитам психики. Ибо он таким вот образом защищал свое справедливое право на существование. Точнее – на относительное спокойное существование. Потому как совсем спокойным оно при маме быть не могло. Она обязательно находила причину для ссоры. Причем эта самая причина, конечно же, как говорится, имело место быть. Просто в иных случаях ее можно было бы не замечать. Ну или, конечно же, сделать вид что не замечаем. И это, по сути, тоже было бы правильным. Потому как на первый взгляд одна и та же правда – на самом деле это или правда, или ложь. А если посмотреть по-другому, то как бы и нет ничего подобного. Не существует. Вернее – существует, но мы стараемся не замечать. Да и зачем? Себе дороже...

Намного страшнее (страшнее – для чего-то того, что сидело глубоко в подсознании и уже так или иначе направляло будущие действия) для меня вырваться из рамок, в которые я последовательно сам себя загонял в течение жизни. Причем, постепенно для меня стала выявляться и основная ошибка. Ошибка, являющаяся своего рода маяком – собиравшим последующие несчастья и разочарования, являющаяся инициатором тревог и беспокойств, развития всех тех фобических состояний (по отношению к обществу, к людям, к возможной необходимости

коммуникативных отношений), в которых я не только находился постоянно, да и были опасения что они уже навсегда прилились ко мне.

Долгое время основной формой сопротивления было... отсутствие сопротивления. Внешне.

Бастовала только моя душа. Душа, томящаяся в жестких навязанных рамках. Стремящаяся хоть каким-то образом повлиять на разрешение наметившихся (и уже становившихся привычными) противоречий. Причем, был, по всей видимости, один способ из наиболее вероятных (допустимых, возможных) случаев. Инсценировать разрыв сформировавшейся стереотипичности моего мышления. Выйти за рамки навязанных (опять же – самому себе) образов. Разорвать порочный круг затуманившихся мировоззрений. Причем, уже то, что не способен был я это сделать раньше – как бы косвенно говорит в пользу сложности задуманного шага. Сложности,- граничившей с неподъемностью. Но неподъемность – совсем не синоним невозможности. Напрашивающаяся близость этих слов вероятно не только меня вводило в заблуждение. А на самом деле это только в очередной раз свидетельствовало в пользу правильности задуманного. Причем, я нашел какое-то объяснение затянутости долгожданного шага. Собственная личность действительно должна была сменить мировоззрение. Изменить восприятие анализа действительности. Это было необходимо.

Когда я надумал решиться – оказалось, что, несмотря на предварительный настрой и внутреннюю подготовку – мне и не так-то легко что-нибудь сделать. Я словно мог выпластаться из устоявшихся рамок. Хотел. Но не мог.

И как раз это было основной причиной, вынуждавшей взывать мою истерзанную душу. Готовую смириться, но так и не смирившуюся до конца. Но я должен был благодарен подобной ситуации, возвращающей меня обратно. К поиску. К стремлению поиска истины. И когда я уже готов был смириться, я неожиданно нашел то, что все время ускользало от меня. И вот это состояние позволило мне выработать решение: необходимо было ломать устоявшийся стереотип собственного восприятия. Выйти за рамки навязанного (и прицепившегося как бы между прочим) образа. Сломать – быть может даже – собственную идентичность.

Но вот за всей этой деструкцией – и должно было прийти как раз то, к чему я, собственно говоря, и стремился. И это должно было ознаменовать собой то светлое и долгожданное в моем случае начало, в которое я было уже перестал и верить... Насколько я был прав?

И уже знал, что рассудить не сможет меня никто. И даже я сам.

А любой какой-либо шаг в данном направлении – изначально будет нести на себе отпечаток чего-то ирреального. Ненастоящего. Способного увести в сторону от намечавшихся истин. Потому

как совсем не может быть одной истины. Их несколько. Много. Невероятно много. И каждая из них будет верна. В зависимости от плоскости рассмотрения наметившейся ситуации.

Сергей Зелинский

Май 2005

.

© С.А.Зелинский. Неопубликованный дневник. Том 1.

Наказание.